

Как это было...

Воспоминания сотрудников
Института славяноведения

Российская Академия наук

Институт славяноведения

Как это было...

Воспоминания сотрудников

Института славяноведения

Москва • 2007

Составитель и ответственный редактор
кандидат исторических наук *Е. П. Аксенова*

Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. — М.: Институт славяноведения РАН, 2007. — 280 с.

Вниманию читателей предлагается сборник воспоминаний сотрудников Института славяноведения РАН. В книгу вошли в основном не публиковавшиеся ранее воспоминания о начальном и последующих периодах деятельности Института, о работавших в нем выдающихся ученых, об общественной и культурной жизни коллектива. Фрагментарный характер мемуарных отрывков объясняет тот факт, что различные направления деятельности Института получили не одинаковое освещение. Но надеемся, что и собранный в книге материал, являющийся бесценным свидетельством прошлого, вызовет интерес не только у сотрудников Института всех возрастов, но и тех, кто так или иначе соприкасался с Институтом славяноведения в различные годы, и тех, кто просто интересуется историей развития науки в нашей стране и деятельностью известных ученых.

В книге публикуются фотографии разных лет из архива Института и личных архивов сотрудников.

ISBN 978-5-7576-0208-0

© Институт славяноведения РАН, 2007

Предисловие

Это было недавно, это было давно...

В конце первой половины XX столетия, а точнее — в сентябре 1946 г. Президиум Академии наук СССР издал постановление о создании в Москве при Отделении исторических наук Института славяноведения. Это решение вызревало в течение ряда лет и было вызвано как развитием самой науки, так и внешнеполитическими факторами. Институт был сформирован на базе соответствующих «славянских» секторов Института истории и Института русского языка, а также Славянской комиссии АН. К концу года были в основном решены организационные, бюджетные и хозяйствственные вопросы, и 31 декабря, накануне Нового года был подписан первый приказ. С января 1947 г. началась научная деятельность Института славяноведения¹, поэтому в его коллективе сложилась традиция отмечать круглые юбилеи в начале года, оканчивающегося на семерку.

В первые годы «новорожденный» Институт имел очень скромный штат сотрудников и нехитрую структуру, основу которой составляли сектор истории и сектор филологии. С годами развивались и дифференцировались, появлялись новые направления научных исследований, увеличивалось число научных сотрудников (росла их научная квалификация), создавалась более разветвленная структура, которая на протяжении десятилетий неоднократно менялась и усовершенствовалась. В состав Института вошла созданная в 1956 г. по инициативе академика М. Н. Тихомирова и руководимая им Археографи-

¹ Более подробно об истории Института славяноведения см.: Двадцать пять лет деятельности Института (1947—1972). М., 1971; Институт славяноведения и балканистики. 1947—1977. М., 1977; Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.

ческая комиссия (которую затем на протяжении почти сорока лет возглавлял С. О. Шмидт). Серьезные изменения в деятельности Института произошли в 1968 г. — в этот период сфера научных исследований значительно расширилась за счет включения в нее проблематики балканских и центрально-европейских стран, ранее не являвшейся предметом специального изучения. С этого года Институт стал именоваться Институтом славяноведения и балканистики. Влились новые научные силы, появились новые подразделения. 1980-е — начало 1990-х годов, ознаменованные «бархатными революциями» в странах Восточной Европы, распадом СССР и Югославии, внесли свои корректизы в задачи, стоявшие перед Институтом. В 1990-х годах в сферу исследовательских интересов Института вошли украиноведение и белорусоведение (ранее относившиеся к области отечествоведения). В конце 1990-х годов было принято решение вернуть Институту прежнее название.

Первым директором Института был утвержден академик Б. Д. Греков, а одним из его заместителей — академик В. И. Пичета. Впоследствии Институт возглавляли член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков, доктора наук И. И. Удальцов и И. А. Хренов, академик Д. Ф. Марков, член-корреспондент РАН В. К. Волков. В Институте работали и продолжают работать все те, для кого славяноведение стало неотъемлемой частью жизни, и среди них — многие замечательные, выдающиеся учёные, чьи имена составляют славу отечественной и мировой науки.

Научная продукция коллектива Института поистине огромна и многообразна. Она в значительной мере отражает широту исследовательской проблематики и комплексного подхода к изучению истории, современного положения, культуры славянских и балканских народов. Индивидуальные и коллективные монографии, обобщающие труды, сборники статей, документальные публикации, словари и справочники составляют богатую палитру изданий Института, среди которых необходимо упомянуть существующий уже более сорока лет собственный журнал «Славяноведение» (ранее — «Советское славяноведение»). В первые десятилетия выходили также «Ученые записки» и «Краткие сообщения» Института славяноведения. Научное творчество сотрудников Института известно далеко за пределами нашей страны. Институт был и остается авторитетным научным учреждением как в России, так и за рубежом.

С самого начала своей деятельности Институт не только проводил научные исследования, но и занимался подготовкой новых научных кадров через свою аспирантуру, а затем и докторантуру. Многие сотрудники Института прошли эту школу.

Институт славяноведения, по определению, не мог бы успешно работать без связей с зарубежными коллегами — славистами и балканистами — и научными учреждениями соответствующего профиля (как в изучаемых, так и в «изучающих» странах). Единичные контакты первых лет существования Института постепенно переросли в широкое и разностороннее международное сотрудничество, приносившее заметные плоды. После раз渲ла соцсистемы эти связи, к сожалению, резко сократились. Начиная с 1950-х годов, сотрудники Института являлись непременными участниками международных съездов славистов, а затем и конгрессов балканистов, византинистов, выступали на других крупных международных форумах, вели большую работу в Международном комитете славистов, участвовали в интердисциплинарных проектах и организациях (Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур, Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы) ЮНЕСКО.

За время своего существования Институт неоднократно менял «квартиры»: сначала было небольшое помещение на Волхонке (д. 14), затем более просторные «апартаменты» на Кропоткинской улице (ныне здание Музея А. С. Пушкина на Пречистенке). Когда стал тесен старинный особняк в Трубниковском переулке (д. 30-а), Институт получил дополнительную площадь на Ленинградском проспекте (д. 7), затем некоторым секторам пришлось переехать в полуподвальное помещение на ул. Вавилова, пока, в конце концов, весь коллектив не воссоединился в новом здании Президиума РАН на Ленинском проспекте (д. 32-а) — это красивое, комфортабельное и престижное здание (но ностальгия по Трубникам нет-нет да защемит сердце).

В этом году Институт отмечает свое 60-летие. По человеческим меркам это солидный возраст, когда появляется потребность осмыслить сделанное и с высоты прожитых лет посмотреть на пройденный путь, который отнюдь не всегда был легким и прямым — встречались и крутые повороты, и ухабы... Последнее двадцатилетие было особенно богато событиями, требующими пристального внимания и серьезного научного

анализа. Но, оглядываясь назад, так хочется вернуться в стальные, добрые времена, когда все только начиналось...

В свои шестьдесят Институт вовсе не чувствует себя «пожилым». В отличие от человеческого организма он постоянно обновляется — молодые сотрудники и аспиранты вливают «свежую кровь» и дают новые силы для дальнейшего развития. Однако стержнем, цементирующей основой деятельности Института остаются его «ветераны» — старейшие сотрудники, работающие в нем сорок—пятьдесят (и больше!) лет, чьи имена и труды, которыми мы по праву гордимся, являются авторитетными в российских и зарубежных научных кругах. Их опыт и мудрость — ценнейшее достояние коллектива Института. Они с готовностью делятся с молодым поколением своими обширными знаниями. А в праздничные дни наши «старейшины» любят вспоминать былые времена, свою молодость, совпавшую с «молодыми годами» Института. В такие минуты они похожи на дедушек и бабушек, вокруг которых собирались дети и внуки, чтобы послушать интересные истории.

Время летит быстро. И уже ровесникам Института, начавшим свою трудовую деятельность в семидесятых годах, есть что вспомнить и рассказать молодым коллегам.

К любым воспоминаниям не стоит относиться как к абсолютно точным документальным свидетельствам. Память — инструмент несовершенный, она избирательна и фрагментарна. Что-то помнится ярко, как будто было только вчера, а что-то совсем забылось. Одни и те же события и люди разным мемуаристам представляются с разных точек зрения. Сейчас, по прошествии многих лет и даже десятилетий научная жизнь Института зачастую видится не только в серьеcном ключе — некоторые ее стороны воспринимаются с юмором и иронией (часто — самоиронией). В годы молодости Института был молод и его коллектив, у которого на все хватало сил — и на научную работу, и на общественную, и на веселый отдых (праздники, «капустники», экскурсии). Спустя десятилетия, все это вспоминается со светлыми, теплыми, добрыми чувствами.

Предоставим же слово ученым старших поколений, которые могут напомнить о том, как все начиналось, как развивалось, как это было в те далекие и близкие, трудные и прекрасные — неповторимые годы! И пусть, подхватывая эстафету, к их голосам присоединятся голоса более молодых коллег.

Итак...

О работе и не только

Своими воспоминаниями делятся...

М. А. Бирман

О В. И. Пичете и «пичетнике» (к истории создания Института славяноведения)

О Владимире Ивановиче Пичете (далее — иногда В. И.) опубликовано вроде бы не так уж и мало. И можно с удовлетворением констатировать, что его имя не осталось в забвении. Постарались прежде всего коллеги и ученики. Вспомним: сразу же после кончины в «Ученых записках» Института славяноведения (1949) появились большие статьи о его вкладе в исследование истории России (автор — академик С. В. Бахрушин), зарубежных славян (С. А. Никитин); позднее — публикация ученика В. И., В. Д. Королюка «Опыт творческого портрета». На рубеже 1950 — начала 1960-х годов с грифом Института славяноведения (далее — иногда Инслава) под редакцией В. Д. Королюка, И. С. Миллера и других полонистов переизданы в двух огромных томах труды В. И. Пичеты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (М., 1958) и «Белоруссия и Литва XV — XVI вв.» (М., 1961).

Впоследствии о В. И. Пичете появились новые публикации. Наиболее значительная из них — изданный в Москве к широкому отмеченному Инславом 100-летию со дня рождения В. И. большой сборник — «Славяне в эпоху феодализма» (М., 1978). Первый его раздел содержит статьи и воспоминания о В. И., о различных аспектах его научной и научно-организационной деятельности; во втором блоке тома помещены исследовательские статьи учеников В. И. Пичеты преимущественно на темы, давшие название всей книге. В том же 1978 г. и чуть позже в Минске вышли публикации об академике, его вкладе в изучение истории Белоруссии, его роли — в качестве ректора созданного им первого в Белоруссии университета — в строительстве науки и культуры в республике. В Институте славяноведения состоялось несколько чтений памяти академика В. И. Пичеты.

Одной из недостаточно, по моему мнению, оцененных и мало освещенных страниц предыстории Института славяноведения и жизни и деятельности В. И. Пичеты, является работа руководимого им в 1943—1947 гг. неформального семинара аспирантов. В нем прошла серьезную научную школу значительная часть молодых историков-славяноведов Москвы, пришедших в созданный в самом начале 1947 г. Институт славяноведения и пополнивших штат преподавателей кафедры истории славян истфака МГУ.

Хочу поделиться своими воспоминаниями о семинаре, в котором мне посчастливилось принять участие около 60 лет назад. Многое, разумеется,стерлось в памяти. Вместе с тем у меня сохранилось ощущение (с годами оно окрепло и превратилось в убежденность): семинар, который мы все, его участники, дружно именовали нетривиальным и ласковым словом «пичетник», в моей жизни, полагаю, и в жизни большинства его постоянных участников, сыграл огромную роль.

Мои заметки строгий критик, блюститель чистоты жанра, по всей видимости, отнесет к весьма условным воспоминаниям. И будет в какой-то степени прав. Поскольку я намереваюсь в дальнейшем повествовании по мере необходимости перемежать мемуарные заметки цитированием и комментированием уже обнародованного по интересующей меня теме.

Сразу же оговорюсь: я не был аспирантом В. И. Пичеты. Но ко времени начала работы семинара у меня уже сложился стойкий интерес к новой и новейшей истории южнославянских стран и народов — Болгарии, Сербии (Югославии), ко всему Балканскому региону. Этот интерес возник еще в предвоенные годы, когда будучи студентом истфака МГУ я написал под руководством проф. В. М. Хвостова свою первую работу «Россия и образование Балканского союза 1912 г.». Вернувшись после ранения и демобилизации из армии к научным занятиям, я заинтересовался работой сектора славяноведения Института истории (заседавшего тогда на Волхонке). И когда мой однокашник по университету (мы изучали латынь в одной языковой группе) Г. Э. Санчук и другой знакомый университетских времен В. Д. Королюк, проинформировав меня о начале работы семинара, пригласили принять в нем участие, я охотно принял их предложение (хорошо помню, что я появился не на первом и, кажется, даже не на одном из первых заседаний семинара).

Работал семинар с осени 1943 до весны 1947 года, то есть приблизительно около четырех лет. По пятницам, более или менее регулярно — с интервалом в одну—две (редко, три) недели мы собирались на дому у В. И. Пичеты в Обыденском переулке, в одном из старых районов Москвы. Квартира академика тогда (гораздо позже он получил в академическом доме на Ленинском проспекте просторные апартаменты) представляла собою одну — но очень большую — комнату. Она была искусно разделена хозяйкой (с помощью перегородок — ширм и мебели) на части, условно составлявшие гостиную (в ней могло поместиться примерно человек 15), рабочий кабинет и спальню.

Бессменным секретарем семинара был аккуратный и исполнительный аспирант В. И. Генрих Эдуардович Санчук, очень уравновешенный и «эластичный» (умевший в деликатных ситуациях найти нужный тон). Он составлял (с санкции В. И.) приблизительный план-график работы семинара на ближайшие один, два, три месяца, договаривался с возможными докладчиками и извещал о дате и теме очередного занятия. Часто он объявлял об этом на происходивших (на Волхонке) заседаниях сектора славяноведения Института истории, который более или менее регулярно (и параллельно с семинаром) работал под руководством того же В. И. Пичеты.

Обстановка, в которой проходили занятия в семинаре, мне сразу же понравилась. Не было никакой официальности, что было обусловлено натурой В. И., его органичным обаянием. У академика не было и намека на привычку и желание держать дистанцию с учениками. Благожелательность, спокойный и открытый характер В. И. создавали в семинаре особую ауру — атмосферу раскованности, дух «сотворчества».

Вместе с тем В. И. внушал уважение своим благородным внешним обликом, манерой держаться. Он производил впечатление человека, понимавшего ответственность, выпавшую на его плечи, ответственность за судьбу возрождавшегося в стране — после длительных гонений — славяноведения. Именно эта ответственность (как я полагаю) побудила его после ареста в 1930 г. и возвращения из ссылки в Москву в 1935 г. заняться, в первую очередь лекторской и иной преподавательской деятельностью на истфаке МГУ, подбором и подготовкой студентов и аспирантов — по началу их были единицы.

М. А. Бирман

О В. И. Пичете и «пичетнике»
(к истории создания Института славяноведения)

Помню, что в сентябре 1939 г. на моем тогда третьем курсе истфака записались на кафедру истории славян лишь Г. Э. Санчук и С. Ф. Одуев (последний вскоре переориентировался, занявшись философией истории; я же, выбрав в начале семинар проф. В. М. Хвостова по новой истории, проделал в итоге обратный путь). Позже к этим заботам по кафедре у В. И. Пичеты прибавились возросшие научно-организационные заботы по сектору и руководство семинаром. На сочинение же собственных научных трудов у травмированного пребыванием в тюрьме и в многолетней ссылке В. И. (не забудем, что ему шел семь мой десяток) душевных и нервных сил, видимо, уже оставалось очень мало.

Семинар В. И. вел в свободной манере. После зачтения реферата докладчиком (текст иногда представлялся отпечатанным заранее, часто случались сбои) последний отвечал на вопросы. Затем наступал антракт для отдыха. А после перерыва происходил обмен мнениями по заслушанному докладу. Дискуссии иногда бывали оживленными. В завершении В. И. заключал заседание, резюмируя итоги дискуссии и высказывая, подчас развернуто, свои соображения по обсуждавшимся проблемам.

Во время перерыва гостеприимная хозяйка, миловидная и не лишенная некоторой элегантности (но без каких-либо намеков и тем паче претензий на «модерн») жена В. И. Александра Петровна потчевала собравшихся; она была второй женой В. И., и детей у них не было (от первого же брака у В. И. была дочь Ксения Владимировна, изредка приходившая на заседания сектора юбилейно-мемориального характера). Растропенная и благожелательная Александра Петровна успевала наполнить каждого из присутствующих стаканом горячего сладкого чая с вкусной булочкой. В голодной Москве периода войны и послевоенных лет хлеб, сахар и другие продукты выдавались в минимальной дозе по карточкам, а все, что сверх нормы, приобреталось по чрезвычайно высокой цене в так называемых коммерческих магазинах. И это радушное гостеприимство производило на нас впечатление — придавало занятиям в семинаре полудомашний характер.

С некоторыми постоянными участниками семинара я был знаком еще со времен учебы на историческом факультете МГУ в предвоенные годы. С другими же познакомился на заседаниях сектора славяноведения или самого семинара. Время от

времени (в зависимости от темы обсуждавшихся рефератов и по желанию отдельных докладчиков, а также по приглашению самого В. И. или с его санкции) появлялись лица, участие которых в семинаре носило скорее эпизодический характер.

Среди постоянных членов семинара выделялось «трио» молодых историков, позже ставших лидерами в Институте славяноведения. Они дружили между собой (и не скрывали этого обстоятельства). Совместная работа в семинаре и в секторе под руководством такого научного руководителя, каким был В. И., сплачивала их и всех участников (встречались на нашем пути и такие патроны, которые интригами противодействовали дружеским связям среди учеников). С каждым из упомянутой троицы — это были В. Д. Королюк, И. С. Миллер и И. И. Удальцов — я познакомился еще на довоенном истфаке. Они были очень разные по натуре, складу ума и темпераменту и в чем-то дополняли друг друга.

Едва ли не самым активным членом семинара был Владимир Дорофеевич Королюк (тогда мы его звали Володей). Он был по природе очень эмоциональным; в семинаре отличался серьезными и искрометными, полными оригинальных и парадоксальных идей выступлениями. А в чем он бесспорно всех превосходил, был на голову выше, в чем никто к нему и не приближался, так это в богатом чувстве юмора. Из его уст неизменно струился поток шуток — экспромтов, острот и присловий (особенно во время перерыва между заседаниями). Большинство постоянных участников семинара были (как и я) очень молоды. Хотя страна только отошла от края пропасти, в которой она чуть не оказалась в 1941—1942 гг., подлинного понимания пережитого обществом глубокого трагизма общеноционального масштаба у нас (у меня лично) тогда не было. Молодость брала свое.

Представительным и заметным участником семинара был Иван Иванович Удальцов (друзья между собой называли его «Иван», а иногда «Ива»). Его отец — проф. Иван Дмитриевич Удальцов (член партии с 1905 г.) был до войны популярным (как я хорошо помню) среди студентов деканом исторического факультета МГУ, в конце войны возглавил вновь созданный в МГУ факультет международных отношений, вскоре преобразованный в самостоятельный, существующий и ныне МГИМО. Дядя (А. Д. Удальцов), также член партии с большим стажем,

М. А. Бирман О В. И. Пичете и «пичетнике»
(о истории создания Института славяноведения)

член-корреспондент Академии наук имел влияние в Академии. Семейные связи благоприятствовали тому, что Иван Иванович, радевший об интересах развития славяноведения и обладавший большим общественным темпераментом, стал, пожалуй, одной из самых активных фигур, добивавшихся создания самостоятельного института. Иван Иванович был вхож в так называемые «инстанции», многое знал, но делился информацией очень осторожно. Хорошо воспитанный, не лишенный элегантности он был (в душе) большой ценитель юмора. Однако, в отличие от В. Д. Королюка, умел сдерживать эмоции, был хладнокровен и выдержан в серьезных и щекотливых ситуациях. Будучи амбициозным, он позднее перешел из Инслава в отдел науки ЦК партии, затем стал дипломатом. И в завершении вернулся в Институт, защитил докторскую и издал две книги, подведя итоги своим давним занятиям историей Чехии и Словакии XIX и XX вв. и связанным с ними проблемам (ими он занимался в период аспирантуры и в семинаре у В. И. Пичеты).

Иным был облик Ильи Соломоновича Миллера, несомненно, являвшегося одной из ведущих и авторитетных фигур в семинаре. Созревший как личность ранее других своих сверстников, многоопытный и «многомудрый» Илья Соломонович успел защитить кандидатскую диссертацию еще в 1941 г. И был таким образом — в отличие от большинства участников семинара, в числе которых находились и его ровесники, — формально не аспирантом, а дипломированным, хотя и молодым научным работником. Его выступления были отмечены печатью большой эрудиции, глубокой аналитичностью и аргументированностью.

В. Д. Королюк и И. С. Миллер — оба, поначалу сформировавшиеся как полонисты, — проявляли одновременно большое внимание и к проблемам истории России и русско-польских отношений: Королюк испытывал влечение к раннему Средневековью и иным темам медиевистики, к эпохам Ивана Грозного (Ливонской войны) и Петра Великого; Миллера же притягивали проблемы истории России и русско-польских отношений XIX века, насыщенного драматическими событиями и коллизиями. И у Миллера на этой почве возникло некое скрытое соперничество с проявлявшей активность в семинаре (в том числе и в полемике с ним) Ириной Михайловной Беляв-

ской (Тышкевич). Аспирантка В. И., вскоре ставшая преподавательницей кафедры истории славян истфака МГУ, готовившая диссертационное исследование на тему «А. И. Гершен и польское национально-освободительное движение» (позже успешно защищенное и изданное книгой), амбициозная, яркая и обладавшая большим темпераментом, несомненно хороший лектор, она не пропускала случая, чтобы скрестить шпаги в словесном поединке с Ильей Соломоновичем. И мы, участники семинара, были свидетелями этих неоднократных квалифицированных, иногда довольно острых полемических дуэлей по проблемам русско-польских отношений XIX в.

Одним из постоянных и непременных участников семинара была аспирантка Владимира Ивановича Ирина Степановна Достян, готовившая диссертацию по истории сербов периода османского владычества. Позже она уже в рамках Инслава успешно защитила кандидатскую и докторскую, плодотворно занималась (занимается и поныне) исследованием проблем истории южных славян, политики России на Балканах. Из всех членов семинара в период последующей долголетней работы в Институте славяноведения мне пришлось больше всего общаться и сотрудничать (не считая В. Д. Королюка) именно с Ириной Степановной. Не могу здесь не упомянуть нашего совместного участия в подготовке этапного для начального периода деятельности Института академического двухтомника по истории Югославии (опубликованного в 1963 г.). Не могу также не вспомнить наше многолетнее сотрудничество с И. С. Достян в рамках позднее сформированного сектора Новой истории балканских народов. Я всегда радовался ее высокой квалификации (испытывая удовлетворение признакомстве с ее трудами), а также и умению содействовать созданию в секторе благожелательно-коллегиального климата, ее отзывчивости, выдержанке и надежности.

Не могу не отметить, что в нашем семинаре численно доминировали участники, исследовавшие проблемы полонистики и богемистики. Историей же балканских, южных славян, кроме И. С. Достян, занимался лишь автор настоящих воспоминаний и приходивший на заседания «пичетника» готовивший и защитивший вскоре кандидатскую по новой истории Болгарии сотрудник сектора С. Ш. Гринберг, опубликовавший затем статьи по экономической истории Болгарии (он,

М. А. Бирман О В. И. Пичете и «пичетнике»
(к истории создания Института славяноведения)

В. Н. Кондратьева и М. В. Миско — оба последних полонисты, как и некоторые другие «остепененные» сотрудники сектора старшего поколения, часто проявляли интерес к работе семинара, к обсуждавшимся в нем конкретным докладам и темам). В числе немногих членов семинара, занявшихся изучением истории южных славян был также и аспирант с кафедры истории славян истфака МГУ В. Г. Карасев (впоследствии участвовавший в качестве автора и члена редакции I-го тома названной истории Югославии, выпустивший ряд других работ по истории Сербии, в том числе книгу с грифом Инслава¹).

Вероятно, сказывалось то обстоятельство, что на созданной в сентябре 1939 г. на истфаке МГУ кафедре истории славян ее руководитель В. И. Пичета, читавший общие курсы по истории славян, позже по историографии и источниковедению истории славян, а также и ряд специальных курсов — по истории как южных, так и западных славян, преимущественное внимание поначалу смог уделить курсам по истории численно наиболее крупного — из зарубежных славян — польского народа (среди прочитанных им спецкурсов выделялся большой курс «Истории Польши XIX в.», которым он открыл занятия на вновь образованной кафедре). Другим же профессором кафедры (им и завершался тогда список лекторов кафедры) стал бежавший из захваченной нацистами осенью 1938 г. Праги (о его удачном побеге рассказывали легенды) известный чешский историк проф. Зденек (в Москве он обрел не только убежище и работу, но и отчество Романович) Неедлы. Он прочитал свои курсы — «История чешского народа», «История Словакии», «История Закарпатской Украины» и «Введение в славяноведение». И в исследовательских личных планах двух профессоров-славистов кафедры и сектора были почти исключительно темы по истории западных славян — из области богемистики (у З. Р. Неедлы) и полонистики (у В. И. — от образования древнепольского государства до истории Польши XIX в., а также пограничные с полонистикой темы по истории Белоруссии и Литвы, давно еще разрабатывавшиеся Пичетой). Это не могло не сказаться, на мой взгляд, на тематике диссертационных исследований первых аспирантов, руководимых двумя ведущими историками-славистами Москвы тех лет.

¹ Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974 (прим. ред.).

Чтобы не быть голословным, в подтверждение своего наблюдения о численном преобладании в семинаре полонистов (и отчасти богемистов) повторю сказанное: в числе ведущих и наиболее ярких фигур семинара были три полониста — И. М. Белявская, В. Д. Королюк и И. С. Миллер — и один богемист (И. И. Удальцов).

Кроме них, в составе семинара были и другие полонисты — представители более старшего поколения, защитившие уже ранее диссертации сотрудники сектора В. Н. Кондратьева и М. В. Миско, две дамы из польской эмиграции в Москве — Ц. Бобиньска и Ж. Корманова, интересовавшиеся проблемами истории Польши и являвшиеся также сотрудниками сектора; полонистами были и аспиранты В. И. с кафедры истфака МГУ И. А. Воронков, инвалид Отечественной войны (позже преподаватель кафедры) и Т. Р. Свистунова.

К полонистам с некоторой оговоркой следует отнести еще двух участников семинара, подключившихся, если мне не изменяет память, кажется, на более поздней стадии. Один из них — аспирант В. И., сын академика Б. Д. Грекова Игорь Борисович Греков — из самой молодой тогда поросли историков (как почти все аспиранты), он тяготел к изучению русско-польских отношений (позже став сотрудником Инслава, он выпустил ряд работ о русско-польско-украинских отношениях, месте и роли России в системе международных отношений в Восточной Европе в XIV — XVIII вв.). Другим «условным» полонистом, участником семинара, я называю ученика В. И. Пичеты, выходца из Белоруссии Николая Николаевича Улащика. Ко времени, когда я с ним познакомился (кажется, познакомил нас В. Д. Королюк на одном из заседаний сектора) он был уже сложившимся зрелым исследователем — по возрасту он превосходил нас на несколько лет, но казалось, что разница еще более значительная. Я с удовольствием слушал его основательные и очень спокойные выступления: в них чувствовалась хорошая школа, его суждения были взвешенными, пронизанными большим знанием историографии и источников по проблемам Белоруссии, Литвы и русско-польским отношениям, которые он исследовал.

В числе богемистов, членов семинара кроме охарактеризованного уже выше И. И. Удальцова и упомянутого секретаря сектора Г. Э. Санчука, были еще несколько персон: К. И. Козырина

М. А. Бирман

О В. И. Пичете и «кличетнике»
(к истории создания Института славяноведения)

(позже переключившаяся на библиографию по славистике), Н. Д. Ратнер, интересовавшаяся тогда гуситским движением Б. М. Руколь (позднее она нашла себя в качестве преподавательницы кафедры славян истфака МГУ) и А. К. Целовальникова. Из всех названных участников семинара, проявлявших интерес к богемистике, более заметный след в последующие годы в исследовании проблем исторической славистики в рамках уже Инслава оставили И. И. Удальцов, а также еще двое историков: Н. Д. Ратнер и Г. Э. Санчук. Надежда Давыдовна Ратнер — тогда аспирантка (ее научным руководителем по началу, кажется, официально был, до возвращения летом 1945 г. в Прагу, проф. З. Р. Неедлы; В. И. Пичета не делал никаких различий между «своими» аспирантами и другими участниками семинара, привечая всех). Позднее она, опубликовав ряд статей по истории Чехии, успешно занялась исследованием проблем славяно-германских отношений конца XIX — начала XX в., завершившимся книгой о пангерманизме в Австрии на рубеже столетий¹. Генрих Эдуардович Санчук, начав свой путь исследованием средневековых памятников в Чехии, опубликовав позже переведенную и откомментированную им «Чешскую хронику» Козьмы Пражского (1962) и других памятников, принял активное участие — в качестве соавтора и ответственного редактора 1-го и 2-го томов — в подготовке трехтомной академической «Истории Чехословакии» (М., 1956—1960).

Моя попытка классифицировать участников семинара по научной специализации, разделив их на полонистов, богемистов и других, во многом условна. В ряде конкретных случаев такое деление требует дополнительных уточнений: для некоторых из участников семинара названные разграничительные рамки уже тогда были узки. Это, прежде всего, относилось к полонистам В. Д. Королюку, И. С. Миллеру и Н. Н. Улащику.

Среди участников семинара был также аспирант В. И. Пичеты (из Института истории) Ф. А. Грекул, который, строго говоря, вообще, не относился к категории славистов — он готовил тогда диссертацию по истории аграрных отношений в Молдавии (и, стало быть, его тема была на стыке balkanistiki и россиеведения). Его присутствие в нашем семинаре

¹ Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970 (прим. ред.).

символизировало в известной мере, что Владимир Иванович, поглощенный заботами о развитии в стране исторической славистики, не потерял интереса и к некогда плотно занимавшим его проблемам аграрных отношений и аграрной истории в России и во всей Восточной и Юго-Восточной Европе. Что же касается Ф. А. Грекула, то он, успешно преодолев стоявшие перед ним, выходцем из Молдавии, трудности, приспособившись к жизни в столице, защитил диссертацию и обрел свое место в одном из научных подразделений Москвы.

Наш семинар — «пичетник» — прекратил свое существование в связи с тем, что в июне 1947 г. В. И. тяжело заболел, и 23 июня, не дожив до своего 69-летия, скончался. Последний год жизни Владимира Ивановича был насыщен важными — и для него, и для многих участников семинара, и, объективно, для всех славистов в стране — событиями. Первая половина этого годичного периода (она же вторая половина 1946 г.) прошла под знаком вызревания и кристаллизации идеи о создании Института славяноведения. С 1 января 1947 г. Инслав, созданный распоряжением Президиума Академии Наук в сентябре 1946 г., формально начал функционировать. По этому распоряжению Институт создавался на базе сектора славяноведения Института истории, Славянской комиссии при Президиуме АН (ее возглавлял академик Н. С. Державин) и балтославянского сектора Института русского языка, руководимого академиком С. П. Обнорским. В штате возникшего Института официально числились 4 академика: директор акад. Б. Д. Греков и два его заместителя — акад. В. И. Пичета и акад. С. П. Обнорский (практически же ни Обнорский, ни кто-либо из сотрудников его сектора в новый Институт перейти не пожелал). Четвертым академиком был проживавший в Ленинграде Н. С. Державин, приезжавший в Москву лишь на сессии Академии наук и по экстренным случаям (о нем — ниже). Среди 20 других сотрудников Инслава, разделенных главным образом между двумя создавшимися секторами, численно преобладали историки. Они образовали возглавленный Владимиром Ивановичем сектор истории. Ядро нового сектора составили сотрудники бывшего сектора славяноведения Института истории — почти все были членами «пичетника» (замечу, что первые месяцы существования Инслава семинар еще продолжал действовать).

М. А. Бирман

О В. И. Пичете и «пичетнике»
(к истории создания Института славяноведения)

Меня интересует — в данном контексте — прежде всего роль В. И. Пичеты в происходивших событиях. Лучше всего осведомлены были по этому вопросу его ближайшие ученики (сотрудники сектора и участники семинара) названная выше «троица»: И. И. Удальцов, непосредственно причастный (как мне тогда и сейчас представляется) к самому процессу создания Института — он был парторгом сектора и в качестве такого имел контакты с отделом науки ЦК партии; хорошо были, полагаю, информированы и его ближайшие друзья (В. Д. Королюк и И. С. Миллер), с которыми он тогда советовался и дорожил их мнением. Но все они ушли из жизни, не оставив, кажется, никаких воспоминаний (мне о них, во всяком случае, ничего не известно). Сам же я об этих событиях, связанных с предысторией создания Инслава и первыми шагами его деятельности знаю не так уж и много, скорее внешнюю сторону, поскольку продолжал посещать заседания семинара и сектора, затем первые открытые собрания коллектива нового Инслава. Меня и Владимир Иванович, и ближайшие его сотрудники (из названной «троицы») считали в резерве (тем более что я занимался балканскими славянами, таких сотрудников-историков было очень мало) и продолжали приглашать, как и прежде, на заседания.

Итак, общее впечатление, сложившееся у меня, от тех мес- сяцев: Владимир Иванович стоял по существу в центре про-цесса создания нового Института — был его душой. Однако директором был назначен, как указывалось, Б. Д. Греков (одновременно сохранивший за собою посты руководителя Института истории и главы Отделения истории Академии наук; двумя последними постами он, по-видимому, особенно доро-жил). Нельзя не отметить, что немалую роль в деле создания Института сыграла большая активность академика Н. С. Дер- жавина, возглавлявшего полумифическую Славянскую ко-миссию при Президиуме Академии наук. В системе Академии наук он был влиятельной фигурой — приверженец «маррист-ских концепций», которые до поры были в фаворе, он умел оказывать давление на руководство Академии. Исходившие от него частые импульсы, в сущности, были направлены на вос-становление в Ленинграде некогда (в начале 1930-х годов) существовавшего около трех лет под его руководством инсти-тута. Надеждам его не суждено было реализоваться. Но его на-стойчивость объективно помогла созданию Инслава в Москве.

М. А. Бирман

О В. И. Пичете и «пичетнике»
(к истории создания Института славяноведения)

Об этом приводятся свидетельства в книге воспоминаний С. Б. Бернштейна «Зигзаги памяти» (М., 2002). Там же имеются и упоминания о В. И. Пичете. Их на удивление мало — всего лишь несколько лаконичных, но выразительных дневниковых записей, суть которых вкратце хочу изложить. В записи от 21 декабря 1946 г. Бернштейн фиксирует беседу с В. И. Пичетой (по инициативе последнего в помещении Института истории): В. И. проинформировал Бернштейна о состоявшемся решении о создании Инслава и предложил ему место руководителя сектора филологии в новом институте. Позже, уже после создания Инслава в дневниковой записи от 29 марта 1947 г. упомянуто (среди прочего), что В. И. Пичета был инициатором идеи командирования Бернштейна в Болгарию и Югославию. 2 апреля того же года Бернштейн зафиксировал в дневнике свою обстоятельную беседу с В. И. Пичетой, в ходе которой заместитель директора стремился уяснить более детально перспективы работы лингвистов Инслава, проявив специальный интерес к запланированному исследованию болгарских говоров в тех районах СССР, где проживали болгары. В записи от 18 мая Бернштейн упомянул доклад о задачах Института, сделанный В. И. Пичетой от имени дирекции на заседании коллектива Инслава. Несколько позже Бернштейн отметил в дневнике, что Б. Д. Греков — официальный директор Института славяноведения — подписывал все бумаги, «не читая их». Эти дневниковые записи, в особенности две последних, свидетельствуют, что у С. Б. Бернштейна (и не только у него) складывалось убеждение, что всю основную работу в дирекции взвалил на себя в интересах дела В. И. Пичета.

И в самом деле, самопожертвование В. И. Пичеты было очевидным (оно было заметно даже такому мало осведомленному в «закулисных» делах Инслава человеку, каким был я, приходивший иногда на редкие в первые месяцы существования Института собрания; помню, что я присутствовал на названном выше заседании 18 мая, где с докладом от дирекции выступил Пичета. В. И. официально был лишь первым заместителем директора Института. Однако положение сложилось безальтернативным (для него): второй заместитель директора (С. П. Обнорский) к работе в Инславе так и не приступил. А директор Института Б. Д. Греков, руководствуясь, видимо, стремлением осуществить, прежде всего, свои личные научные

планы, занял позицию «царствующего, но не управляющего» начальника. И в создавшихся условиях В. И. Пичета, хотя и у него были начатые, но не доведенные до конца научные работы, вынужден был, принимая близко к сердцу интересы Института, пожертвовать своими научными планами и тянуть всю работу по руководству только что основанного, становящегося на ноги Института славяноведения.

Вместе с тем следует отметить, что объективно положение В. И. как руководителя Инслава, когда из четырех «приписанных» академиков в дела вникал лишь он один, фактически становилось все более заметным и прочным. Однако судьба вскоре внесла свои корректизы. Процитирую целиком последнее из немногочисленных в названной книге С. Б. Бернштейна свидетельств автора о В. И. Пичете. Оно лаконично и очень красноречиво и выразительно: «...23 июня [1947 г.]. Сегодня скончался Пичета, не дожив до 69 лет. Что теперь будет с нашим институтом?».

В процитированной фразе особенно впечатляют меня ее последние слова. Они, на мой взгляд, показывают, что С. Б. Бернштейн за несколько месяцев работы в Инславе и общения с В. И. уже отошел от первоначально настороженного к нему отношения (оно сквозило в отдельных прежних дневниковых свидетельствах). Видимо, он уже успел понять и прочувствовать большую значимость В. И. для Инслава. С этим связано и недвусмысленно выраженное осознание масштабов потери для Института в связи с кончиной В. И. Пичеты.

Я привел дневниковые свидетельства С. Б. Бернштейна о В. И. Пичете, поскольку их общий дух соответствуют во многом и моим наблюдениям о положении дел в Инславе и о действительной роли Владимира Ивановича в только что созданном в 1947 г. Институте. Эти дневниковые записи достовернее моих смутных общих впечатлений аспиранта, мечтавшего тогда попасть в Инслав и общавшегося со многими сотрудниками Института (в том числе и на проходивших эпизодических заседаниях семинара). Можно предположить — к такой гипотезе побуждает текст воспоминаний, — что Бернштейн до образования Инслава лично никогда тесно не общался ни с Б. Д. Грековым, ни с В. И. Пичетой. Их научные интересы также не соприкасались прежде. И он был, видимо, более или менее объективен в оценке деятельности в Инславе и директора, и его первого заместителя.

Однако трудно согласиться с позицией С. Б. Бернштейна, что к славистам не следует относить историков, а лишь филологов, в первую очередь — лингвистов (у него сложилось весьма критическое отношение к позиции и продукции большинства историков того времени, в том числе историков-славистов). В тексте книги можно встретить колкие реплики, к примеру, в адрес И. И. Уdalыцова; Бернштейн без всякого сочувствия оценивает активность Уdalыцова, добивавшегося равноправного участия историков-славистов в международном конгрессе славистов. Вообще позиция Бернштейна в вопросах, связанных с местом и ролью историков-славистов в славистике представляется необъективной, архаично-консервативной и неубедительной (я готов признать лишь его критику линии И. И. Уdalыцова, уже директора Инслава, на интенсивную политизацию деятельности Института).

Возвращаюсь к Владимиру Ивановичу. Я был удостоен личной беседы с ним — *tête-à-tête* — лишь однажды. Она состоялась, помнится, где-то в начале 1947 г., когда Инслав уже существовал, а у меня пошел последний год пребывания в аспирантуре, и я был озабочен уже проблемой будущего труда-устройства. Я мечтал тогда попасть в Инслав, и эту мечту мои товарищи по семинару — В. Д. Королюк, Г. Э. Санчук, И. И. Уdalыцов, уже ставшие сотрудниками Института «первого призыва», поддерживали, считая ее вполне естественной. Полагаю, что мои стремления не были секретом и для В. И. К этому времени я успел выступить на семинаре с двумя рефератами на темы истории Болгарии и Югославии XX в. и опубликовал свой первый небольшой опус (о фракийском вопросе в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика»). Кто-то из трех названных только что (кажется, это был И. И. Уdalыцов) переговорил с Владимиром Ивановичем о моем желании побеседовать с ним по личному вопросу. И вскоре в перерыве очередного заседания семинара В. И. попросил меня задержаться по окончании семинара.

Будучи человеком деликатным и понимая мое состояние (мое смущение), В. И. взял инициативу в разговоре на себя: он поведал мне в доброжелательном тоне, что я продемонстрировал уже свои знания и квалификацию, и руководство Института считает меня резервным кандидатом для пополнения сотрудников; что при первом удобном случае меня,

видимо, смогут зачислить в штат. Вместе с тем В. И., слегка акцентируя мое внимание на этом, заметил одной весьма выразительной фразой (она меня в первый момент немного удивила), что он понимает, что вопрос трудоустройства для меня жизненно важен. И он откровенно меня предупреждает, что не может гарантировать положительное решение для меня этого вопроса в ближайшее время (позже, обдумывая важную для меня, «судьбоносную» беседу с В. И., я по зрелом размышлении пришел к выводу, что такая предупредительность — о невозможности гарантий — была для него органична, присуща его честной и добропорядочной натуре, и я отметил про себя, что далеко не каждый академик счел бы необходимым в разговоре с аспирантом сделать подобную оговорку). Задав мне пару вопросов, уточнявших какие-то (не помню уже какие именно) моменты более частного свойства, он в заключении, обнадеживая, посоветовал мне не отрываться от коллектива и продолжать сотрудничать.

Практически всю нашу непродолжительную беседу с начала и до ее завершения вел сам Владимир Иванович. Меня приятно обрадовала тональность доверительного разговора: она была уважительной и очень человечной, я бы сказал, добросердечной.

Судьба подарила мне встречи со многими людьми из различных областей мира науки. Прежде всего, это общение с коллегами в разных городах страны и за рубежом (преимущественно — в Болгарии и Югославии). На своем отнюдь не коротком жизненном пути я нередко встречал научных работников с высокой профессиональной квалификацией и немалыми достижениями. Но среди них, как правило, преуспевали настойчивые и целеустремленные даровитые эгоцентрики (шарлатанов, демагогов — «спекулянтов» и графоманов я вообще не беру в расчет). Ученые же с благородным и отзывчивым сердцем, широкой и щедрой натурой среди профессионалов первого ряда мне попадались редко, что называется — в кои веки. А именно таким был Владимир Иванович Пичета. И я благодарен фортуне, что в самом начале своего пути в науку, я попал в «пичетник» и оказался в итоге одним из «птенцов пичетинского гнезда».

Как оценить роль и место В. И. Пичеты в науке?

Ему суждено было — его биографией — стать в поворотный для нашей области знания момент лидером — возглавить возродившуюся с конца 1930-х, в 1940-е годы историческую славистику. Инициировать (по зову души) неформальный семинар молодых ученых и руководить им в продолжение четырех лет. Содействовать созданию Института славяноведения, и всего лишь одно-единственное, первое полугодие фактически руководить им на посту первого заместителя директора.

По моему убеждению, В. И. был в действительности душой и мотором возрождавшейся в стране исторической славистики и славяноведения в целом, подлинным руководителем созданного на рубеже 1946—1947 гг. Института. В расчет следует брать не официально занимаемый им пост, а нечто большее — более существенное и глубинное. Я имею в виду в совокупности все профессиональные и человеческие качества ученого, его роль подлинного духовного лидера небольшой тогда группы молодых научных работников (преимущественно, вчерашних его аспирантов), его учеников. Все мы — официальные и неофициальные его ученики, участники семинара и сотрудники сектора славяноведения Института истории, ставшие ядром сектора истории в новом институте, находились под воздействием его личности.

Владимир Иванович притягивал к себе не столько как историк-профессионал (это мое личное и, возможно, субъективное, мнение), сколько своим человеческим обаянием: в первую очередь я назову такие импонирующие мне его черты, как благородство, душевная щедрость, прямодушие, неравнодущие к окружавшим его людям, стоявшим ниже по иерархической лестнице, внимание и отзывчивость.

В. И. ушел из жизни, не успев довести до необходимых кондиций свои труды, не реализовал свои исследовательские планы в разных областях исторической славистики и российеведения. Но одну из главных задач, стоявших перед ним — лидером исторической славистики, удалось решить — Институт славяноведения был основан. И под его практическим руководством Инслав сделал первые шаги. В. И. успел — перед своим концом — наметить план развития Института на ближайшие

М. А. Бирман

О В. И. Пичете и «пичетнике»
(к истории создания Института славяноведения)

несколько лет, предусматривая, между прочим, создание в перспективе академической истории зарубежных славянских стран (что было впоследствии осуществлено силами его учеников и их коллег). В Институте не забыто имя Пичеты (выше говорилось о сборнике к 100-летнему юбилею ученого, о пичетинских чтениях).

Однако, главное, что — по моему разумению — с успехом успел сделать В. И. на заключительном этапе своей жизни: он воспитал группу молодых, пытливых и неравнодушных учеников, зарядил их энтузиазмом, идеей служения избранному делу, импульсами к поиску новых знаний и новых путей.

И. С. Достян

У истоков

Почти не осталось сотрудников нашего Института, которые застали годы его создания и начала деятельности. Громадные перемены, которые за шестьдесят лет произошли в истории страны, не могли обойти наш Институт, не сказаться на содержании и стиле его работы. Я оказалась свидетелем тех далеких, так не похожих на нашу теперешнюю жизнь времен. Хотя многое стерлось в памяти и многое, происходившее в дирекции, осталось неведомым рядовым сотрудникам, на старости лет всплывает, казалось бы, давно забытое, восполняя менее насыщенную теперь реальную деятельность, напоминая о событиях прошлого, об общении с людьми, ныне уже ушедшими в иной мир.

Окончив кафедру истории славян МГУ в 1945 г., я поступила в аспирантуру Института истории АН СССР, где уже был сектор славяноведения, фактически не имевший своего пристанища. Под руководством Владимира Ивановича Пичеты работало несколько сотрудников, успевших защитить кандидатские диссертации, и аспирантов.

Создание Института славяноведения в первый же тяжелый послевоенный год произошло так быстро благодаря внешнеполитической обстановке, и не исключено, что решение о его организации принималось на самом высоком уровне. Директором Института был назначен акад. Б. Д. Греков — глава всей исторической науки Академии, что также свидетельствовало о политической значимости, которая придавалась возрождению славяноведения. Но практически вся забота по подбору и подготовке историков-славистов выпала на долю Владимира Ивановича Пичеты.

Мои воспоминания об этом времени связаны прежде всего с «пичетниками» — семинарами сотрудников и аспирантов В. И. Пичеты, проводившимися у него дома, сначала в Обыденском переулке, а затем в новом академическом доме на Ленинском проспекте, где Владимиру Ивановичу довелось прожить очень недолго. Я начала посещать «пичетники» с конца 1945 года, и это очень помогло мне, как и другим новым аспирантам, быстро приобщиться к коллективу, который составил основу будущего Института. «Пичетники» собирались регулярно, на них обсуждались доклады сотрудников, планы задумываемых трудов, курсовые работы аспирантов и разнообразные научные проблемы, прямо или косвенно затрагивавшие историческое прошлое славянских народов и их связи с Россией.

Очень активно участвовали в работе семинара В. Д. Королюк и Г. Э. Санчук, только что пришедшие с войны И. И. Удальцов и И. С. Миллер. Как представляется, именно на этих молодых историков, уже значительно продвинувшихся в изучении славянской проблематики, Владимир Иванович возлагал большие надежды. Преобладала тематика, касавшаяся средневековой Польши и Чехии. Тех, кто изучал южных славян, было еще очень мало, и Владимир Иванович предложил мне заняться историей Сербии.

Семинарский метод работы с сотрудниками и аспирантами на дому у руководителя Владимир Иванович, вероятно, избрал не потому, что первоначально у славянского сектора не было своего помещения. Он как бы продолжил традиции старой российской научной интеллигенции, когда некоторые маститые ученые любили общаться со своими учениками, вести научные диспуты не в официальной, а в домашней дружеской обстановке.

Вспоминаю большую комнату в многонаселенной коммунальной квартире, эта комната наполовину была заставлена стеллажами с книгами. Ожесточенные споры вокруг каких-либо научных проблем перемежались с шутками, с рассказами Владимира Ивановича о забавных эпизодах его научной деятельности, о встречах с выдающимися учеными. Неизменно царила дружеская, благожелательная атмосфера. Мы подолгу засиживались в этом гостеприимном доме, а жена Владимира Ивановича неизменно уготала всех нас чаем с бутербродами.

Владимир Иванович Пичета — сын герцеговинского серба, приехавшего учиться в Россию и оставшегося здесь, — был личностью необыкновенно талантливой и яркой. Он обладал огромным личным обаянием и добротой, что привлекало к нему людей, особенно молодежь. Став крупным ученым с широким научным кругозором еще до революции, он в дальнейшем старался приобщиться к идеологическим принципам и методам советской исторической науки. Немало претерпев от советской власти в 1930-е годы, он сохранил оптимизм и чрезвычайную научную активность. В последние годы жизни, не оставляя исследовательской работы, Пичета отдавал все силы делу создания Института славяноведения, подбору и воспитанию молодых историков-славистов. Он любил и всячески поддерживал своих учеников, которых становилось все больше. Более сильных иногда серьезно критиковал, более слабых щадил и подбадривал в случае какой-либо неудачи.

Вспоминается такой случай. На «пичетнике» обсуждался написанный мной раздел по истории Сербии в XIX в. Его сильно раскритиковали за «отсутствие концепции» и другие недостатки. Но Владимир Иванович стал меня защищать. Указав на трудности темы, он взял всю вину на себя, заявив, что как руководитель аспирантки должен был подготовить ее к работе над столь сложной темой.

Из сотрудников, принятых в Институт славяноведения при его создании, в начале 1947 г., часть впоследствии отсаялась, перешла на работу в Московский университет, но большинство учеников Пичеты составило костяк исторической части нашего Института. Их научные судьбы и жизненные пути складывались по-разному, но до конца трудовой деятельности, можно сказать, до конца дней каждый вносил свой вклад в славяноведение и balkанистику.

Ученики Владимира Ивановича остались верными его памяти. Статьи о В. И. Пичете, его деятельности и научных трудах публиковались в изданиях Института. На его могилу на Новодевичьем кладбище в памятные дни приходили друзья и ученики, а затем собирались у его вдовы, вспоминали незабвенного учителя, обсуждали институтские дела. Когда не стало Александры Петровны, ездили к дочери Владимира Ивановича — Ксении Владимировне, много сделавшей для сохранения памяти любимого отца. Но тех, кто приезжал в ее дом, ста-

новилось все меньше. Я, вероятно, была последней ученицей Пичеты, поддерживавшей с Ксенией Владимировной связь по телефону и поздравившей ее со столетним юбилеем. Вскоре после этого на мои звонки уже не было ответа.

После смерти Владимира Ивановича многое стало меняться в Институте — он разрастался, переезжал с места на место. Коллектив пополнялся выпускниками университета, демобилизованными воинами, завершившими высшее образование и поступавшими в аспирантуру. Некоторые из них во время войны побывали в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, что повлияло в дальнейшем на их научные интересы. Появились также сотрудники, имевшие партийные заслуги, но профессионально подготовленные слабо.

Как известно, идеологическая обстановка в стране в конце 1940 — начале 1950-х годов была очень тяжелой, что не могло не отражаться на внутренней жизни коллектива Института. После кончины Пичеты заместителем директора был назначен Сергей Александрович Никитин, ученый старшего поколения, наиболее авторитетный историк-славист, в 1947 г. защитивший ценную в научном отношении докторскую диссертацию. На него легли все административные дела в Институте. Но положение беспартийного, «непролетарского происхождения» ученого в роли фактического директора научного учреждения оказалось очень нелегким. Началась борьба с «объективизмом», и труды Никитина, в том числе докторская диссертация, подверглись резкой критике. «Оргвыводы» не заставили себя ждать — Никитина заменила амбициозная дама (В. А. Смирнова) с какими-то важными партийными заслугами. Она попыталась «директорствовать» по своим понятиям, не брезговала интригами. Это вызвало активный отпор в коллективе, в институтской парторганизации. Началась острые борьба, существо которой осталось мне неизвестным или стерлось в памяти. В разрешении конфликта, кажется, немалую роль сыграл И. И. Удальцов, который в это время ушел из Института и занял ответственный пост в ЦК КПСС, а также Любомир Борисович Валев — секретарь парторганизации, авторитет и порядочность которого помогли избавиться от некоторых неквалифицированных, неподготовленных для научной работы сотрудников.

В результате в руководстве Института последовали кардинальные перемены: директором был назначен Петр Николаевич Третьяков — крупный ученый, по своим научным интересам, к сожалению, не связанный тесно с нашей тематикой. Его заместителем стал Иван Александрович Хренов, который был хорошим организатором и умел поддерживать в коллективе спокойную рабочую атмосферу. При нем внутренняя обстановка в Институте значительно улучшилась. Этому способствовали и наши партийные секретари, которые (надо не забывать) играли важную роль в деятельности дирекции и всей жизни коллектива.

О дальнейших событиях в Институте могут лучше рассказать более молодые мои коллеги. Я же хочу вспомнить о некоторых давно ушедших из жизни историках-славистах «первого призыва», которых лучше знала, с которыми вместе приходилось работать или чаще общаться.

Наиболее талантливым и плодовитым ученым из учеников Пичеты оказался Владимир Дорофеевич Королюк. В отличие от И. И. Уdalьцова и И. Б. Грекова он был выходцем из семьи далекой от науки, но оказался как бы самородком. Уже в юные годы широта его научного кругозора, знаний в различных областях и разнообразие увлечений поражали. Чем только он ни занимался — собирал книги, марки, монеты, экслибрисы, картины и всевозможную утварь, писал стихи и играл на рояле. При таком разбросе интересов и занятий, казалось бы, не оставалось времени для работы по основной профессии. Но наука всегда была для него главным делом. Даже при неблагоприятных жизненных обстоятельствах (а таких случалось немало) он умел полностью сосредоточиться и в течение дня, вечера или ночи написать целую статью или рецензию. Его выступления на ученых советах, всевозможных научных конференциях всегда вносили какие-либо новые идеи, были оригинальны по форме и вызывали дискуссии.

Вспоминая Владимира Дорофеевича, нет нужды его идеализировать. Это был человек сложный, противоречивый, не лишенный слабостей, его погубивших. Он мог кого-либо высмеять, незаслуженно обидеть, но ему многое прощалось, благодаря его обаянию, связанному не с физической привлекательностью, а с необычной яркостью и оригинальностью натуры.

Не столь талантливым, несколько медлительным в работе, но очень добросовестным и кропотливым исследователем был Генрих Эдуардович Санчук, внесший немалый вклад в становление славяноведения, в изучение чешских источников.

Очень авторитетным ученым из «первого призыва» историков-славистов стал Илья Соломонович Миллер. Круг его научных интересов был очень широк и по времени, и по пространству, так как охватывал всю Центральную Европу. Он был хорошим организатором (хотя полностью реализовать свое умение в этом плане ему не пришлось) и прекрасным редактором сложных трудов. Именно он очень помог мне, подсказав, как изменить конструкцию кандидатской диссертации, чтобы сделать изложение более стройным и логичным. А когда перед самой защитой докторской диссертации заболел мой оппонент, именно Илья Соломонович пришел на помочь и спас положение, за три дня написав новый отзыв на работу. Помогал он многим.

На Игоря Борисовича Грекова лег долг привести в порядок научное наследие своего отца и продолжить исследования в области российской истории. Вместе с тем он стал ведущим специалистом по истории Польши и других стран Центральной Европы в период позднего Средневековья.

Сложным оказался жизненный путь Ивана Ивановича Уdal'цова. Покинув в 1950 г. Институт, он начал делать успешную партийную карьеру. Это на несколько лет оторвало его от научной деятельности. Зато после ухода П. Н. Третьякова Уdal'цов был назначен директором Института, принимал участие в подготовке коллективных трудов по истории славянских стран и занялся изучением актуальной тематики — новейшей истории Чехословакии. Это, вероятно, способствовало назначению его в начале 1960-х годов на ответственный пост в советском Посольстве в Чехословакии. Поработал он и нашим послом в Греции. Однако на склоне лет вернулся в Институт, защитил докторскую диссертацию. Очевидно, научные интересы и личные связи, установившиеся еще в молодости, притягивали Ивана Ивановича к коллективу Института. Но с идеалами и убеждениями «доперестроечной» эпохи он не расставался.

Еще об одном человеке, давно ушедшем от нас, хотелось бы вспомнить. Это Вера Николаевна Кондратьева, работавшая в Институте с самого его основания. Она была женой крупного ученого, репрессированного и погибшего. Оставшись с грудным ребенком на руках, Вера Николаевна, конечно, узнала много горя. Но ее постигло новое несчастье — сын заболел полиомиелитом, и все усилия остановить развитие болезни не дали результата. Мальчик, интеллектуально очень развитый, превратился в беспомощного инвалида, нуждающегося в постоянном уходе. Трудно представить, какое мужество и какие усилия приложила Вера Николаевна, чтобы избавить любимого сына от судьбы одинокого, никому не нужного калеки. У Алеши обнаружился поэтический дар, и Вера Николаевна привлекла к нему внимание молодых людей близких по интересам. Он приобрел много друзей, полюбивших его и помогавших ему. Алешинцы стихи издавались, он стал автором нескольких стихотворных детских книжечек. Наконец, не без участия матери нашлась девушка, тоже больная полиомиелитом, но не в столь тяжелой форме, которая вышла за Алешу замуж и родила вполне здорового сына. Молодая семья стала жить самостоятельно.

Казалось бы, при таких сложных домашних обстоятельствах В. Н. Кондратьева не могла отдавать много времени научной работе. Между тем ее вклад в славяноведение был немалым. Много лет она подготавливала «Ученые записки Института славяноведения», являясь членом редколлегии и ученым секретарем этого издания. Она много работала в архивах, первой разыскала и опубликовала ценные документы по истории Боснии и Герцеговины. Эта книжка очень заинтересовала югославских историков и стимулировала начало совместных работ по изучению и изданию такого рода источников, отсутствующих в самой Югославии.

Теперь в Институте работает новое поколение историков-славистов, их деятельность продолжат более молодые. Содержание и методы исторической науки существенно изменились. И хотелось бы вспомнить давно высказанные мудрые мысли В. Д. Королюка о неизбежности этого: «Каждое поколение заново осмысливает историю, внося новое и исправляя старое в ее трактовке. Так и должно быть, потому что объектом иссле-

дования является не только неповторимый, но и живой, развивающийся процесс. Историку в нем все время (и так будет всегда) открываются новые стороны и новые явления, миллионами нитей связанные со старым. Поэтому проблематика научных исследований неизбежно должна быть подвижной, меняющейся. Развитие проблематики, как и развитие методики ее решения, требует и сама внутренняя логика исторического познания»¹. Эти слова могут служить напутствием молодым славистам.

¹ Королюк В. Д. Владимир Иванович Пичета // Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию В. И. Пичеты. М., 1978. С. 21.

И. И. Костюшко

В аспирантуре Института славяноведения (1949—1951 гг.)

Установление так называемого народно-демократического строя в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии, находившихся под протекторатом СССР, содействовало актуализации изучения истории и культуры этих стран. В созданном в конце 1946 года Институте славяноведения в 1947—1948 гг. было примерно 30 научных сотрудников, которые, по-видимому, не могли обеспечить потребностей знаний в этой области. Поэтому важное значение приобрела подготовка специалистов через аспирантуру Института. И в первые годы деятельности Института в нем обучалось немало аспирантов. Здесь я хотел бы рассказать, привлекая документы тех лет, о моем обучении в аспирантуре, что может дать некоторое представление о системе подготовки кадров в Институте.

Будучи научным сотрудником Центрального архива Октябрьской революции в БССР в городе Минске, я подал заявление в Институт с просьбой принять меня в аспирантуру. В письме Института от 11 октября 1948 г. мне было сообщено: «Сектор аспирантуры Института славяноведения АН СССР извещает Вас, что решением Дирекции Института Вы допущены к сдаче вступительных экзаменов». Прибыв в Институт, который тогда размещался по адресу Волхонка, д. 14, на четвертом этаже в нескольких комнатах, я сдал вступительный экзамен в аспирантуру. Это, вероятно, облегчалось тем обстоятельством, что мною уже были сданы кандидатские испытания по истории Белоруссии при АН БССР. 17 ноября 1948 г. был издан приказ № 74 по Институту славяноведения (подписанный заместителем директора С. А. Никитиным), в котором говорилось: «Зачислить в кандидатскую аспирантуру Института по сектору истории Костюшко Ивана Ивановича с 16 ноября

1948 г. сроком на два года, т. е. до 16.XI.1950 г. Назначить куратором т. Костюшко академика Б. Грекова». В связи с этим последовало распоряжение № 1904 по Академии от 16 декабря 1948 г., подписанное членом Президиума АН В. П. Никитиным:

«Утвердить Костюшко Ивана Ивановича в кандидатской аспирантуре Института Славяноведения Академии Наук ССР по специальности — история Польши — с 1 января 1949 года сроком на 3 года. Утвердить академика Б. Д. Грекова научным руководителем аспиранта И. И. Костюшко. Основание: представление Института Славяноведения Академии Наук ССР от 17 ноября 1948 г. № 3/8 и согласие заместителя академика-секретаря Отделения истории и философии Академии Наук ССР члена-корреспондента АН ССР А. Д. Уdal'цова от 15.XII.1948 г.»

Таким образом, срок обучения в аспирантуре увеличивался на один год. После этого был издан приказ № 7 по Институту славяноведения от 7 января 1949 г. за подписью заместителя директора С. А. Никитина: «Во изменение приказа № 74 считать срок пребывания в кандидатской аспирантуре Института славяноведения т. Костюшко И. И. с 1.I.1949 г. по 1.I.1952 г.».

Меня особенно взволновало согласие выдающегося ученого Бориса Дмитриевича Грекова взять под свою опеку незнакомого ему аспиранта, и у меня появилось даже опасение, окажусь ли я достоин его внимания и доверия. Первая моя встреча с Б. Д. состоялась в начале января 1949 г. на Волхонке, 14, в кабинете академика-секретаря Отделения истории и философии АН. Б. Д. проявил интерес к моим планам и рекомендовал построить мое обучение таким образом, чтобы оно обеспечило глубокое знание истории страны и создало основу для исследовательской работы. В соответствии с этим был составлен план моих занятий, который 25 февраля был утвержден Б. Д.

«План занятий аспиранта Института славяноведения АН ССР Костюшко И. И. на 1949—1950 гг.

Темы письменных работ:

Вопрос происхождения польского государства в исторической литературе (советской, русской, польской и немецкой)

Апрель 1949 г.

Аграрная реформа 19 февраля 1864 г.
в Польше Сентябрь 1949 г.

Польское коло в первой Государственной Декабрь 1949 г.
думе

Положение крестьянства в Чехии во
второй половине XVIII в. Апрель 1950 г.

Занятия по немецкому, латинскому
и чешскому языкам согласно программе».

В дальнейшем Б. Д. интересовался, как идут мои занятия, присутствовал на некоторых экзаменах, обращал внимание на вопросы спорного характера и делал поучительные замечания. Первый экзамен я сдавал 18 мая 1949 г. Был подготовлен реферат в объеме 4 п. л. Сдача экзамена удостоверялась таким документом:

«Институт славяноведения Академии Наук СССР. Сдача
кандидатского минимума. Специальность: история Польши.
18 мая 1949 г. аспиранта Костюшко И. И. Партийность —
чл. ВКП(б).

1 тема: Происхождение польского государства в польской
историографии.

Вопросы:

Оценка:

1. Легенды хроники Галла-Анонима	Отлично
2. Взгляды школы Лелевеля	Отлично
3. Полемика между Смолькой, Бобжинским
и Пекосинским	Отлично

Заключение комиссии: Отлично

Председатель комиссии И. Миллер

Члены комиссии Б. Греков

С. Никитин».

Подобные документы выдавались и после сдачи других экзаменов. Последний экзамен (по латинскому языку) был в июне 1950 г. Реферат по теме «Польское коло в Государственной думе» (2 п. л.) после экзамена я доложил на заседании сектора. Как аспирант я обязан был присутствовать на всех заседаниях сектора, участвовать в обсуждении работ по истории Польши.

После консультации с сотрудниками сектора была определена тема моей кандидатской диссертации — «Аграрная реформа 1864 г. в Царстве Польском». Для выполнения работы я использовал опубликованные источники и некоторые материалы Центрального государственного архива Литовской ССР, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Рукописного отдела Государственной библиотеки им. Салтыкова-Шедрина, а также литературу по данной теме. При этом оказалось, что исследование предпосылок реформы вполне соответствовало требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации, и окончательно тема диссертации определилась таким образом: «Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х — 60-х гг. XIX в.)». Работа над диссертацией была завершена в конце 1951 г.

В удостоверении об окончании аспирантуры содержались такие данные:

«Удостоверение № 6.

Выдано тов. КОСТЮШКО Ивану Ивановичу в том, что он подвергался кандидатским испытаниям по специальности «История Польши» и получил следующие отметки:

№ п.п.	Наименование дисциплины	Оценка	Дата	Подписи членов комиссии
1.	Диалектический и исторический материализм	Хорошо	3/II — 48 г.	Лушицкий, Галенченко, Родин
2.	История Белоруссии	Отлично	15/III — 48 г.	Каменская, Воронова, Дудков

И. И. Костюшко
В аспирантуре Института славяноведения
(1949—1951 г.)

3.	Древняя история Польши	Отлично	18/V—49 г.	И. С. Миллер, С. А. Никитин, Б. Д. Греков
4.	Новая история Польши	Отлично	28/X—49 г.	С. А. Никитин, Б. Д. Греков, М. В. Миско
5.	Новейшая история Польши	Отлично	28/X—49 г.	С. А. Никитин, Б. Д. Греков, М. В. Миско
6.	История Чехословакии	Отлично	8/III—50 г.	С. А. Никитин, В. А. Смирнова, И. И. Удальцов
7.	Английский язык	Хорошо	24/I—48 г.	Певзнер, Столова, Малинина
8.	Немецкий язык	Хорошо	14/IV—50 г.	Напольская, Шравеман, Васильева
9.	Чешский язык	Отлично	31/III—50 г.	Боголюбова, Эмильев
10.	Польский язык	Отлично	14/IV—50 г.	З. Химова, Ф. Боголюбова
11.	Латинский язык	Отлично	26/VI—50 г.	Попов, Ленцман

Тов. Костюшко состоял в аспирантуре Института Славяноведения АН СССР с 1 января 1949 года по 1 января 1952 года. Диссертацию закончил и представил к защите досрочно.

Зам. директора
Института Славяноведения
АН СССР

В. А. Смирнова

Исп. об. ученого секретаря
Института Славяноведения
АН СССР

И. М. Шептунов».

Диссертация была одобрена Б. Д. Грековым. В заключении Б. Д., автограф которого у меня сохраняется, говорилось:

«Диссертация И. Костюшко “Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне” — серьезная исследовательская работа, построенная на очень большом архивном материале. Автору прекрасно известна литература вопроса как польская, так и русская.

Теоретически И. Костюшко подготовлен очень хорошо, что сказалось и на его диссертации, как и на исследовательской ее части, так и в критическом разборе литературы. В советской историографии вопрос не разрабатывался. И. Костюшко занялся этим вопросом впервые.

Качество его работы позволяет думать, что книга будет полезным вкладом в советскую историографию. Она, несомненно, будет полезна и польской исторической науке. Руководитель Б. Греков».

Диссертация была рекомендована к защите, официальными оппонентами стали доктор исторических наук В. К. Яцунский и кандидат исторических наук М. В. Миско. Для защиты диссертации необходимо было представить реферат, который затем рассыпался по списку научных учреждений и библиотек. Информация о защите диссертации должна была помещаться в газете. В «Вечерней Москве» 10 января 1952 г. в рубрике «Защита диссертаций» было опубликовано такое сообщение: «Институт истории АН СССР (Волхонка, 14) 21.I.1952 г. в 14 час. на кандидата исторических наук Костюшко И. И. на тему: “Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х — 60-х гг. XIX в.)”».

Право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации Ученый совет Института славяноведения получил в 1955 г., а до этого времени историки-славяноведы, окончившие аспирантуру Института, должны были защищаться в Институте истории. 21 января 1952 г. на секции всеобщей истории Ученого совета Института истории АН СССР состоялась защита моей диссертации на соискание степени кандидата исторических наук, а 10 марта 1952 г. Ученый совет Института истории постановил:

«Слушали:

...III. О присвоении ученой степени кандидата исторических наук Костюшко И. И. на основании защиты им на заседании секции по всеобщей истории Ученого совета Института

21 января 1952 г. диссертации на тему “Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х — 60-х гг. XIX в.)”.

Постановили:

...III. На основании результатов тайного голосования (за присвоение ученой степени кандидата исторических наук дано 18 голосов, против — нет) присвоить Костюшко И. И. ученую степень кандидата исторических наук.

Председатель Ученого совета

Института истории АН СССР академик Б. Д. Греков».

После защиты диссертации я был зачислен с 1 февраля 1952 г. в Институт славяноведения на должность младшего научного сотрудника с окладом 1050 рублей. Так началась моя жизнь в Институте, где я работаю уже 55 лет.

Л. Э. Калнынь

Заметки о секторе славянского языкоznания в 1950—1960-е годы

К началу 1950-х годов Институт славяноведения АН СССР еще находился в стадии становления. Это касалось и расширения состава сотрудников Института. Так, в 1952 г. после окончания аспирантуры Института языкоznания АН СССР и защиты диссертации, я и моя коллега М. А. Гадолина (1926—1962) стали сотрудниками сектора славянского языкоznания, которым руководил Самуил Борисович Бернштейн.

Институт был небольшой и помещался в то время всего в нескольких комнатах на последнем этаже здания на Волхонке, 14. Но, несмотря на стесненные условия, в Институте была библиотека и читальный зал при ней. Эта библиотека была уникальна по своему составу. В ней имелись не только все основные дореволюционные и современные труды по славистике, но и периодика, которая регулярно поступала из славянских стран. Было и богатое собрание периодических изданий, датируемых 1920—1930-ми годами. В дальнейшем, уже в других зданиях в библиотеке всегда на стене висели витрины, в которых регулярно выставлялись новые поступления. Нет нужды говорить о том, как много значила такая библиотека для нашей работы.

Сектор славянского языкоznания был создан С. Б. Бернштейном и представлял собою на протяжении многих лет уникальное образование, так как по объему и направлению проводимых в нем исследований он мог сравниться с целым институтом. Это были сравнительно-исторические исследования, изучение памятников славянской письменности, диалектология и лингвогеография, история литературных языков,

труды по грамматике славянских языков. Велась и библиографическая работа с тем, чтобы максимально учитывать появление трудов, важных для тематики разрабатываемой в секторе. Специально библиографией занималась И. Е. Можаева.

Вспоминая начало своей работы в секторе, скажу прежде всего о том стиле научного руководства, который был присущ С. Б. Бернштейну. Он считал, что сотрудник, начинающий свою научную деятельность как славист, независимо от своего первоначального образования при необходимости должен научиться пользоваться материалом любого славянского языка. Для работ по сравнительно-историческому изучению славянских языков привлечение разнозычного материала было необходимо. Другая особенность руководства С. Б. Бернштейна состояла в том, что он предоставлял молодому сотруднику свободу выбора темы и формы исследования. Он, конечно, мог предложить тему, но, если сотрудник сам формулировал направление своего исследования, С. Б. Бернштейн никогда этому не препятствовал. Форма исследования выбиралась автором — это могла быть как статья (серия статей), так и монография. Те молодые сотрудники, которые не были заняты в коллективных темах, выбирали монографии. Эти труды были опубликованы в конце 1950-х и начале 1960-х годов¹. Такое отношение к научным поискам молодых сотрудников дало свои результаты — именно в секторе С. Б. Бернштейна начинали свою работу такие выдающиеся ученые-слависты современности, как О. Н. Трубачев, В. Н. Топоров, А. А. Зализняк, Н. И. Толстой, В. М. Иллич-Свитыч, В. А. Дыбо.

Мне С. Б. Бернштейн предложил заняться проблемой формирования корреляции палатализованности в славянских языках. Работа над этой сложной темой явилась для меня школой сравнительно-исторического языкознания и помогла освоить методы анализа языковых данных разного типа (письменные памятники, диалекты, литературный язык). Позже это помогло мне при исследовании и других проблем славянского языкознания.

Г. Э. Калнынь

Заметки о секторе славянского языкознания
в 1950—1960-е годы

¹ См. список научных трудов за эти годы в кн.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.

С. Б. Бернштейн и в дальнейшем предлагал мне заниматься совершенно новыми для меня исследованиями. Так, в 1960 г. Институт лужицкого народоведения (Institut für sorbische Volksforschung) в Бауцене (ГДР) начал сбор материала для составления лужицкого диалектного атласа (Sorbischer Sprachatlas), пригласив для участия в этом лингвистов из других славянских стран, были среди них и сотрудники нашего Института. С. Б. Бернштейн предложил принять в этом участие не только М. И. Ермаковой, которая занималась сорабистикой, но и мне, в то время знакомой с лужицкими языками весьма поверхностно. Мои сомнения по поводу того, справлюсь ли я, были естественны, но С. Б. Бернштейн меня уговорил. И я ему безмерно благодарна за это, так как работа с лужицкими диалектами ввела меня в новый языковой мир и стала поводом для последующих исследований на этом материале.

К работе с диалектами разных языков сотрудники сектора привлекались независимо от их первичного образования. Это было связано с реализацией таких проектов, как Карпатский и Общекарпатский диалектные атласы, Общеславянский лингвистический атлас, с сопоставительным исследованием разных славянских диалектов. Этот опыт был чрезвычайно полезен, так как он формировал в сознании исследователя тот славянский языковой фон, который необходим лингвисту-слависту при изучении любых проблем.

Предоставляя сотрудникам сектора известную творческую свободу, С. Б. Бернштейн был весьма педантичен в отношении организации работы сектора. Соблюдались регулярные отчеты о работе отдельных сотрудников, годовые отчеты о работе сектора, тщательно заполнялись планкарты сотрудников самим С. Б. Бернштейном. Это дисциплинировало сотрудников, привело к пунктуальности и в то же время создавало ощущение единого коллектива.

Вспоминая то далекое время, можно с уверенностью сказать, что научным сотрудникам, пришедшим тогда в сектор славянского языкознания, сильно повезло.

Говоря о стиле работы Института в первые десятилетия его существования, нельзя не сказать и о той части его жизни, которая выходила за пределы собственно науки. В Институте всегда особо отмечались праздники (государственные). Это не сводилось только к застолью — необходимо должен был присутствовать интеллектуальный компонент. Сотрудники Института придумывали и разыгрывали «капустники», тексты для которых писали Е. И. Рябова, С. М. Фалькович и др. Иногда устраивали маскарады в костюмах, специально привезенных из театральных мастерских. Всегда была музыка и танцы. И всегда было весело и интересно.

В. В. Марьина

Мои первые годы в Институте

Начало 1950 года. Я — студентка пятого курса кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (кафедрой тогда «командовал» Сергей Александрович Никитин), стараюсь стать специалистом по истории Чехословакии. На носу — диплом. Куратором всех «чехословакистов» на кафедре в это время была Бася Менделевна Руколь, добрейшая женщина, специалист по средневековой и новой чешской истории. Меня не интересовал этот период, хотелось заниматься историей, более близкой к нашему времени. Не помню, откуда появилась мысль взять в качестве дипломного проекта тему Словацкое национальное восстание 1944 г. Может быть, она родилась в моей, а может быть, в другой голове после того, как примерно в сентябре 1949 г. на открытом заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР был заслушан доклад Ивана Ивановича Удальцова (где он тогда работал, не знаю), посвященный пятой годовщине восстания. Так или иначе, но выбор был сделан, и я начала работать над дипломом. Но как это было трудно! Трудно по ряду причин: мои знания чешского языка поднялись лишь немного выше нулевого уровня. Языку тогда нас учили случайные в этом деле люди, не было ни учебников, ни словарей. Ничего! О том, что существует еще и отличный от чешского словацкий язык, я узнала эмпирическим путем, когда мне в руки случайно попалась какая-то брошюра на словацком, и, исходя из примитивных тогда знаний чешского языка, я поняла, что «неизвестный» язык близок к нему.

Основой моей дипломной работы, насколько помнится, явились несколько брошюр с воспоминаниями участников Словацкого национального восстания, каким-то чудом оказавшихся в московских библиотеках. Помню, с каким трудом я пыталась соединить этот материал с марксистско-ленинской теорией, без чего нельзя было и думать о защите. Проштудировав все ленинские работы о теории восстания, я, наконец, нашла точку соприкосновения: ленинскую мысль о том, что «оборона есть смерть вооруженного восстания». Бася Менделевна потом меня очень хвалила за эту находку. Но не она была моим научным руководителем, а Валентина Адриановна Смирнова, тогда занимавшая пост заместителя директора Института славяноведения. Валентина Адриановна не была ученым, она была партийным работником, вроде бы даже в прошлом секретарем райкома партии. Как она попала в Институт, не знаю. Знаю только, что не со всеми здесь у нее сложились хорошие отношения. Но для меня она сделала очень много, и я вспоминаю ее только добрым словом.

Диплом был написан и защищен на «отлично». Это была первая печатная (хотя и на машинке), не только в СССР, но и в Чехословакии вроде бы исследовательская и вроде бы марксистская работа о Словацком национальном восстании. Об этом мне потом не раз говорили словацкие историки. Кстати, директор Музея Словацкого национального восстания в Банской Бистрице попросил у меня экземпляр диплома для музея, но у меня такого не оказалось.

После защиты я была направлена в аспирантуру Института славяноведения. Помню вступительный экзамен по специальности. Его принимали Илья Соломонович Миллер (специалист по Польше), Галина Петровна Чеканова (специалист по новейшей истории Чехословакии), которая тогда, являясь сотрудником Института, одновременно работала в Ленинградском университете и в Москве бывала наездами. Вместе со мной вступительный экзамен сдавал мой сокурсник Витя (Виктор Иванович) Зуев, который занимался Болгарией. Илья Соломонович попросил меня рассказать о чехословацко-польских отношениях в связи с решением вопроса о Тешине. Я тогда даже не подозревала, что такой вопрос существует.

Сердце екнуло, и я подумала: прощай аспирантура. Но тут вмешался Витя. Он был фронтовиком, мало чего и кого боялся, держал себя свободно и не лез в карман за словом, за что впоследствии и поплатился. Так вот, он, Витя, и встрял тут: «Что Вы, Илья Соломонович, разве можно задавать такой сложный вопрос?». Илья Соломонович, подумав, согласился, и задал мне другой вопрос, который оказался мне по силам. Так Витя стал моим спасителем в первый раз, а сам, насколько я помню, в аспирантуру принят не был или вскоре ушел из нее. Не без его поддержки в издательстве «Наука», где он тогда заведовал Исторической редакцией, в 1971 г. вышла в свет достаточно крамольная по тем временам монография «Путь чехословацкого крестьянства к социализму. 1948—1960 гг.», написанная мной в соавторстве с Г. П. Мурашко и тогда же при содействии «чехословацких диссидентов» переведенная на словацкий язык. Помогал мне Витя и тогда, когда работал в журнале «Новая и новейшая история», где старые работники помнят его до сих пор.

Так я стала аспиранткой Института славяноведения, а моим научным руководителем осталась В. А. Смирнова, которая мне сказала: если вы напишете такую же кандидатскую диссертацию, как дипломная работа, то будет замечательно. И я начала трудиться. Тогда Институт располагался на последнем этаже здания на Волхонке, 14. Он занимал несколько комнат, в которых размещались кабинеты директора (им был академик Борис Дмитриевич Греков), заместителя директора (В. А. Смирновой) и ученого секретаря И. Н. Мельниковой. Между этими кабинетами находилась канцелярия, которой заведовала Валентина Антоновна Гадзяцкая, всеми уважаемая очень милая женщина, которую сотрудники и любили, и побаивались. Здесь же, по моему, был и стол заведующей аспирантурой Галины Сергеевны Можаровой. В общей комнате проводились заседания и отмечались праздники. В небольшом коридорчике стоял диван, на котором обсуждались все вопросы, волновавшие тогда немногочисленных сотрудников и аспирантов Института. Через лестничную площадку помещались библиотека Института, по тем временам очень неплохо укомплектованная, и читальный зал на 12—15 человек.

Тогда в аспирантуре Института уже на старших курсах обу-
чились Иван Иванович Костюшко (я его запомнила постоянно
сидящим в читальном зале над книгами и мало обращавшим
внимания на окружающих), Игорь Борисович Греков (его
я почему-то в Институте не видела или видела очень редко),
Игорь Михайлович Шептунов (он был в своем репертуаре,
много шутил, смеялся), Наташа Боровская (она опекала нас,
молодых, учила, как приспособиться к институтской жизни).
Я довольно долго не могла определиться с выбором темы дис-
сертации, за что Наташа меня очень ругала и стыдила. В пер-
вый год аспирантуры я, помимо подготовки к сдаче кандидат-
ских экзаменов, занималась венгерским языком с пожилой
преподавательницей венгерского происхождения по фамилии
Санто (имя не помню). Она очень ответственно относилась
к занятиям, и успехи были налицо: кандидатский экзамен я сда-
ла на «отлично». Вместе со мной венгерским занимался Тофик
Муслимович Исламов, но мы почему-то почти не контактиро-
вали с ним. Знание венгерского потом ему очень пригодилось:
он стал известнейшим в СССР (России) унгаристом. Я же вен-
герский забыла, поскольку в работе не приходилось пользо-
ваться им. О потере этого уникального языка жалею до сих
пор. Помню еще, как сдавала экзамен по философии очень
известному тогда советскому философу (фамилию точно не
помню, что-то вроде Гинзбург). Мне достался билет с ленин-
ским произведением «Материализм и эмпириокритицизм»,
которое я еще с университетской скамьи знала почти наизусть,
но почему-то кроме последнего раздела — «Исторический
материализм». Когда я начала бойко трещать про Авенариуса,
«вещь в себе» и прочее, экзаменатор прервал меня и попросил
рассказать об этой последней главе книги. И тут я поплыла.
Стушевавшись, совершенно перестала соображать, и когда, ви-
димо, желая помочь мне, философ задал конкретный вопрос,
что же будет в конце концов с капиталистическим строем, я не
нашла ничего лучше, как брякнуть, что он развалится. «А по-
том?» — спросил экзаменатор. А я вместо того, чтобы сказать,
что настанет эра социализма (ведь это всем тогда было ясно),
понесла какую-то несусветную чушь. Меня отпустили, поста-
вив не то тройку, не то четверку. Мне было тогда так стыдно
и досадно, что я проревела весь оставшийся день.

Тема диссертации, в конце концов, была определена: «Великий Октябрь и развитие революционного движения в Словакии. 1918—1923 гг.». Материалов по-прежнему было очень мало. Поэтому мы с Валентиной Адриановной очень обрадовались, когда Г. П. Чеканова, побывав в Чехословакии, привезла оттуда много книг и документов, интересных для меня. Все это было сложено в кабинете В. А. Смирновой, подлежало разбору и передаче в спецхран. Процедура довольно длительная, а я спешила, поскольку в конце 1952 г. ожидала рождения ребенка. И тут Валентина Адриановна «пошла на преступление», она разрешила мне за закрытой дверью своего кабинета знакомиться с привезенными материалами, чем я в течение какого-то времени успешно занималась. Но потом, может, кто-то сообщил начальнику спецотдела, может, она сама как-то узнала (ей по долгу службы положено было знать обо всем), но только в один прекрасный день, когда я была поглощена работой с материалами, дверь кабинета внезапно открылась, и грозная начальница вопросила: «А вы что тут делаете?». Я обомлела, ужасно перетрусив. Кроме того, мне не хотелось подводить Валентину Адриановну. Разразился скандал. Не знаю, чем все это кончилось для В. А. Смирновой, моя работа естественно прекратилась, книги отобрали и затем передали в спецхран Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР, куда я ходила уже после рождения дочери. Часы работы спецхрана оказались для меня неудобны: когда кабинет был открыт, мне приходилось раз или два уходить, чтобы покормить ребенка, который находился у мамы на Ильинке (ул. Куйбышева), а затем снова возвращаться в ФБОН (на ул. Фрунзе, ныне — Знаменка). Удивительное дело, но сотрудники спецхрана часто шли мне навстречу, пуская в кабинет, когда он был закрыт для остальных читателей.

1953 год, год после рождения ребенка, был, пожалуй, самым трудным. Оставляя малышку у мамы, либо у свекрови, я ходила в Библиотеку им В. И. Ленина, в ФБОН, а когда шла в институтскую библиотеку, то брала дочурку с собой. Здесь клала ее, завернутую в одеяло, на диван в канцелярии (опекали ребенка все, кто был поблизости), набирала полную авоську книг и ехала домой. Когда ребенок спал, когда гуляла с ним, а также по ночам штудировала принесенную литературу, а по-

том в эти же часы писала и диссертацию. В конце 1953 г. кончался срок моей аспирантуры. Тогда почему-то никаких разговоров о декретном отпуске не было, может, он не полагался аспирантам, а может, я сама не удосужилась его оформить. Когда я вернулась после рождения ребенка в Институт, Валентина Адриановна уже не работала.

Моим научным руководителем стала Ирина Николаевна Мельникова, которая тогда, по-моему, уже не была ученым секретарем Института. Заместителем директора в то время стал Иван Александрович Хренов, присланный к нам из ЦК КПСС. Ирина Николаевна уделяла мне много внимания, например, что сейчас просто невозможно представить, она читала в рукописи главы моей диссертации (на машинистку у меня просто не было денег), давала ценные советы и указания. Вспоминаю, что в ее доме я встречала Сергея Ивановича Прасолова (где он тогда работал, не помню), с которым также обсуждали какие-то вопросы моей диссертации. К концу 1953 г. ее текст был в основном готов. В те годы существовала практика заслушивания отчетов аспирантов на дирекции. К концу аспирантуры я должна была отчитаться о проделанной работе. Помню, что Иван Александрович Хренов, услышав, что в диссертации пока отсутствует введение, заключение и еще не написан автореферат, грозно спросил меня: «Валентина Владимировна, может, Вам что-то мешает в работе?». Я так удивилась, подумав, неужели он не знает, что у меня недавно родился ребенок? Но поскольку я даже не могла себе этого представить, то решила, что такая «мелочь», как ребенок, не может служить уважительной причиной для непредставления диссертации в срок. Я растерялась от вопроса, полагая, что у меня в целом все в порядке с работой, и не нашла ничего лучшего, чем сказать, что мне, конечно, ничего не мешает, и что я в ближайшее время все доведу до конца. И, в общем, я свое обещание сдержала.

После прохождения всей знакомой нам предзащитной процедуры, начались поиски оппонентов. Сразу согласился второй оппонент, Сергей Иванович Прасолов. А первого, доктора наук, найти оказалось сложнее. И тут помог И. А. Хренов. Вызвав меня в кабинет (тогда уже Институт имел собственный дом на ул. Кропоткина, где сейчас Музей А. С. Пушкина), он при мне стал звонить своему хорошему знакомому Льву Изра-

илевичу Зубоку. Тот, как я поняла из разговора, сначала отказался (диссертация была большая — 500 страниц), а потом задал, вероятно, «решающий» вопрос, не уродина ли докторантка, на что И. А. Хренов ответил: «Да что ты, нет, она красивая». И вопрос был решен.

Защита состоялась 7 марта 1955 г. на Ученом совете Института истории АН СССР. Председательствовала Зинаида Владимировна Удалыцова. Лев Израилевич дал очень хороший отзыв и рекомендовал даже опубликовать работу. Конечно, у него были замечания, на которые я честно собиралась ответить. Но второй оппонент, Сергей Иванович Прасолов вступил в полемику с Л. И. Зубоком, защищая положения моей диссертации. Мне не оставалось ничего, как поблагодарить его за это заступничество. 8 марта весь коллектив Института, сидя за закрытыми по этому случаю столами, отмечал Международный женский день, а заодно и мою защиту.

28 марта 1955 г. директор Петр Николаевич Третьяков принял меня на работу в Институт славяноведения АН СССР на должность младшего научного сотрудника в сектор, которым руководил тогда кандидат исторических наук Любомир Борисович Валев. С тех пор я и работаю в моем родном Институте на разных должностях и в разных званиях. Это было недавно... (всего-то более полувека!), это было давно...

И. В. Чуркина

На Кропоткинской

Пожалуй, первые мои впечатления об Институте славяноведения связаны с его библиотекой. Я, тогда еще студентка пятого курса истфака МГУ, мечтала поступить в аспирантуру Института славяноведения. Как-то зимой я пришла в Институт, чтобы записаться в библиотеку. Институт вместе со своей библиотекой ютился тогда в нескольких маленьких комнатах на Волхонке. Веселые молодые люди (мне кажется, это были В. Д. Королюк и И. С. Миллер) показали мне дорогу в библиотеку, где сидела молодая привлекательная женщина Анна Яковлевна Огнева¹. Перепуганную студентку она приняла очень ласково, помогла мне найти нужную литературу. Спустя несколько лет я узнала, что эта милая доброжелательная женщина воевала на фронте. Потом я уже спокойно заходила в Институт, меняла книги в библиотеке, постепенно начинала чувствовать себя как дома.

И вот эту доброжелательность я впоследствии ощущала во всей атмосфере Института: его сотрудники и аспиранты были молоды, полны сил и надежд. Десять лет как закончилась война с Германией, но отблеск победы продолжал наполнять нас всех счастьем.

Я вспоминаю первые годы своего пребывания в Институте, куда я попала в 1954 г. сначала как аспирантка, а затем как младший научный сотрудник. В то время Институт располагался в очаровательном особнячке на Кропоткинской (сейчас там Музей А. С. Пушкина). После успешной сдачи экзаменов меня вызвал заведующий сектором истории славянских наро-

¹ Огнева А. Я. (1921), зав. отделом ФБОН (ИНИОН) в Институте славяноведения в 1953—1984 гг.

дов Сергей Александрович Никитин. Он был профессором в МГУ, заведовал на истфаке кафедрой истории южных и западных славян; я его знала еще со студенческих лет и безумно боялась, как и многие другие студенты. Никитин никогда не повышал голоса, но его взгляд иногда выражал, как мне казалось, такое пренебрежение, что у меня внутри все сжималось от ужаса. Но в данном случае Сергей Александрович был настроен благожелательно. Он спросил, чем я хочу заниматься. Я писала диплом по Первому сербскому восстанию и поэтому выразила пожелание и далее разрабатывать эту тему. Никитин отрицательно покачал головой: «Нет, сербистов в секторе достаточно. Скоро нам придется писать историю Югославии, а у нас нет специалистов по истории Словении. Вы знаете словенский и немецкий языки?». Я не знала ни того, ни другого. «Хорошо, выучите. Сходите в Ленинскую библиотеку, посмотрите литературу и выберите себе тему диссертации». И я пошла в Ленинскую библиотеку, где сидела все свободное от работы время (в первые два года учения в аспирантуре я работала в средней школе № 1 г. Красногорска Московской области) и выбирала себе тему. В конце концов, я остановилась на словенской реформации XVI в.

Для чтения материалов по диссертации мне, прежде всего, было необходимо изучить словенский и немецкий языки. Учителем словенского языка у меня был словенец из Любляны Янез Зор, который учился в университете — писал диссертацию по русской литературе. Это был высокий, очень привлекательный молодой человек, говоривший по-русски без малейшего акцента. Он происходил из рабочей семьи, всю войну участвовал в движении Сопротивления. Нас, изучавших словенский язык, было четыре девушки, из нашего Института — я и Римма Владимировна Булатова. Занятия проходили вечером, после целого дня напряженной учебы. И ученицы, и учитель к тому времени были основательно голодны. Наверное, поэтому наше изучение словенской лексики постепенно скатывалось к довольно узкой теме — запоминанию названий различных блюд словенской кухни. Мы занимались меньше года и вряд ли сильно продвинулись в изучении словенского языка. Но дружеские отношения с Зором у меня сохраняются до сих пор: каждый раз, приезжая в Любляну, я встречаюсь с ним, и мы со смехом вспоминаем наши занятия словенским языком.

Через два года меня перевели в очную аспирантуру, а с 1958 г. я стала младшим научным сотрудником Института славяноведения АН СССР. Я попала в сектор, который возглавлял мой научный руководитель Сергей Александрович Никитин. И сразу же меня посадили работать над первым томом советско-болгарской публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига»¹. Кроме меня над ней работали Нина Владимировна Зуева, Екатерина Мелентьевна Шатохина, Акоп Арутюнович Улунян и Евгений Павлович Наумов.

Душой нашего маленьского коллектива была Нина Владимировна, человек исключительной порядочности и добросовестности, очень благожелательная и добрая. При ней было стыдно лгать, отлынивать от работы. Сергей Александрович полагался на нее во всем. Екатерина Мелентьевна дружила с Ниной Владимировной со студенческих лет и во многом была похожа на нее. Вместе с тем Екатерина Мелентьевна была женщиной с головы до ног: всегда модно одетая, оживленная, кокетливая, легкая в общении. Когда посыпали сотрудников Института на сбор картошки в колхозы, от нашего сектора выделяли чаще всего меня как молодого специалиста и Екатерину Мелентьевну как абсолютно безотказного человека. Эти поездки в колхоз запомнились мне, прежде всего, общением с Екатериной Мелентьевной. Всю дорогу туда и обратно мы обычно распевали романсы, болтали обо всем на свете. Позднее мы с Екатериной Мелентьевной ездили в командировку в Ленинград, и наша жизнь там мне вспоминается как сплошной праздник. Каждое утро мы отправлялись в Архив Академии наук СССР, затем пешком по Невскому проспекту шли в Салтыковку (библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), по дороге обедая в одном из многочисленных кафе, чаще всего — в «Пирожковой», а после работы в библиотеке направлялись в один из театров и «стреляли» у входа билеты. А каждое воскресенье мы ходили в какой-либо музей (чаще всего — в Эрмитаж) или ездили на экскурсию. И такая насыщенная культурная программа была вполне по карману младшим научным сотрудникам без степени!

Евгений Павлович Наумов, самый младший из нас, по складу своего характера был настоящим ученым, которого мало что интересовало, кроме науки. Он обладал навыками

¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. М., 1961—1967. Т. 1—3.

быстрого чтения. Нередко мы вместе с ним работали в нашей институтской читальне, и я с удивлением смотрела, как он медленно переворачивает страницы толстых фолиантов — и не только просматривает, но и запоминает текст! Я сама проверяла! С Наумовым была связана одна из самых неприятных историй на Кропоткинской, когда на Ученом совете был проявлен первый вариант его кандидатской диссертации. Говорили, что это было вызвано желанием некоторых членов Ученого совета навредить его научному руководителю С. А. Никитину. Впоследствии Евгений Павлович защитил и кандидатскую, и докторскую диссертации и стал одним из уважаемых медиевистов в стране.

И, наконец, Акоп Арутюнович Улунян — любимец всего Института. Он воевал, как и многие другие сотрудники Института, был очень доброжелателен и щедр и одновременно нетерпим, если считал, что он прав. Свои возражения он прямо высказывал в лицо каждому, не только нам, но и высокому начальству — директору Института, С. А. Никитину. И все воспринимали это как должное, ибо знали, что за этим не было никакой интриги, желания кому-нибудь навредить, но только стремление, чтобы все делалось по справедливости. Мы все искренне любили и уважали его, он был для нас «подружкой», и при нем мы спокойно обсуждали наши покупки, наряды, семейные дела. Акоп Арутюнович дружил с Екатериной Мелентьевной, они вместе работали в АВПР (Архиве внешней политики России), сотрудники которого считали их семейной парой. Улунян не имел славистического образования, но благодаря своему упорству и трудолюбию стал одним из ведущих историков-болгаристов Института.

Вся наша команда приходила на работу ежедневно и старательно готовила документы к печати.

Помимо названных лиц в публикации участвовали кандидаты наук Ксения Леонидовна Струкова, Нина Ивановна Хитрова и Нина Павловна Данилова (Белякова). С ними мы общались реже, так как они приходили в Институт только в присутственные дни. Ксения Леонидовна была самой красивой женщиной в нашем секторе. Она занималась Македонией, и это ей стоило много сил и нервов. В те годы из-за споров между югославским и болгарским правительствами о существовании македонского народа советская цензура не пропускала ни одной строчки о Македонии, которая бы давала воз-

можность заподозрить советское правительство в симпатиях той или иной стороне. Ксения Леонидовна много работала и много писала, но публиковаться ей удавалось редко. Может, это обстоятельство стало одной из причин ее ранней кончины в 1984 г. После смерти Струковой осталась рукопись ее книги «Общественно-политическое развитие Македонии в 50—70-е гг. XIX в.». Благодаря усилиям сотрудников нашего отдела Александра Викторовича Карасева и Виктора Ивановича Косика, а также академиков Македонской Академии наук Данчо Зографского и Блаже Ристовского, книга Струковой увидела свет в 2004 г., через 20 лет после смерти автора.

Нина Ивановна Хитрова занималась историей Черногории, мы так и называли ее — «черногорочка». Она была очень добродушной и не по летам наивной. Из-за этого мы иногда подшучивали над ней. Впрочем, она никогда на это не обижалась. Свою Черногорию она очень любила, старательно собирала о ней материалы в архивах. За это ее очень ценят черногорские коллеги. Нина Павловна Данилова (Белякова), очень домашняя, хозяйственная, написанием научных трудов особо не занималась. Но она всегда была готова помочь нам в нашей бесконечной технической работе над документами.

В секторе работали и другие сотрудники: Ирина Степановна Достян, Владимир Израилевич Фрейдзон, Иван Иванович Костюшко, Александр Харitonovich Клеванский и др. Но с ними в то время мы соприкасались мало, поскольку они не были заняты в публикации, а каждый из них работал по индивидуальному плану. Уже позднее они оказали на меня большое влияние и в научном, и в человеческом отношении.

Из времен обитания Института на Кропоткинской мне запомнились заседания Ученых советов. На них приходили обычно все сотрудники и аспиранты. Заседания проходили очень непринужденно, выступали на них свободно, не опасаясь сказать то, что хотелось. Нередко ораторы блистали остроумием, особенно отличались в этом отношении Владимир Дорофеевич Королюк, Борис Федорович Стахеев, Александр Харitonovich Клеванский. Их искрометные шутки и язвительные замечания очень оживляли чинную атмосферу научных собраний.

После переезда в Трубниковский переулок началась новая эра жизни Института славяноведения и его сотрудников.

Г. К. Венедиктов

Памятные эпизоды разных лет

За долгие годы работы в Институте (с марта 1956 г.) я был свидетелем многих памятных событий — больших и малых. Одни из них касались жизни и деятельности всего Института, другие носили более частный характер, были эпизодами в истории секторов или в жизни отдельных сотрудников. Обо всем сохранившемся в памяти на нескольких страницах не расскажешь, да и не все, естественно, теперь может представлять интерес.

В нашем комплексном Институте с самого начала его научной деятельности установилась отчетливая градация весомости, значимости или места в нем историков, литературоведов и лингвистов. Все знали, что верхнюю ступень всегда занимали историки, среднюю — литературоведы, а на нижней находились лингвисты. Такое «иерархическое» расположение сотрудников по их специализации никакими указаниями начальства, очевидно, не предписывалось, но оно как бы само собой подразумевалось, поскольку важнейшей составляющей научной работы Института была ее идеологическая направленность, которая, естественно, обеспечивалась главным образом и прежде всего трудами историков. В этом плане роль лингвистов в общеинститутской научной деятельности в глазах и начальства, и нelingвистов (если не всех, то по крайней мере, многих из них) в самом Институте не могла не восприниматься как несравненно менее значимая. Это понятно, и в таком сложившемся «распределении ролей» лингвисты, насколько я понимаю, если и видели нечто несправедливое, ущемляющее их научные интересы, то в целом с этим должны были «смириться».

«Заднеплановое» положение языковедов в Институте, однако, имело и свои преимущества, которые были ими использованы для развертывания лингвистических исследований. Дело в том, что наш Институт входил не в Отделения литературы и языка, а в Отделение истории, которое, как мне представляется, главное внимание обращало на тематику исторических исследований. Предлагавшаяся лингвистами языковедческая тематика в Отделении истории, видимо, особо не корректировалась. В Институте же авторитетные руководители лингвистических секторов С. Б. Бернштейн и Вяч. Вс. Иванов умело доказывали необходимость разработки в секторах тех направлений, той проблематики, которую предлагали они сами и их сотрудники. Благодаря этому в Институте и смогли успешно и широко развиваться исследования в таких не укладывающихся в рамки собственно славяноведения областях лингвистики, как, например, баллистика и ностратика. Вероятно, между дирекцией и заведующими секторами не всегда было полное взаимопонимание по тем или иным плановым предложениям лингвистов, но в целом, на мой взгляд, можно сказать, что в нашем Институте лингвисты занимались изучением тех проблем, теми областями языкоznания и смежных наук, которые они сами выбирали, хотя и допускаю мысль, что в отдельных случаях научные интересы того или иного сотрудника и не находили поддержки у руководства. Но я как-то не могу представить себе, чтобы дирекция Института русского языка АН СССР, где в начале 1960-х годов, как и в нашем Институте, было создано подразделение структурной лингвистики, позволила своим сотрудникам заняться... кетским языком. В нашем же Институте была организована специальная экспедиция на Енисей к кетам, в которой приняли участие несколько сотрудников.

Наоборот, я считаю, что в существовавших рамках организации научных исследований в Академии наук СССР в 1950—1980-е годы, условия для работы лингвистов в нашем Институте были вполне благоприятные. Не случайно за все эти годы Институт покинуло очень мало лингвистов, причем, вероятно, лишь о некоторых из них можно сказать, что они ушли на преподавательскую работу или в другой академический институт по причине недовольства существовавшими в нашем Институте условиями для своей работы. Нельзя забывать, например, того, что, в отличие от других академических институтов,

никто из наших «подписантов» — а это были преимущественно сотрудники сектора структурной типологии — не был уволен из Института (они продолжали работать, издавать труды, хотя дорога к защите диссертаций оказалась для них трудной и долгой). Насколько я понимаю, такой исход громкого «дела подписантов» в нашем Институте объясняется отношением к нему не только дирекции, но и общественных организаций, особенно партийной, которые воздержались от его шумного раздувания.

Я считаю, что в общем благоприятные условия, в которых развивалось языкознание в нашем Институте, объективно были той почвой, на которой взросла группа блестящих ученых, широко известных в славистике и других областях современного языкознания и в смежных науках. Большая заслуга в этом принадлежит С. Б. Бернштейну — первому и многолетнему руководителю сектора славянского языкознания, сумевшему уже в начальные годы существования Института собрать в нем группу талантливых молодых ученых, которые очень быстро стали крупнейшими языковедами нашей страны, установили широкий диапазон и высокий уровень лингвистических исследований. Среди сотрудников сектора славянского языкознания были вчерашние студенты или аспиранты С. Б. Бернштейна, ставшие впоследствии академиками Н. И. Толстой, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев; в этом секторе начинали свою научную деятельность академик А. А. Зализняк, член-корреспондент В. А. Дыбо, хорошо известные своими трудами в разных областях славянского языкознания доктора наук Е. И. Демина, Л. Э. Калнынь, Г. П. Нещименко, Т. В. Попова, Е. В. Чешко и др. В этот ряд заслуженных лингвистов Института по праву входят всю свою творческую жизнь связавшие с созданным С. Б. Бернштейном сектором его университетские ученики В. М. Илич-Свитыч, М. И. Ермакова и Г. П. Клепикова (кандидаты наук). С. Б. Бернштейн очень любил свою науку, заботился о подготовке кадров, много сделал для развития различных областей славянского языкознания в нашей стране во второй половине прошлого столетия. Он внес весомый вклад в организацию этой науки и подготовку кадров.

Вeterаны Института хорошо помнят, как время от времени появлялись тревожные слухи о намерении академика В. В. Виноградова забрать наших лингвистов к себе в Институт русского языка. Эти слухи лихорадили лингвистов, пока не угасали,

и тогда все с облегчением вздыхали. Никто из лингвистов, за очень редким исключением (С. К. Шаумян, О. Н. Трубачев), уходить к Виноградову не хотел и не ушел (отток историков из Института, кажется, был гораздо больше).

Лингвисты, на мой взгляд, чувствовали себя более ущемленно в другом: они, например, медленнее поднимались по служебной лестнице — им приходилось дольше дожидаться утверждения в должности старшего научного сотрудника. Вот конкретные примеры. В 1959 г. была издана монография О. Н. Трубачева «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя», но до ухода из Института в 1961 г. он продолжал оставаться младшим научным сотрудником. Три года после выхода в свет монографии до трагической смерти оставался младшим научным сотрудником В. М. Иллич-Свитыч, Т. В. Попова и В. А. Дыбо стали старшими научными сотрудниками только после защиты докторских диссертаций, хотя к тому времени они были авторами многих десятков опубликованных трудов. Труднее доставались лингвистам, по крайней мере некоторым из них, зарубежные научные командировки (Р. В. Булатова, например, за все время работы в Институте ни разу не была командирована в Югославию — она выезжала туда только по приглашению югославских научных организаций). Долгое время чувствовалась, как мне кажется, какая-то напряженность в отношении и к дирекции, и к другим секторам со стороны сотрудников сектора структурной типологии, пришедших в Институт в то время, когда он жил уже полной жизнью, со сложившимися демократическими традициями. Структуралисты стояли как-то особняком, обнаруживая свою «особость», некоторую отстраненность от общеинститутских дел и интересов. Может быть, я и ошибаюсь, но так мне помнятся некоторые особенности положения лингвистов в Институте в 50—80-е годы прошлого века.

Ниже речь пойдет о нескольких запомнившихся эпизодах, касающихся внутри- и внеинститутской жизни сотрудников Института в указанные годы.

Жена не кормит

Войдя летом 1960 г. в общеприсутственный день в Институт в Трубниках, я увидел, как в холле веселый В. Д. Королюк, который любил пошутивать и подшутить, подходит к одному, то

к другому из сидевших на диване или стоявших у колонн сотрудников, показывает им какую-то книжку, что-то говорит и громко хохочет. Заметив меня, он подошел ко мне, протянул раскрытую книгу и сказал: «Смотри, что он написал! Она его, наверное, не кормит?!». Беру книгу, оказывается пражский журнал «Slavia», № 1 за 1960 г., в котором опубликована большая статья тогда молодого О. Н. Трубачева «Из истории названий каш в славянских языках». Внимание Королюка привлекло, наверное, не столько название статьи, сколько то, что было написано строчкой ниже: «Посвящается Светлане».

Защита диссертации — фарс

Право приема к защите кандидатских и докторских диссертаций Институт получил в 1955 г. До этого его аспиранты и сотрудники защищались в других академических институтах и в Московском университете. До конца 1970-х годов историки, литературоведы и языковеды защищали диссертации в едином Ученом совете. Затем в Институте было образовано два специализированных совета по защите диссертаций: один — по истории, другой — по литературоведению и языкоизнанию (недавно преобразованные в диссертационные советы). В то время, когда защиты происходили в едином Ученом совете, историки, к примеру, обсуждали диссертации о корреляции твердых и мягких согласных в славянских языках, а лингвисты, в свою очередь, рассматривали исследования о феодальном землевладении в Сербии в XIV—XV вв. Дипломы кандидата наук (насчет диплома доктора наук — не знаю) подписывались тогда председателем и ученым секретарем совета. Мой диплом подписан И. А. Хреновым и И. М. Шептуновым — директором и ученым секретарем Института.

На одном из заседаний Ученого совета тех лет при защите кандидатской диссертации произошел любопытный инцидент. В 1963 г. в Издательстве Академии наук вышла книга В. М. Ильинич-Свитыча «Именная акцентуация в балтийском и славянском: судьба акцентуационных парадигм», сразу же привлекшая к себе внимание крупнейших советских и зарубежных компаративистов того времени. Среди лингвистов Института росло убеждение, что эта монография отвечает самым высоким требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Но 29-летний автор еще не был кандидатом наук, поэтому

свою работу он представил в 1964 г. в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Первым оппонентом, кажется, был Б. В. Горунг, вторым же оппонентом был В. Н. Топоров. Он дал очень высокую оценку диссертации и закончил свой отзыв словами: «Настоящая защита — это фарс. Диссертация Иллич-Свityча достойна присуждения ей ученой степени доктора наук». Такая дерзость официального оппонента, публично называвшего защиту фарсом, очень не понравилась председателю совета и директору Института И. А. Хренову, который покраснел от возмущения и сразу же после выступления В. Н. Топорова что-то ответил ему (к сожалению, не помню, что именно). Очень занервничал тогда и секретарь совета И. М. Шептунов.

В. М. Иллич-Свityч кандидатскую диссертацию защитил (при голосовании все-таки был черный шар, который тогда приписывали Шептунову, но, может быть, и напрасно). Очень жаль, что и Ученый совет, и дирекция, и сектор славянского языкознания практически не сделали ничего, чтобы эта диссертация могла быть представлена и в качестве докторской. Кто знает, такая попытка могла ведь увенчаться успехом. Защитил же несколькими годами позднее А. А. Зализняк кандидатскую диссертацию и как докторскую. И тогда Иллич-Свityч, наверное, смог бы сменить крохотную холодную комнатку, которую он снимал в Загорянке, на более удобное для своей семьи жилье, и тогда ему, может быть, не пришлось бы летом 1966 г. ходить на соседнюю станцию за керосином, возвращаясь с которым он попал под машину.

Реакционная коллегия

Первый номер журнала «Советское славяноведение» вышел в начале 1965 г. Это стало большим событием в жизни Института, связанным, к сожалению, с прекращением издания институтских «Кратких сообщений», которых к тому времени вышло более 40 выпусков и которые были славистам того времени хорошо известны. Первым редактором нового журнала был, как известно, И. И. Костюшко. Перед подписанием первого номера в печать он поручил всем членам редколлегии и сотрудникам редакции еще раз внимательнейшим образом прочитать последнюю корректуру, чтобы в номер не попали случайно не замеченные опечатки и др. Я присутствовал на

том заседании редколлегии (как заведующий отделом языкоznания) и хорошо помню, как Л. Б. Валев обратил внимание на то, что в лингвистической статье ошибочно напечатано слово «морфонология», вместо правильного, как ему казалось, слова «морфология». Когда все разъяснилось, замечания иссякли и И. И. Костюшко готов был закрыть заседание редколлегии, вдруг раздался возбужденный голос Валева: «Подождите! Здесь есть одна опечатка!» И он указал на то, что на обороте титульного листа журнала список членов редколлегии дан под заглавием «Реакционная коллегия». Зоркий глаз Любомира Борисовича спас редколлегию журнала, да и, наверное, дирекцию Института от возможных тогда неприятностей.

«Ссылку на газету “Македония” снять!»

В 1984 г. издательством «Наука» был выпущен подготовленный в Институте сборник статей «У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе». В нем опубликована и моя статья «К истории литературного самоназвания болгар в эпоху их национального возрождения». С редактированием этой статьи связан памятный для меня эпизод, иллюстрирующий сверхбдительность издательства в так называемом македонском вопросе. Как известно, в 1970-х — начале 1980-х годов острая полемика по разным аспектам этого вопроса велась на международных съездах славистов, других научных мероприятиях. Особенно резкий характер она носила в научных изданиях и средствах массовой информации Болгарии и Македонии. Внимание к этому вопросу издательства «Наука» диктовалось указаниями, исходившими от соответствующих отделов директивных органов, запрещавших какое-либо обсуждение этого вопроса в издаваемых трудах. В своей статье я цитировал небольшую заметку «Мнение за българското правописание (заето от Летоструй)», опубликованную в одном из номеров болгарской газеты «Македония» за 1869 год. В этой заметке, в частности, отмечалось, что в существующих трех главных болгарских наречиях — мизийском, фракийском и македонском — этоним «болгарин» произносится по-разному: българин, бъльгарин и бугарин.

Н. П. Бобрик, курировавший в «Науке» институтские издания по истории, вызвал меня к себе и потребовал снять из текста статьи цитату из газеты «Македония» и соответству-

щую ссылку на нее. Как ни старались член редколлегии сборника В. И. Фрейдзон и я убедить редактора издательства в нелепости такого требования, сами мы не сумели отстоять газету «Македония». Н. П. Бобрик все же пошел нам навстречу, заявив: «Если принесете письмо от дирекции Института, в котором будет написано, что она берет на себя ответственность, оставим и цитату, и ссылку на газету». Я сразу же обратился к заместителю директора В. Н. Виноградову, рассказал ему о требовании и предложении Н. П. Бобрика. В. Н. Виноградов очень удивился позиции издательства и без каких-либо колебаний и раздумий подписал письмо, которым дирекция Института снимала с «Науки» ответственность за цитирование и упоминание издававшейся в 60-е годы XIX в. болгарской газеты «Македония».

Вскоре после выхода указанного сборника в свет я оказался в Ленинграде, там встретился с П. А. Дмитриевым, другим членом редколлегии сборника, и поведал ему об этой курьезной истории с газетой «Македония» в издательстве «Наука». «Это что! — сказал Петр Андреевич. — Мне вот рассказывали, как редактор издательства одного периферийного университета, увидев в готовившейся к печати статье упоминание Александра Македонского, сократил двусловное имя знаменитого античного полководца до одного слова — Александр». Помолчав с минуту, он добавил: «Хочешь — верь, хочешь — не верь». Можно, наверное, и поверить, что такой суперретивый редактор мог быть и на самом деле.

«Зачем вам болгарский перевод Нового завета?»

Такой вопрос в 1980-е годы мне задала старушка-библиотекарша в Ленинской библиотеке, когда в читальном зале № 3 я хотел получить присланный из Ленинграда (из Библиотеки Академии наук или Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина) нужный мне экземпляр болгарского перевода Нового завета. Дело заключалось в следующем.

В начале 1960-х годов Институт приступил к комплексной разработке проблемы формирования наций и национальных культур в Центральной и Юго-Восточной Европе. Группа лингвистов-болгаристов к тому времени уже заканчивала работу над составлением первого тома «Болгарского диалектологического атласа», который создавался совместно с диалектологами Института болгарского языка БАН под руководством

С. Б. Бернштейна и Ст. Стойкова. В связи с новыми задачами С. Б. Бернштейн перебросил меня с болгарской диалектологии на историю современного болгарского литературного языка, который, как известно, формировался в XIX в., в эпоху возрождения Болгарии. Я начал с того, что параллельно с изучением существовавшей литературы по истории литературного языка сразу же занялся составлением списка хранящихся в московских библиотеках болгарских книг, газет и журналов, изданных в то время — без их изучения заниматься исследованием истории литературного языка было бы весьма проблематично. Сравнительно легко мне удалось составить список болгарских изданий эпохи возрождения по генеральным каталогам ИНИОН (тогда, наверное, еще ФБОН), Научной библиотеки им. М. Горького Московского университета, Исторической библиотеки, доступ к которым мне обеспечили соответствующие письма дирекции Института. Очень трудно было получить разрешение просмотреть каталог иностранных книг и периодики, напечатанных кириллицей, в Ленинской библиотеке, но в конце концов письма из Института вызывали действие, и, перебрав десятки каталожных ящиков, я «выловил» в них названия интересовавших меня изданий. Будучи в командировках в Ленинграде, я составил такой же список изданий, хранящихся в Библиотеке Академии наук и в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. В результате у меня образовался каталог болгарских возрожденческих изданий, представленных в крупнейших библиотеках Москвы и Ленинграда, с указанием их шифров. В результате составления каталога мне удалось обнаружить несколько болгарских книг, которые в болгарской библиографии (на начало 1960-х годов) вообще не значились, а несколько других, библиографически известных, в библиотеках Болгарии тогда отсутствовали. Многие из книг московских библиотек содержали своеобразный интересный материал по истории русско-болгарских культурных связей в XIX в. (владельческие печати, записи библиотек и частных лиц, дарственные и другие надписи). Чтобы пополнить коллекцию книг с такого рода материалами, я заказывал их через Ленинку из ленинградских библиотек. В их числе был заказан и Новый завет в болгарском переводе известного деятеля возрождения Неофита Рильского, изданный в 1840 г. в Смирне.

Вернемся к старушке-библиотекарше, задавшей мне вопрос, зачем мне нужен Новый завет в болгарском переводе. Я ответил, что это издание мне нужно для научной работы. Последовала серия вопросов, а что за работа, где я работаю и т. д. — почти форменный допрос, учиненный библиотечным работником читателю научного зала. Я говорил, что в библиотеке свободно выдаются научные издания Нового завета на древнеболгарском языке, но это не убеждало старушку, что мне для научной работы может быть дозволен доступ и к новоболгарскому переводу Нового завета. Она потребовала, чтобы я принес письмо из Института, в котором было бы сказано, что это издание мне действительно нужно для научной работы. Пришлось такое письмо ей доставить, чтобы убедиться, нет ли в ленинградском экземпляре Нового завета в переводе Неофита Рильского владельческого штампа или дарственной надписи.

Вне Института

Многие нынешние сотрудники Института об уборке картошки в колхозах Подмосковья, работе на овощных базах Москвы, да еще о субботниках-воскресниках по весенней очистке дворов, улиц и скверов города от залежавшегося за зиму мусора и наслонившейся грязи знают уже только понаслышке. Но когда-то такого рода внеинститутская работа была едва ли не буднями жизни Института. В планкарты она, естественно, не записывалась, хотя и была неизбежным уделом почти всех мало-мальски здоровых младших научных сотрудников, выборочно — старших научных сотрудников, кандидатов наук и отдельных особо энтузиазированных докторов наук и — в редких случаях — заведующих секторами. За все время существования этого вида работ в Институте было, наверное, очень мало физически здоровых сотрудников, которые сумели лишить себя удовольствия испытать удовлетворение от смены институтско-библиотечных занятий работой на природе, даже и в черте города.

Помню, как в некоем году на картофельном поле одного колхоза я оказался в какой-то момент в соседней борозде с директором (или еще замдиректора?) Института И. А. Хреновым, который вбрасывал собранную им картошку в ту же корзину, куда направлялась и моя добыча. Не знаю, были ли сотрудники, которые охотно по первому же зову-призывау оставляли

институтские дела и спешили на многодневную работу в колхозы (с однодневной работой на овощных базах и весенними субботниками вопрос решался проще и безболезненнее).

В силу особенностей состава сотрудников сектора славянского языкоznания, кажется, мне чаще других в нашем секторе приходилось отбывать в колхозные командировки сроком на две—три—четыре недели. Институт обязан был послать в колхозы установленное райкомовской разнарядкой число сотрудников. Уклониться (отказаться) от работы в колхозе иногда бывало очень трудно. Помню, как однажды два члена партбюро, Л. Б. Валев и В. А. Дьяков, прижав меня с двух сторон к левой колонне у входа в дирекцию в Трубниках, долго уговаривали отправиться в Закубежье (или в Кузьмино?), но как беспартийный я тогда стоял и в колхоз не поехал.

Другая работа вне стен Института, которой приходилось заниматься многим сотрудникам, была связана с выборами в Верховные Советы СССР и РСФСР, местные советы. В Институте создавался большой агитколлектив, за которым закреплялось определенное число домов на разных, обычно близлежащих улицах. Агитаторам поручалась проверка списков избирателей, ознакомление жителей домов с биографиями кандидатов в депутаты, обеспечение явки избирателей в день выборов на избирательные участки. Важной и полезной частью работы агитаторов было выявление разного рода жалоб избирателей на невнимание к их нуждам со стороны коммунальных контор и административных органов. Нужно сказать, что предвыборные кампании были тогда довольно действенным рычагом давления на эти структуры. Агитколлективу при поддержке партийной организации Института нередко удавалось оказать реальную помощь избирателям. Усматривались в работе агитаторов и недостатки: например, случалось, что им не удавалось убедить отдельных избирателей в необходимости исполнить их гражданский долг — принять участие в голосовании.

Наряду с перечисленными видами внеинститутских занятий можно еще вспомнить лекционную работу — и все это никак не было связано с нашими научными делами. Но сотрудникам Института приходилось выполнять вне его стен и такую работу, которая была непосредственно связана с их профессиональной деятельностью. Прежде всего, я имею в виду так называемое сопровождение делегаций иностранных ученых,

приезжавших в Академию наук, и работу в качестве переводчиков на партийных, профсоюзных, комсомольских съездах, форумах творческих союзов, а также мероприятиях международного уровня, проходивших в Москве. В 1950—1980-х годах некоторым сотрудникам Института приходилось довольно много заниматься этими видами работы. Наш Институт, таким образом, был своего рода и поставщиком переводчиков, обеспечивавших, наряду с сотрудниками кафедры славянской филологии Московского университета, Радиокомитета и других учреждений, перевод с языков народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которыми он занимался, на русский язык и наоборот в тех случаях, когда в Москве проходили важные политические, общественные и другие мероприятия с участием представителей этих стран.

Нередко сотрудников Института привлекали в качестве переводчиков-сопровождающих и для отдельных высоких гостей разных учреждений столицы. В такой роли впервые мне пришлось выступить в октябре 1957 г. — на втором году работы в Институте. Тогда в Москву приехал президент Болгарской Академии наук Тодор Павлов. Когда я явился к нему в гостиницу «Ленинградская», он встретил меня очень дружелюбно и искренне радовался запуску первого советского искусственного спутника Земли. Переводить мне тогда было практически нечего, так как академик Т. Павлов хорошо знал русский язык и свободно говорил по-русски. После той первой встречи я неоднократно встречался с ним во время его приездов в Москву в качестве президента и почетного президента Болгарской Академии наук, члена ЦК и члена Политбюро Болгарской коммунистической партии. Т. Павлов не раз говорил мне, что хочет побывать в Разливе и увидеть шалаш, в котором в 1917 г. скрывался В. И. Ленин. И вот в начале 1970-х годов его давняя мечта, наконец, осуществилась — на «Красной стреле» мы отправились в Ленинград. Последняя моя встреча с Т. Павловым состоялась за несколько лет до его смерти (он умер в 1977 г.). В общей сложности мне довелось провести с ним много часов; нередко он предавался воспоминаниям и рассказывал о событиях своей богатой биографии и о людях, с которыми его связала жизнь.

С работой в качестве переводчика связан еще один эпизод моей жизни.

Доверие беспартийному

В бытность директором И. А. Хренов как-то (дело было летом в 1967 г.) позвонил утром мне домой. Его звонок был для меня полнейшей неожиданностью, так как никогда до этого сам он мне домой не звонил. Звонит он и говорит с характерным для его речи оканьем: «Г. К., вам поручается ответственное задание. В Москву приезжает из Болгарии высокая партийная делегация, и вы назначаетесь при ней переводчиком». Быть переводчиком при делегации для меня всегда было большим испытанием, потому что я никогда не мог переводить речей и даже не очень длинных пассажей выступлений — я запоминал начало или конец пассажа, и тут же забывал его середину или другие отрывки. По этой причине мне не хотелось быть переводчиком и в данном случае, тем более при высокой партийной делегации. Я попытался было отговориться тем, что делегация партийная, а я беспартийный, и как бы из-за этого не возникли какие-нибудь неожиданные коллизии в ходе переговоров и встреч делегации с нашими партийными кругами. Но Иван Александрович меня «успокоил», сказав: «Г. К., мы вас знаем, мы вам доверяем».

Готовясь к встрече с делегацией, — а это была делегация софийского горкома БКП, — я купил себе новый костюм. В составе делегации было несколько молодых болгар, в их числе и один окончивший какой-то вуз в Москве. Он особенно был недоволен тем, что делегацию поселили в одном из особняков на Ленинских горах, за высокой стеной с охраной у ворот, так что выйти из особняка погулять в город одному ему не всегда удавалось. Программа пребывания делегации была разнообразной и интересной. Вместе с нею я побывал тогда в кабинете В. Ф. Промыслова в Моссовете, в других руководящих кабинетах города, на каких-то предприятиях, новостройках. Особенно запомнилась прогулка на теплоходе по каналу «Москва—Волга». Говорили, что тот внешне ничем не примечательный теплоход был когда-то яхтой Сталина. После отплытия теплохода от Северного речного вокзала на палубе был накрыт стол, за которым представители хозяев и гостей произносили много хороших, дружеских тостов. Один тост, правда, тогда меня очень удивил. Жена главного профсоюзного деятеля Москвы (забыл его фамилию) начала свой тост словами: «Дорогие товарищи! Здесь собрались сливки Москвы — наши мужья, которые все силы и все время отдают...» и т. д. Меня

тогда поразило, что та дама, ничуть не смущаясь и не сомневаясь, руководящих деятелей города уверенно отнесла к его сливкам. До этого мне подобное не приходилось слышать. Таким вот образом сорок лет назад я побывал рядом со «сливками Москвы», которым, окажись они в наше время, было бы очень и очень далеко до современных «сливок», именующих себя элитой.

Должен сказать, что переводить мне тогда, к счастью, пришлось очень мало, так как все члены делегации говорили по-русски (одни хорошо, другие поуже), а большая речь, которую мне пришлось-таки переводить с болгарского, звучала на заключительном вечернем банкете в каком-то загородном доме приемов, когда застолье близилось к завершению, было уже шумно, и вряд ли кто слушал, что я тогда переводил. Но я помню, что мне тогда особенно удалось перевод нескользких заключительных пожеланий, начинавшихся привычными словами: «Да здравствует...». Иван Александрович во мне не обманулся — с задачей переводчика, которому он доверял, я, кажется, тогда справился.

Недоверие беспартийному

Сектор славянского языкознания, как помнят сотрудники Института, работавшие в Трубниках, занимал две комнаты: одну большую, примыкавшую к залу заседаний, и вторую — маленькую, которая была кабинетом С. Б. Бернштейна. В большой комнате стояли столы, за которыми работали младшие научные сотрудники. В малой комнате часто проходили собрания партгруппы сектора. Нередко они бывали довольно шумными, так что до слуха работавшего в большой комнате беспартийного сотрудника отчетливо доходили отдельные, особенно громкие, короткие реплики. Одну из таких реплик, касающуюся меня лично, однажды удалось услышать и мне.

Я пришел в комнату и сел за свой стол, когда заседание партгруппы уже шло полным ходом. Не прислушиваясь к тому, о чем именно говорилось в соседней комнате, я все же понял, что речь шла о кандидатуре ученого секретаря сектора. Какие кандидатуры обсуждались, я не знаю (не слышал), но вдруг я слышу хорошо узнаваемый голос: «Нет! Григуара нельзя. Он беспартийный!» (Григуаром в то время меня называли некоторые мои коллеги). Не знаю, по этой ли причине или по другой, но ученым секретарем я тогда не был назначен, чему был очень рад, тем более что ранее несколько лет таковым уже был.

Р. В. Булатова

Большая лингвистика в нашем Институте

Я пришла работать в Институт славяноведения в октябре 1956 г. прямо со студенческой скамьи. Институту было тогда 10 лет. И почти все последующие 50 лет жизни Института прошли на моих глазах. Особенно памятны и ценные для меня события и люди из моей области — языкоznания. Не погрешу против истину, если скажу, что самые значительные научные достижения нашего комплексного, но в основном исторического Института случились именно в лингвистических подразделениях. Обусловлено это было, прежде всего, личностью Самуила Борисовича Бернштейна, который одновременно заведовал кафедрой славянской филологии в МГУ (с 1947 по 1970 г.) и возглавил филологию (с 1947 г.), а затем сектор славянского языкоznания в Институте (с 1951 по 1977 г.), поставляя в Академию кадры славистов. С. Б. Бернштейн — один из основателей современного славянского языкоznания, создатель славистической школы послевоенной России, определившей на многие десятилетия основные направления славистической науки не только в нашей стране. С. Б. Бернштейн обладал, кроме того, замечательным качеством организатора науки. Привлечение им талантливой молодежи, стремление окружать себя перспективными исследователями, выросшими не только на его, но и вне его кафедры, определило судьбу и науки, и многих ученых.

Формировать сектор славянского языкоznания Самуилу Борисовичу пришлось еще до первых выпусков славянской кафедры МГУ. Так, в Институт были им привлечены талантливые ученики выдающихся языковедов-русиcтov Г. О. Винокура и Р. И. Аванесова — специалисты по старославянскому — К. И. Ходова и Р. М. Цейтлин и русисты, ставшие впоследст-

вии болгаристами, либо специалистами по сопоставительному языкознанию — Е. В. Чешко, И. К. Бунина, М. А. Гадолина, Л. Э. Калнынь. В 1949 г. появилась в секторе первая болгаристка — Э. И. Зеленина, в 1956 г. — ученик ленинградского болгариста, несколько лет сотрудничавшего с Институтом, профессора Ю. С. Маслова — Г. К. Венедиктов, недавно избранный в Болгарскую Академию.

Выпускники славянской кафедры филфака МГУ со временем составили вместе с вышеназванными специалистами высококвалифицированный коллектив исследователей. Это Н. И. Толстой, ставший со временем академиком, В. М. Иллич-Свитыч, Е. И. Демина, Т. В. Попова, Г. П. Нещименко, М. И. Ермакова и др. В секторе также работали прошедшие аспирантуру у Самуила Борисовича, впоследствии академики: В. Н. Топоров, выпускник русской кафедры МГУ, гордость российской филологической науки, первый лауреат премии А. И. Солженицына, и О. Н. Трубачев, ушедший позднее в профильный Институт русского языка, где возглавил авторский коллектив многотомного этимологического словаря славянских языков.

В 1950-е годы шла упорная борьба академика В. В. Виноградова за передачу языковедов-славистов в руководимый им Институт русского языка. Твердая позиция С. Б. Бернштейна, поддерживаемая дирекцией нашего Института (П. Н. Третьяковым и затем И. И. Удальцовыми), не дала свершиться планам В. В. Виноградова. В противном случае судьба лингвистической науки в Институте славяноведения могла бы сложиться совсем иначе.

В разное время благодаря неустанным хлопотам С. Б. Бернштейна в Институте появился целый ряд выдающихся ученых. С 1954 г. у Бернштейна работал С. К. Шаумян, специалист по структурной лингвистике, моделированию и фонологии — в областях далеких от интересов самого Самуила Борисовича, но наущшую потребность развития которых он понимал и всячески способствовал созданию творческого коллектива для Шаумяна. После многочисленных настойчивых докладных в Президиум АН в 1960 г. нашему Институту (не удивительно ли — вовсе не профильному), наряду с Институтом русского языка и Институтом языкознания, были даны ставки для структурристов. С. К. Шаумян быстро набрал четырех сотрудников и... неожиданно ушел в Институт русского языка. Чтобы спасти положение, не оставить в подвешенном состоянии вновь

зачисленных, Самуил Борисович уговорил (*sik!*) Владимира Николаевича Топорова возглавить группу структуралистов. Эта ситуация была остроумно изображена В. М. Иллич-Свитычем в сатирической сценке нашего «капустника» «Чужие дети».

В 1958 г. наш сектор обрел двух ярких молодых ученых — В. М. Иллич-Свитыча, любимого ученика Самуила Борисовича, выпускника болгарской группы и В. А. Дыбо, окончившего Горьковский университет и проходившего аспирантуру МГУ у Вяч. Вс. Иванова. Третий молодой талант, появившийся у нас через год, был А. А. Зализняк, прославивший наш Институт прежде всего фундаментальными исследованиями по исторической и современной русистике, выпускник романо-германского отделения МГУ.

В 1961 г. В. Н. Топоров попросил Самуила Борисовича привлечь в Институт в то время уже отлученного от филфака МГУ Вяч. Вс. Иванова, блестящего специалиста в области сравнительно-исторического языкознания, ученого широчайших возможностей, который более тридцати лет руководил у нас сектором структурной типологии.

В результате, в нашем преимущественно историческом Институте со временем оказалось **четыре** академика-лингвиста: Владимир Николаевич Топоров, Андрей Анатольевич Зализняк, Никита Ильич Толстой и Вячеслав Всеволодович Иванов, а также два члена-корреспондента: Владимир Антонович Дыбо и Татьяна Михайловна Николаева. Такое созвездие выдающихся ученых может сделать честь любому научному подразделению. Величайшей несправедливостью было неизбрание в Академию самого Самуила Борисовича Бернштейна, который был членом двух зарубежных академий — Болгарской и Македонской.

Нельзя не отметить, что демократизм, отличавший наш Институт на протяжении всей его истории, обусловил возможность такого подбора кадров, при котором научная ценность сотрудника являлась определяющим фактором, а неудобные вненаучные моменты (как отсутствие московской прописки, неугодность по политическим и другим пунктам) упорно преодолевались. Демократический климат Института обусловил свободу творчества. Это давало ученым высокого полета простор, который и способствовал появлению именно в нашем Институте научных дисциплин, выходящих за рамки славистики.

Круг научных направлений, представленный лингвистическими подразделениями, был так широк, что охватить его в кратких воспоминаниях не представляется возможным. Одно лишь их перечисление, тоже неполное, составило бы программу исследований для нескольких институтов. Начиналось с болгаристики в ее полном ракурсе: история, диалектология, исследование и издание памятников письменности, грамматика. Рядом — русистика в историческом и современном аспекте, исследования по старославянской лексике, лексикографии и синтаксису, этимология, топономастика, акцентология, типологические исследования, индоевропеистика, балто-славянская проблематика, балканский языковой союз, карпатистика, этнолингвистика, этногенез и глоттогенез славян, социолингвистика, мифология, фольклор, духовная культура, семиотические, фонологические исследования, наконец, ностратика.

Присутствие в коллективе целой плеяды выдающихся ученых поднимало общий исследовательский уровень. Быть коллегами и наблюдать столь яркие таланты, с такими разными гранями, но одинаково служащие Высокой Науке, было для нас подарком судьбы. О каждом из наших великих ученых можно написать книгу, а их собственные труды составляют целую библиотеку фундаментальных исследований по актуальным проблемам филологии в ее самом широком значении.

Кратко расскажу о двух моих друзьях, научная биография и жизнь которых мне известны лучше всего.

Владислав Маркович Иллич-Свитыч (1934—1966) проработал в Институте всего девять лет. Слава трагически погиб под колесами автомобиля горе-водителя, не дожив до своего тридцатидвухлетия. Вшел в «Большую советскую энциклопедию» (т. 10) как основатель ностратики, науки, занимающейся проблемой отдаленного родства языков Старого Света. Впервые в науке Иллич-Свитычем была разработана строгая методика изучения древнейшего родства языков. На огромном материале (сравнительной фонетики и сравнительного словаря) были выявлены общие корни (~ 600) шести больших языковых групп: семитохамитской, картвельской, индоевропейской, уральской, дравидийской и алтайской¹. Это была первая удав-

¹ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971—1984. Т. 1—3.

шаяся попытка установления генетического родства большой группы языков такой хронологической глубины. Так был заложен фундамент нового глобального направления в лингвистической науке, имеющего огромные перспективы для сравнительно-исторического языкознания.

Не без труда удалось Самуилу Борисовичу взять в Институт Славу, не имевшего московской прописки. А в аспирантуру его не приняли из-за тройки по истории КПСС. Слава казался закрытым человеком. Однако в нем удивительно сочеталось полное погружение в науку с неизменным вниманием к людям — близким и коллегам. Слава сразу же стал постоянным автором наших «капустников», остро реагируя на события институтской жизни. Его замечательное чувство товарищества, справедливости поддерживали не только нас, его друзей. Помню, как Слава выступил в защиту немолодой коллеги А. В. Булыгиной, неосторожно обиженной Самуилом Борисовичем. Именно Слава убедил Бернштейна взять в Институт Володю Дыбо, тогда безработного и бездомного — у него закончился срок аспирантуры в МГУ, и он лишился общежития. А как Слава заботился о своем вдовствующем отце, привез его из Оренбурга в Загорянку, где сам с семьей снимал крохотную комнату.

Сначала Слава в Институте держался отстраненно. Столкнувшись как-то на Павелецком вокзале, мы с ним обнаружили, что оба живем в Растиоргуеве, снимая там жилье: я — с мужем и двухлетним сыном, а он пока один (жена с годовалым сыном были в Калинине). С этого и началась наша дружба.

Слава тогда занимался составлением македонского словаря. Картотеки размещались в обувных коробках. В 1963 г. вышел первый в мире македонско-русский словарь (Иллич-Свityч в соавторстве с Д. Толовским). Летом 1958 г., когда моего сына забрала к себе мама в Куйбышев, а семья Славы должна была приехать к нему в Растиоргуево, мы с ним перетащили кроватку моего сына к нему. Тогда я и познакомилась с его женой Майей (М. В. Никулиной) и крохой Павлушей.

В научной биографии Иллич-Свityча и Дыбо весьма существенным моментом для каждого из них явилась их беспримерная дружба, в основе которой был, прежде всего, профессиональный фактор и в не меньшей мере — человеческий. В результате их нескончаемых разговоров, состоявших из спо-

ров, обсуждений, Свитыч, как очень мобильный (в отличие от невозмутимого, медлительного друга) загорался проблемами, которые интересовали Дыбо. Когда они оказались в Институте, Свитыча занимали ларингалы, а Дыбо — акцентология. В планкарте Дыбо была запланирована монография по исторической акцентологии. А первой в 1963 г. вышла книга Свитыча «Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентационных парадигм». В ней убедительно и лаконично выведены правила акцентологических соответствий балто-славянской и индоевропейской именной системы. Это небольшое по объему исследование (11 п. л.) было признано лучшей книгой года по языкоznанию в Академии после того, как с трибуны V Международного съезда славистов в Болгарии (1963 г.) выдающийся американский ученый Роман Якобсон восторженно о ней отзывался. Книгу свою Слава посвятил нам, своим друзьям.

Стремительность в осуществлении задуманного сочеталась у Славы с широтой его научных интересов, интуитивностью в выборе объекта исследования. В 1960 г. была опубликована его статья «Лексический комментарий к карпатской миграции славян»¹. Характеристика этой работы В. Н. Топоровым дает очень точное представление об одной из граней таланта Славы: «Глубочайшая историческая интуиция позволила ему [Иллич-Свитычу] с убедительностью свидетеля восстановить аргумент неочевидный фрагмент праславянской жизни периода карпатской миграции славян»². Эта десятистраничная статья Свитыча заложила основу для работы над многолетним международным проектом «Общекарпатский лингвистический атлас», в котором участвовали ученые Польши, Югославии, Чехословакии и Венгрии.

Лучше В. Н. Топорова не сказал никто и еще об одной гра- ни таланта Славы: «Когда он шел по целине, отвоевывались новые площади; когда его путь лежал через, казалось, освоенные массивы, старое преображалось и начинало влечь к себе, как новое... Он был лингвистом божьей милостью...»³.

¹ См.: Известия АН СССР. Т. XIX. Вып. 3. С. 222—232.

² Топоров В. Н. Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966. С. 267.

³ Там же.

Но Слава был еще и поэтом. Мы нашли в его архиве четверостишье, которое поставили эпиграфом к его «Ностратическому словарю». Оно написано на ностратическом пражзыке и своим содержанием выражает научное кредо автора.

Язык — это брод через реку времени,
Он ведет нас к жилищу ушедших;
Но туда не сможет прийти тот,
Кто боится глубокой воды.

Ностратический словарь Славы был издан посмертно, поскольку его гибель прервала работу в самом разгаре. Сколько усилий и лет понадобилось для этого издания и для признания ностратики, одно название которой вызывало зубную боль у многих маститых, трудно описать...

Теперь настало время сказать о Владимире Антоновиче Дыбо. Спустя пять лет после гибели Славы нам наконец удалось опубликовать его труд (причем, набор книги наполовину — вся латиница — был сделан мною в только что учрежденном офсетном цехе при издательстве «Наука»). Однако ностратика как научное направление, открытое Славой и им же названное (от латинского *nostra*), не получила официального признания. Неожиданно в феврале 1978 г. Дыбо пришло приглашение от Отделения литературы и языка АН СССР выступить на Бюро ОЛЯ с докладом о ностратике. Это был трудный и опасный экзамен. Если ОЛЯ «зарубит» ностратику — конец этому направлению. Н. И. Толстой, тогдашний наш шеф, убеждал Дыбо отказаться от этого доклада и предложить ОЛЯ заслушать доклад по акцентологии. Вяч. Вс. Иванов советовал рассказать академикам о ностратике популярно. Дыбо и его первые юные ученики решили иначе. Ребята загодя исписали доску самыми выразительными примерами, мы отредактировали доклад, чтобы Дыбо прочел его четко, точно уложившись в регламент. Володя построил доклад так, что дискуссия ниже заданного уровня не допускалась, так что желающих обсуждать ностратику не нашлось. О решении Бюро ОЛЯ мы узнали через неделю, когда в Институт пришла резолюция: рекомендовать развивать ностратические исследования, их центром признать Институт славяноведения. Доклад Дыбо был опубликован в «Известиях АН СССР. Серия литературы и языка» (1978. Т. 3. № 5).

После гибели Славы мало кто верил, что его незавершенный новаторский труд возможно подготовить к печати. Ведь таких специалистов, кроме самого Свитыча, не было. Нужно было видеть, как тяжело давались Володе вхождение в Славин труд и его доработка. Дыбо то светлел от постижения замысла автора, то впадал в отчаяние, чего-то не понимая. У нас было немало помощников, проверявших (как требовал Дыбо) сплошь все примеры из сотен языков. Самоотверженно помогал Арон Долгопольский из Института языкознания, сам занимавшийся проблемой родства языков.

Ностратический словарь Славы был бы лишен доказательной силы без сопоставительных фонетических таблиц всех уровней. Их Слава сделать не успел. Их составил Дыбо, что требовало овладения решительно всем материалом. Долгопольский не верил, что таблиц не было в архиве Свитыча.

А вот так видится, спустя несколько десятилетий, ученику Дыбо работа Володи над изданием Ностратического словаря: «Беспримерный человеческий подвиг В. А. Дыбо состоял в том, что он оставил на длительное время свои собственные исследования и полностью погрузился в проблематику работ своего друга, чтобы не дать погибнуть его неоконченному труду... [Он] смог не только безупречно подготовить к печати научное наследие своего друга, заполняя все лакуны и завершая все недоделанное, но и продвинуть эту дисциплину далеко вперед... [Он] стал лидером в изучении ностратики, фактически руководителем целого коллектива молодых исследователей, которых он увлек лингвистическими перспективами, открытыми В. М. Иллич-Свитычем»¹.

Уникальный научный коллектив, названный «Ностратическим семинаром имени В. М. Иллич-Свитыча» В. А. Дыбо превратил в кузницу первоклассных компаративистов. Среди прошедших этот семинар, который действует с 1972 г. по сей день, член-корреспондент РАН, рано ушедший из жизни блестящий ученый С. А. Старостин, доктора наук, сами ставшие большими учеными, Е. А. Хелимский, С. Л. Николаев, И. И. Пейрос, А. В. Дыбо и др. В семинаре ведется работа над фундаментальными проблемами компаративистики, обсуждаются научные гипотезы, шлифуются предлагаемые материалы

¹ Славяноведение. 2006. № 5. С. 125.

языковых семей как ностратического ареала, так и вне его. Первым домом Ностратического семинара стали Трубники, куда можно было свободно являться. Наш переезд в башню на Ленинском проспекте лишил семинара крыши и на какое-то время возможности существовать. Теперь он собирается в РГГУ (Российском государственном гуманитарном университете). Володя, не обладающий видимой яркостью, популярностью, но отличающийся глубиной и основательностью, по сути дела, создал свою школу компаративистики. Аналогов этому феномену в наше время я не знаю. Именно личность Дыбо, живущего исключительно наукой и в науке, привлекает к нему молодежь, для которой наука также является смыслом жизни.

Отрадно, что некогда «непубличный» Владимир Антонович, став воспитателем уже нескольких поколений лингвистов, нашел, наконец, и формальное признание, к сожалению, вне рамок нашего Института. Он заведует кафедрой славянских языков на факультете теоретической и прикладной лингвистики в РГГУ, а также руководит Центром компаративистики при Институте восточных культур.

Научный путь В. А. Дыбо, как и он сам, совершенно особый. Прежде всего, Дыбо отличает верность своей теме и своему научному идеалу. Работать с ним редакторам и соавторам необычайно трудно. Для него не существует понятия: жесткий план, сроки. Особенности гения Дыбо четко обрисовал А. А. Зализняк: «Это, с одной стороны, совершенно бескомпромиссная скрупулезность по отношению к фактам и готовность затратить сколько угодно большие усилия и труды для получения стопроцентно полной информации об исходных фактах, а с другой — способность увидеть за тьмами частностей стройное глобальное целое, которому и подчиняются в конечном счете все отдельные закономерности более низких уровней»¹.

В. А. Дыбо изначально избрал областью своих научных интересов — и остается ей верен по сей день — историческую акцентологию. Это —最难的 область лингвистики, требующая чрезвычайно широких познаний, но дающая результаты, далеко выходящие за пределы данной дисциплины. Если прежде акцентология считалась темной областью, которую

¹ Там же.

исследователи избегали, то благодаря В. М. Иллич-Свитычу и особенно В. А. Дыбо, создавшему на огромном материале диалектов и памятников письменности стройную теорию, основанную на строгой методологии, привлекла внимание ученых не только у нас (А. А. Зализняк, С. Л. Николаев и др.), но и за рубежом — в Германии, Нидерландах, Швеции, США.

Для меня было огромным счастьем, что судьба подарила мне дружбу с Володей и Славой, такими разными и такими талантливыми. Мы дружили втроем. Нас сблизила общая беда — мы были не москвичами, а значит — бездомными. Я первая обрела жилье — 18-метровую комнату в коммуналке, где поселилась с мужем и трехлетним сыном, — и Слава с Володей частенько ночевали у нас на полу. Их жены с малыми детьми в это время жили в провинции у своих матерей. Так случилось, когда Слава был смертельно ранен, нас с Володей Дыбо не было рядом. Мы не смогли ему помочь. Тем тяжелее была наша утрата и наша вина перед Славой.

Два гениальных ученых принесли славу нашему Институту. Их вклад в мировую лингвистическую науку уже высоко оценен. Они вошли в историю науки как первопроходцы в важнейших отраслях языкознания.

Т. Н. Молошная

Кетская экспедиция

В 1960 г. в Институте славяноведения был создан сектор структурной типологии славянских языков, которым вначале руководил В. Н. Топоров, но вскоре его возглавил Вяч. Вс. Иванов. Оба ученых стремились к расширению проблематики сектора за счет типологического изучения и неславянских языков.

Летом 1962 г. Институт славяноведения совместно с МГУ организовал интереснейшую научную экспедицию в Восточную Сибирь, целью которой было изучение кетского языка и его носителя — енисейских остыков, или кетов. В состав экспедиции, возглавленной Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым, входили сотрудники Института Т. В. Цивьян, Д. М. Сегал и я; к нам примкнули Б. А. Успенский и Г. П. Коршунова из МГУ.

Кеты являются одним из наиболее загадочных народов земного шара. В лингвистическом отношении кетский язык представляет собой отдельную семью языков; некогда к этой семье, называемой енисейской, принадлежали и другие языки, ныне исчезнувшие. Кетский язык также находится в опасности исчезновения, потому что число носителей последовательно уменьшается (по переписи 1959 г. кетов насчитывалось 786 человек), кроме того, многие кеты, особенно молодые люди, обучавшиеся в поселках в школах-интернатах, переходят на русский язык, забывая свой родной. Это показывает, как важно своевременное описание подобных угасающих языков и племен.

Кетским языком начали заниматься еще с середины XIX в. Известны работы М. А. Кастрена, В. А. Анучина, Н. К. Каргера. В XX в., в послевоенное время им успешно занимались А. П. Дульzon, Е. А. Крейнович, Г. К. Вернер. Но, надо сказать, что кетский язык все же изучен недостаточно. Так что наша

лингво-этнографическая экспедиция имела важное научное значение. Лингвистические итоги этой экспедиции были подведены в книге «Кетский сборник. Лингвистика» (М., 1968). Были опубликованы также тексты кетских сказок, записанные во время этой поездки.

Наше путешествие в Восточную Сибирь, продлившееся два месяца, было сопряжено с большим количеством интересных, курьезных и иногда опасных (даже смертельно опасных) приключений. Смешное началось еще в процессе подготовки к отъезду. На экспедицию была выделена достаточно большая сумма денег, которую контролировал тогдашний главный бухгалтер Института Николай Захарович (Козловский). Мы брали напрокат со склада АН штормовки, ватники, сапоги, накомарники, спальные мешки, палатки и многое другое, бесспорно необходимое для жизни в тайге. Николай Захарович старался позволить как можно меньше, например, он соглашался купить 15 метров веревки (для связывания багажа), но никак не 20 метров. Только с помощью ученого секретаря Института И. М. Шептунова, эмоционально вставшего на нашу сторону, удалось получить эти 20 метров.

Мы летели самолетом в Игарку, но по дороге ночью почему-то произошла посадка в Воркуте. Чтобы не ночевать на ледном поле, мы во главе с Вяч. Вс. Ивановым пошли пешком по всему городу в обком КПСС, где нас уложили спать на служебные диваны. Игарка оказалась необыкновенно экзотическим городом — там все было деревянным, даже мостовые и тротуары. На каждом шагу висели объявления о запрете курения, и на каждом шагу встречались курящие мужчины, в том числе иностранные матросы. Иностранных матросов в разнообразной мерской форме было очень много, так как в Игарке находилась так называемая Биржа по продаже леса. Эта биржа очень часто горела по вине курильщиков. Она сгорела в очередной раз через несколько дней после нашего отъезда из Игарки.

В гостинице нас разместили оригинальнейшим образом. Так, Т. Цивьян и я спали на одной кровати в комнате, где ночевало еще несколько женщин. Наши мужчины вообще не спали, ибо их соседи по комнате всю ночь резались в карты, пили водку и дрались.

На следующее утро мы сели на теплоход и поплыли в город Туруханск, где находилось какое-то начальство, у которого Вяч. Вс. Иванов получил разные сведения о кетах, об их численности и местах их обитания в то время; ему также дали рекомендательное письмо с призывом к местным властям оказывать содействие экспедиции. Затем мы снова сели на теплоход и поплыли дальше вверх по Енисею до ближайшей деревни, где проживало много кетов. Нас разместили в здании школы — там мы спали на полу в одном из классов в своих спальных мешках. Еду готовили в школьном дворе на костре.

Будучи неопытными путешественниками, мы взяли с собой массу продуктов — пшено, сало, полукопченую колбасу, консервированную тушенку и зачем-то много стеклянных банок с топленым маслом. Однообразная еда быстро надоела, но в сельском магазине не продавалось ничего, а местные русские тоже ничего не продавали. Сами они ели преимущественно мясо лося («сохатого»), убитого зимой на охоте. Овощей не выращивали, ссылаясь на то, что ничего не растет. Однако у нескольких семей ссылочных немцев и латышей росли зеленый лук и редиска. У них мы также покупали яйца.

Кеты питались исключительно рыбой (стерлядью и осетриной), которую им разрешалось ловить без всяких ограничений на способ ловли. Они варили нечто вроде ухи, этим же кормили своих собак, которых в каждой семье было по несколько. Кеты воспринимали собак почти как членов семьи, не только впускали в свои избы, но разрешали спать на кроватях, сами же предпочитали лежать на полу на медвежьих шкурах.

Кеты-жители деревни были приписаны к колхозу, который давал им летом избы. Зимой они кочевали, перевозя на собачьих упряжках чумы в разобранном виде. Никакой работы в колхозе они не выполняли, лишь ловили для себя рыбу. Многие варили какую-то брагу, так как кругом царил сухой закон. Водку можно было купить только у поваров проплывавших мимо теплоходов, вернее, не купить, а обменять на свежую стерлядь или осетра, что кеты постоянно и делали, догоняя теплоход на моторной лодке. У каждого была моторка и охотничьи ружье.

Многие кеты хорошо говорили по-русски; был даже один уже немолодой мужчина, окончивший в 1930-е годы Институт народов Севера в Ленинграде. Помню, что он носил фамилию Дорожкин, вообще, все фамилии были русскими. Их кеты по-

лучили по переписи, проводившейся еще до революции. Мы общались преимущественно с мужчинами, но была и одна женщина, часто приходившая к нам, чтобы рассказать какую-нибудь сказку или быль. Мы записывали эти устные рассказы знаками транскрипции с русским переводом. Многие сюжеты были связаны с охотой и встречами с разными животными, в первую очередь с медведем. Медведь — это главный персонаж кетского фольклора. Несколько раз приходилось слышать, что медведь увел женщину в лес, и она вернулась через несколько лет с детьми, отцом которых был этот медведь. Помню также весьма правдоподобный рассказ о том, как медведь неожиданно вошел в чум, где сидела одна женщина, от шока она потеряла рассудок.

Однажды кеты выразили желание сыграть с нами в волейбол. Отказаться было совершенно невозможно, хотя среди нас не было спортсменов. Но сыграли, с участием В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова!

Другой раз Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров ходили на окраину деревни к некоему шаману. Он высказал им какие-то пророчества, суть которых осталась не совсем ясной.

Опросив кетов в этой деревне, мы совершили поход к озеру, находящемуся глубоко в тайге, где жил старик, о котором говорили, что он знает много сказок. Помню мы шли по заболоченному лесу гуськом, перескакивая с кочки на кочку, иногда проваливаясь, задыхаясь от влажной жары в туче комаров. Передо мной шел Д. Сегал, и на его спине осело скопище комаров, которые шевелились сплошной массой, как развороченный муравейник. Когда, наконец, вышли на открытое место к озеру, Т. Цивьян бросилась в воду во всей одежде, чтобы хоть немного освежиться.

Однажды произошел смешной эпизод с собаками, которых в деревне было великое множество. Когда мы пошли в другую деревню, оставив все вещи и провизию в школе, собаки забрались туда и похитили колбасу. Возвращаясь по улице к школе, мы увидели, как испугавшиеся собаки стали выбегать оттуда, каждая держа в зубах по кружку полукопченой колбасы. Это было бесподобное зрелище!

Вспоминается также один не слишком приятный эпизод. Вся наша группа ушла в какое-то место записывать рассказы очередного информанта, а Т. Цивьян и я были оставлены на

хозяйстве — готовить обед. Вдруг к нам подбежал пьяный телеграфист Вася (русский) с топором в руках, что-то выкрикивая. Мы бросились в школу, взобрались по лестнице-стремянке на чердак и лестницу столкнули вниз. Вася продолжал размахивать топором и что-то кричать, пока не пришла его мать, спокойно взявшая у него топор и спокойно уведшая его домой. Потом Вася общался с нами как ни в чем не бывало.

Через некоторое время мы переехали, кажется, на почтовом катере, в другую деревню, где прожили несколько дней в таких же условиях и так же записывали рассказы кетов.

Мы провели в деревнях около месяца в полном составе экспедиции, затем часть людей вернулась в Москву. Остались Вяч. Вс. Иванов, я, Г. Коршунова и Б. Успенский. Вчетвером мы поплыли на большом теплоходе в очередную деревню. Во время этой поездки произошло ужасное событие. Теплоход из-за своих размеров не мог причалить в нужном месте, и капитан распорядился отвезти нас к берегу на шлюпке. Дело произошло ночью, теплоход шел по середине Енисея, откуда берегов не видать. Матросы спустили наши вещи в шлюпку, помогли нам спуститься, сели на весла и начали гребсти.

Совершенно неожиданно шлюпка сразу же перевернулась, и все оказались под водой. Помню, я успела подумать, что обидно утонуть такой молодой. Но я не утонула, а всплыла и ухватилась за борт перевернувшейся шлюпки. Рядом со мной барахтался Вяч. Вс. Иванов в непосредственной близости от работающего винта теплохода. Этот врачающийся винт, к которому нас могло утянуть, до сих пор стоит у меня перед глазами. Все матросы всплыли и стали спасать наши вещи, не обращая внимания на нас. Только когда они вытащили на борт теплохода все рюкзаки, палатки и прочие мягкие вещи, не пошедшие ко дну, в отличие от магнитофона, они помогли нам взобраться на дно нашей перевернутой шлюпки и оттуда подняли на теплоход, где уже была объявлена тревога.

Это оказалось совсем ненапрасным, ибо мы не досчитались одного человека. Г. Коршунова неудачно вынырнула из-под шлюпки, и ее понесло течением. Стоя, абсолютно промокшие, на борту, мы смотрели на реку и не могли ничего видеть в темноте. Через некоторое время прибежал проснувшийся боцман (он был в пижаме) и распорядился включить прожектора. Матросы стали бросать в воду спасательные круги, боцман сел

в какую-то маленькую шлюпку и исчез в неизвестности. Теплоход начал издавать душераздирающие протяжные гудки. Мы были охвачены ужасом и думали самое плохое. Однако через какое-то время, казавшееся вечностью, шлюпка боцмана вернулась с Г. Коршуновой. Она все это время продержалась на воде, не потеряв присутствия духа.

Тут нас отвели к капитану, угостили чистым спиртом и предоставили горячий душ. Капитан объяснил, почему матросы спасали сначала наши вещи, а лишь потом нас самих. Оказывается, за вещи они несут материальную ответственность, а утонувшего человека можно списать как случайно упавшего за борт, например, в пьяном виде. Все же капитан был сильно напуган и поскорей пересадил нас на проходившую самоходную баржу, которая доставила нас в нужную деревню. На барже было очень любопытно — нам предложили лечь спать в матросские люльки, представлявшие собой нечто совершенно неописуемое по неудобству для находившегося в них человека.

Дальше было много других приключений. Не помню, как мы оказались на острове, где жила только одна семья староверов. Они приняли нас приветливо, но спать отправили на сеноval и угощали супом из мяса лоси в отдельной посуде, чтобы не осквернить свою. Их сын служил поблизости бакенщиком. К нему мы были отправлены с обещанием, что он поможет нам сесть на проходящий теплоход. Этот бакенщик оказался парнем без царя в голове, он все время бесцельно стрелял, не думая о какой бы то ни было опасности для окружающих. Так, когда мы после купания выходили из реки, он «поливал» очередями непосредственно перед нами. Оправдываясь, говорил, что стрелял не прицельно, а просто нам под ноги.

Потом мы добрались до места, где в чуме жил некий кет, о котором нам говорили, что он черный шаман, т. е. шаман, насылающий на людей напасти. Он долго отрекался от статуса шамана, очевидно, помня, как в 1920—1930-е годы советская власть расправлялась с шаманами. Потом показал свой бубен и обруч, надеваемый на голову. Мы посчитали, что на обруче изображены фаллические символы.

Затем, уж не помню как, мы очутились на песчаной косе, на которой стояло несколько чумов. В момент нашего приезда в чумах находились только женщины и дети, не говорившие по-русски. Все же как-то мы поняли, что мужчины отправи-

лись стрелять диких уток. Мы разбили две свои палатки невдалеке от чумов и стали ждать возвращения мужчин. Те приплыли на моторной лодке, доверху наполненной утками, и зарыли добычу в мокрый песок — вместо холодильника. Мы, не рискуя отведать уток, купили у них осетра, всего съесть сразу не смогли и тоже зарыли оставшуюся часть в песок. Но на следующий день доедать осетра не пришлось, потому что на горизонте показался теплоход, на который кеты обещали нас доставить. Мы сели в их моторную лодку и попали во власть неожиданно больших волн, делавшихся все более страшными по мере приближения к теплоходу. Помню, что у самого борта было ужасно страшно. Каким-то образом нас все-таки вытащили из лодки на теплоход, который все это время продолжал идти полным ходом. Только сейчас осознаю, насколько безрассудным и опасным было наше решение «взять теплоход на абордаж». Конечно, это безрассудство молодости.

Потом мы долетели до Красноярска без приключений. В городе посетили этнографический музей, где увидели фотографии кетов и их быта, с чем во время экспедиции мы сталкивались в натуре.

Вяч. Вс. Иванов считал, что кроме кетов, надо посетить и описать не менее загадочный народ айнов и их язык. Но обстоятельства изменились, и организовать экспедицию на Сахалин, где тогда еще проживало небольшое количество айнов, не удалось. Позднее такую экспедицию отправил Институт востоковедения, правда, исследователи застали, кажется, всего пять айнов. А сейчас, насколько я знаю, на российской территории айнов нет совсем. Какое-то количество неассимилировавшихся представителей этого народа живет в Японии. Это еще раз подтверждает, что необходимо своевременно изучать исчезающие народы и языки. В этом отношении наша экспедиция на Енисей к кетам должна быть оценена как научно и социально очень полезная.

С. М. Толстая

Полесские экспедиции

Более двадцати лет, с начала 60-х, продолжались (с перерывами) полесские экспедиции Института славяноведения под руководством Никиты Ильича Толстого. Хотя программные документы, определяющие сферы научной деятельности Института, изначально предполагали изучение истории, языков, литературы, культуры всего славянства, в действительности в советское время восточнославянская проблематика была исключена из научных планов и допускалась (и то очень ограниченно) только в рамках общеславянских исследований. Нельзя было защищать диссертации и публиковать статьи в изданиях Института по украинистике и белорусистике, тем более по русской истории, языку и культуре. Поэтому изучение Полесья сотрудниками Института в то время носило едва ли не партизанский характер. Откуда вообще взялась тема Полесья, почему она заинтересовала Н. И. Толстого? Здесь были и субъективные, и объективные причины. Он родился по существу на Карпатах (в сербском Банате) и его интересовали Карпаты (в широком смысле) как «узловой» регион славянского мира, имеющий генетические связи со всеми группами славянских языков и традиций — южной, западной и восточной. Однако к этому времени его учитель проф. С. Б. Бернштейн по стечению внеучастных обстоятельств был отстранен от работы над Общеславянским атласом (эту работу возглавил Р. И. Аванесов и до сих пор формально ведет Институт русского языка, хотя руководит ею Т. И. Вендина) и решил заняться Карпатами: сначала был создан «Карпатский диалектологический атлас» на территории СССР, а позже — международный «Общекарпатский диалектологический атлас», в котором приняли участие представители всех славянских стран, а также ученые из Венгрии

и Румынии. Н. И. Толстой активно участвовал в составлении программы карпатского атласа, но в дальнейшем он начал осуществлять собственный параллельный проект по изучению другого узлового региона славянского мира — Полесья.

Для обращения к Полесью были, конечно и объективные причины. Полесье долгое время оставалось белым пятном на карте славянства. Хотя еще в XIX — начале XX века были собраны некоторые материалы по языку, верованиям и обрядам Полесья, никаких систематических исследований в Полесье не проводилось. Их начали польские учены в 10—20—30-е годы XX века. В 1912 г. выдающийся польский этнограф Казимир Мошинский совершил научную поездку белорусское Полесье, он побывал в трех селах центральной части Полесья — Голубице, Дорошевичах и Дяковичах и оставил подробное описание верований, обрядов, быта, образцов фольклорной традиции этих сел. Его книга «Восточное Полесье» была издана в Варшаве в 1928 г. Н. И. Толстой, будучи счастливым обладателем ~~книги~~ этой книги, возил ее с собой в экспедиции, и когда мы, через полвека после Мошинского, приезжали в село, где он работал (например, в Дяковичи на Князь-озере), Никита Ильич показывал ее местным старожилам, и те, узнавая на фотографиях в книге свои дома и своих соседей, плакали, потому что в военные годы село было полностью сожжено немцами вместе с большинством жителей; остались лишь некоторые из тех, кто скрывался в лесу. В том же 1928 году в Кракове была издана книга Чеслава Петкевича «Речицкое Полесье», содержащая ценные сведения по этнографии, быту, верованиям восточного белорусского Полесья. Затем, уже в 30-е годы ученик К. Мошинского и В. Дорошевского Юзеф Тарнацкий собирал в Полесье диалектную лексику и издал атлас «Сравнительное исследование по географии слов (Полесье — Мазовище)», который вышел в Варшаве в 1939 г. (в атласе представлена лексика построек, одежды, орудий труда, домашней утвари, транспорта, земледелия, пищи, растительного и животного мира — т. е. было выбрано «всего понемногу»). Очень слабо было изучено Полесье в археологическом отношении. Между тем его географическое положение (на пограничье всех восточных славян и на восточно-западнославянском пограничье), его природные условия (преобладание лесов и болот, ограничивавшее миграционные потоки и контакты) способствовали консерва-

ции жизненного уклада, языка и культуры и делали Полесье одним из самых архаических регионов славянского мира. По мнению ряда ученых, Полесье могло быть даже территорией прародины славян (Лешек Оссовский), частью этой территории или областью, непосредственно граничившей с прародиной.

Полесские экспедиции должны были продолжить изучение Полесья. Первая экспедиция состоялась летом 1962 г. В ней, кроме Н. И. Толстого, приняли участие от нашего Института В. А. Дыбо и Н. Г. Владимирская, а также большой отряд белорусских диалектологов (В. В. Мартынов, Р. В. Кравчук, А. А. Кривицкий, А. И. Киселевский, А. С. Соколовская, Г. Ф. Вешторт, М. С. Шушкевич, И. В. Шадурский и др.), В. А. Москович из Москвы и В. К. Журавлев из Житомира. В последующие годы (1963—1965) в составе экспедиции работали сотрудники Института славяноведения Н. И. Толстой, И. И. Ревзин, Н. Г. Владимирская, Р. В. Булатова, М. И. Лекомцева, Л. И. Масленникова, Т. М. Судник, С. М. Толстая, сотрудники Института языкоznания Белорусской академии наук, преподаватели и студенты Житомирского педагогического института, эпизодически к ним примыкали другие коллеги.

Большую практическую помощь в организации экспедиций оказывал тогдашний директор минского Института языкоznания М. Р. Судник, которому удавалось какими-то невообразимыми способами добывать для нас старенький дребезжащий автобус, отвозивший нас со всеми нашими пожитками в Полесье, а через месяц привозивший обратно в Минск. А пожиток было немало, потому что приходилось возить с собой не только одежду, обувь, одеяла и т. п., но и запасы продуктов (сахар, крупы, чай) практически на весь срок, потому что в деревенских магазинах можно было купить в лучшем случае хлеб и побелевшие от времени конфеты «Кавказские», иногда кабачковую икру украинского производства (это был уже праздник); огородные дары к этому времени еще не созревали, а когда они начинали появляться, сердобольные старушки — наши информанты — подкармливали нас. Жили мы обыкновенно в каком-нибудь лесничестве, на сеновалах, в пустующих летом школьных классах или детских садах. Устраиваясь на новом месте, Никита Ильич лично начинал с чистки сортира во дворе, затем мы доставали соломы или сена для постелей, изредка удавалось разжиться ватными матрацами; выгораживали себе рабо-

чий кабинет, где по вечерам расписывали на карточки собранный материал, слушали и обсуждали доклады, играли в буриме и другие словесные игры, пели славянские (болгарские, сербские, польские, белорусские, украинские) песни, писали письма домой. Изредка мы позволяли себе вылазки в лес по ягоды или по грибы; когда была возможность — купались в речке или озере; не отказывали себе в удовольствии в каждом новом селе устроить чай-нибудь «день рождения» (штатным именинником чаще всех бывал Г. А. Цыхун). Для большинства участников полесские экспедиции стали настоящей научной школой — не только благодаря приобретенному собственному опыту полевой работы; большое значение имели непосредственное ежедневное общение с коллегами, дискуссии и разговоры на самые разные лингвистические и не только лингвистические темы; научная жизнь продолжалась на почти ежедневных семинарах, где обсуждались как свежие диалектологические и общелингвистические полевые наблюдения, так и самый широкий круг вопросов — от фонологической типологии до пьес Э. Ионеску или древнерусской музыки. По крайней мере для трех супружеских пар Полесье стало прелюдией к семейной жизни (И. И. и О. Г. Ревзины, Н. И. и С. М. Толстые, позднее Т. А. Агапкина и А. Л. Топорков).

В первых полесских экспедициях мы познакомились и подружились с белорусскими и украинскими диалектологами, творческие и личные контакты с которыми поддерживались долгие годы и сохраняются до сих пор. Среди них были два уроженца Полесья — Федор Данилович Климчук и Николай Васильевич Никончук, ставшие со временем выдающимися исследователями своего родного края и авторами фундаментальных полесских исследований. Ф. Д. Климчук, тогда учитель средней школы в Дрогичинском районе Брестской области, узнал о первой экспедиции из краткой заметки в белорусской газете и не мог не заинтересоваться ею. Он написал письмо Н. И. Толстому на Институт, и Никита Ильич пригласил его на следующее лето присоединиться к экспедиции. В 1963 году, когда мы работали в глухом Полесском селе Сварынь, Федор Данилович приехал познакомиться с нами. Он уже тогда был замечательным знатоком диалектов, фольклора, обрядов и верований Полесья и обладателем большой коллекции собственных записей. На следующий год по приглашению

Н. И. Толстого он приехал в Москву и привез с собой огромный чемодан этих записей, в том числе ценнейшие материалы к словарю его родного села Симоновичи, многочисленные тексты песен, в основном из репертуара его матери Анастасии Андреевны — замечательной певицы, а также рассказы и предания, записанные от старых людей. Часть его словарных материалов удалось опубликовать в изданном нашим Институтом сборнике «Лексика Полесья» и до сих пор эти материалы служат одним из важных источников архаической славянской лексики для «Этимологического словаря славянских языков» и многих других работ по славянской лексикологии. Впоследствии, когда Ф. Д. Климчук стал сначала аспирантом, а потом научным сотрудником Института языкоznания Белорусской академии наук, он опубликовал множество ценных трудов по лексике, фольклору, этнокультурной истории Полесья, в том числе и в изданиях нашего Института.

Николай Васильевич Никончук, уроженец Житомирского Полесья, присоединился к полесской экспедиции тоже в 1963 году, когда он, будучи лаборантом кафедры украинского языка Житомирского пединститута, возглавил один из отрядов житомирских студентов, работавших вместе с нами на Брестщине. Много раз на протяжении десятилетий он приезжал к нам в Москву для консультаций с Никитой Ильичем, которого считал своим учителем. Вся жизнь Н. В. Никончука была посвящена изучению Полесья. Пройдя путь от лаборанта до заведующего кафедрой, профессора, он не только стал автором фундаментальных трудов по лексике Полесья (прежде всего уникального по полноте материала и числу обследованных пунктов «Лексического атласа Житомирского Полесья»), но и основателем целой научной этнолингвистической школы, успешно продолжающей начатое им дело в наши дни.

Экспедиции 60-х годов преследовали сугубо диалектологическую цель — сбор лексического материала для диалектного словаря Полесья. За несколько лет (экспедиции проводились дважды в год — летом и зимой) были собраны богатые материалы по разным тематическим группам лексики: географической терминологии, земледелию, строительству, транспорту, пище, одежде и обуви, ткачеству, пчеловодству и др. В виде отдельных тематических словарей они были опубликованы в нескольких сборниках, изданных в Москве и в Минске

в конце 1960-х годов («Полесье», «Лексика Полесья», «Лексика Полесья в пространстве и времени» и др.). Эти материалы быстро вошли в научный оборот и до сих пор широко используются в лексикологических и этимологических трудах. Хотя задуманный целостный словарь полесской лексики по разным причинам так и не был создан, опыт работы в Полесье и погружение в языковую и культурную ситуацию Полесья послужили мощным импульсом для других научных начинаний, вышедших далеко за пределы Полесья и в географическом, и в проблемном смысле. Но особая научная роль полесских экспедиций состоит в том, что именно в Полесье, в непосредственном контакте с живым языком и живой культурной традицией зародилось то направление комплексного изучения языка и культуры, которое с легкой руки Н. И. Толстого стало называться славянской этнолингвистикой.

С 1974 года, когда возобновились экспедиции в Полесье, они уже носили не диалектологический, а откровенно этнолингвистический характер. Экспедиции организовывались Институтом славяноведения совместно с филологическим факультетом МГУ, который поставлял нам молодые научные кадры — студентов и аспирантов. Из числа тогдашних или будущих сотрудников (или аспирантов) Института в экспедициях 1970—1980-х годов участвовали Н. И. Толстой, Н. Г. Владимирская, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая, Ю. И. Смирнов, А. В. Гура, О. А. Седакова, А. Ф. Журавлев, О. А. Терновская, Т. А. Агапкина, А. А. Плотникова, О. В. Белова, Г. И. Кабакова, М. М. Валенцова, О. В. Санникова, М. Р. Павлова, И. А. Седакова, Л. К. Гаврюшина, Т. Г. Булак, Н. В. Злыднева, М. Н. Толстая, Ф. Б. Успенский (последние двое тогда еще школьники). Среди участников были как уже в то время известные ученые (В. В. Мартынов, В. А. Дыбо, Б. А. Успенский, В. М. Мокиенко, Т. В. Рождественская, Л. М. Ивлева и др.), так и молодежь, получившая известность в научном мире позднее (Т. Б. Щепанская, А. А. Архипов, А. Л. Топорков, М. Б. Плюханова, М. А. Бобрик, И. А. Морозов, Ф. Б. Успенский и др.).

Главным научным проектом в изучении традиционной духовной культуры Полесья стал «Полесский этнолингвистический атлас» (ПЭЛА). Замысел атласа связан с одним из самых важных во всей этнолингвистической концепции Н. И. Толстого постулатов — положением о «диалектном»

характере культуры. Н. И. Толстой утверждал, что славянская народная культура, как и любая другая этническая культура, представляет собой не какую-то единую, жесткую систему — народная, фольклорная культура представлена огромным многообразием локальных традиций.

Концепция Полесского этнолингвистического атласа, принадлежащая Н. И. Толстому, исходит из общеславянской задачи реконструкции древней славянской духовной культуры и рассматривает Полесье как одну из архаических зон славянского мира (конечно, не единственную), по отношению к которым в первую очередь целесообразно применить комплексный этнолингвистический метод изучения славянских древностей и отработанные в лингвистике приемы ареального исследования, картографирования локальных разновидностей и форм культурных явлений (обрядовых, мифологических, фольклорных и т. д.).

С 1974 по 1979 г. в полесских экспедициях собирался материал по отдельным тематическим программам. Единая программа-вопросник атласа была составлена только к 1980 г. и опубликована в 1983 г. в «Полесском этнолингвистическом сборнике», там же мы опубликовали подборку ответов на вопросы программы их разных полесских сел. Программа включала, вообще говоря, все сферы культуры, но не полно, а выборочно, потому что, во-первых, мы просто не могли охватить всего, а во-вторых, все и невозможно картографировать, т. к. есть довольно много элементов, общих для всей территории, которые картографированию не поддаются. Поэтому мы выбирали эмпирически, идя иногда от села к селу или от области к области и изучая состояние культурной традиции. Мы выбирали вопросы, которые дают какие-то варианты на территории самого Полесья, а затем такие, которые, может быть, не так ярко членят Полесье на какие-то зоны, но зато обнаруживают интересные переклички с другими славянскими этнокультурными традициями, особенно с южными славянами и Русским Севером (сходство с соседними зонами Белоруссии и Украины менее показательно). Особенно интересны эксклюзивные параллели с какими-нибудь, скажем, словенскими или македонскими обычаями и верованиями; это всегда было для нас сигналом, что тут нужно поставить вопрос и попробовать картографировать соответствующий материал в Полесье. Напри-

мер, обряд пахания высохшего русла реки во время засухи, который имеет параллели на Кавказе, в Индии и заслуживает специального исторического изучения, как оказалось, в Полесье распространен далеко не повсеместно, образуя относительно компактную зону в центральной части Полесья, и это, конечно, очень важно было отметить. Или — мы занимались обрядами вызывания дождя, и там обнаружилось очень много исключительно архаических, языческих по своему смыслу, мифологических форм, которые находят интересные параллели у южных славян, причем не у всех южных славян, а тоже в локальных традициях (голосование у колодца, разрушение могилы висельника или утопленника и т. п.). Неожиданный эффект дало применение к полесскому материалу этнографических вопросников, созданных для других славянских традиций, например, болгарского вопросника Х. Вакарелского, — оказалось, что подобным образом, накладывая «чужую» сетку-модель, можно заметить то, что при обычном «узко-прицельном» опросе ускользало от внимания исследователей. Вообще обнаружению ценных архаических элементов полесской традиции и тем более — их интерпретации очень помогало применение широкоформатной общеславянской «оптики», т. е. учет свидетельств других славянских регионов. Конечно, такой широкий взгляд был свойствен не всем в одинаковой мере и прежде всего им отличался руководитель экспедиции, но сам подход так или иначе прививался всем.

Материал по этой программе систематически собирался с 1980 по 1985 гг., вплоть до Чернобыля¹. После Чернобыльской катастрофы систематическая полевая работа в Полесье стала невозможна (Чернобыль находится в самом центре территории, подлежащей изучению по программе ПЭЛА). К этому времени была обследована только половина намеченных пунктов². Другая половина пунктов остается необследованной и поныне (вероятно, и не будет обследована), хотя отдельные экс-

¹ Хронику полесских экспедиций см.: Полесский этнографический сборник. М., 1983; Славянский и балканский фольклор: Духовая культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986; Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.

² Первые пробные карты были опубликованы в: Славянский и балканский фольклор. М., 1986.

педиции в Полесье работали и после Чернобыля. Они были организованы главным образом силами преподавателей и студентов Белорусского университета в Минске под руководством Н. П. Антропова. Тот факт, что еще в 70-е, 80-е и даже 90-е годы XX века можно было собирать очень богатый материал по традиционной духовной культуре (правда, при правильно организованном и продуманном вопроснике) не перестает удивлять — ведь уже в конце XIX века собиратели уверяли, что они подбирают последние остатки этой культуры.

В архиве экспедиций (Полесский архив Института славяноведения) содержатся уникальные свидетельства архаической культурной традиции. О многом, услышанном и записанном нами в Полесье во второй половине XX века, мы знали только из книг собирателей, работавших за полвека и более до нас, о некоторых вещах не знали даже из книг; для многоного находили параллели и объяснения значительно позже, когда в дальнейшем обращались к материалу других славянских традиций. Вспоминаю, как мы не поверили своим ушам, услышав в первый же вечер по приезде в село Стодоличи (летом 1974 года) о старинных способах вызывания дождя во время засухи. Мы решили пройтись по улицам села, в котором нам предстояло работать, в сопровождении уроженца этого села Василия Васильевича Шура, тогда молодого преподавателя Мозырского пединститута, и встретили группу женщин, сидящих на бревнышках перед одним из домов. Мы поздоровались и заговорили, как принято, о погоде, посетовали, что давно не было дождя. И тут они возбудились и стали говорить, не для нас, а между собой, о том, что дождя, видно, нет из-за того, что на кладбище похоронили самоубийцу-висельника да еще и крест на могиле поставили, и пока этот крест не выроют, дождя не будет. Оказалось, люди уже ходили на кладбище вырывать крест да не сумели, т. к. родственники, предвидя такой оборот дела, вкопали его основательно, да еще и массивной «поперечкой» укрепили. Пришлось людям идти в колхоз и просить трактор, чтобы сорвать крест и прекратить засуху. Услышав все это от своих односельчан, В. В. Шур был поражен не меньше нас и выразил свое сомнение в реальности рассказанного. Тут уж женщины наперебой стали добавлять все более красочные

подробности происшествия, и бедному горожанину, оторвавшемуся от местной традиции, пришлось поверить. Одна из этих женщин — Текля Карповна Козаченко — стала потом нашей лучшей информанткой, и много еще замечательных рассказов мы от нее записали.

Полесские данные во многих случаях становятся важнейшим звеном общеславянских реконструкций и нередко ключом к интерпретации инославянских ритуальных, ментальных и вербальных форм традиционной культуры. Уникальными с общеславянской точки зрения следует признать не только полесские объяснения причины засухи, но и свидетельства о магических действиях по вызыванию дождя — гоłoшение по утопленнику Макарке, призыв к нему «разлить слезы по святой земле»; уникальны полесские данные о русалках, формулы, объясняющие происхождение детей (на грядке вырос, с дерева упал, по воде приплыл, в снегу нашли и т. п.) — обе эти темы были впоследствии разработаны в замечательных статьях Л. Н. Виноградовой — и многое другое.

В 1995 г. в Москве был издан очередной том «Славянского и балканского фольклора», посвященный Полесью, который подвел итог полесским исследованиям за десятилетие 1984—1994 гг. В нем содержалось 76 карт, отразивших самые разные аспекты языка и традиционной духовной культуры Полесья. Ряд карт был опубликован в других изданиях. В 2000 г. вышел том «Восточнославянского этнолингвистического сборника», посвященный этнокультурному ландшафту восточных славян, в котором полесские данные занимают значительное место. В Институте ведется компьютерная обработка полесского архива, которая позволит в скором будущем делать выборку и наносить на карту сведения по любому, самому частному вопросу. Полесские данные находят систематическое отражение в этнолингвистическом словаре общеславянского масштаба «Славянские древности» и многих других изданиях Института. Подготовлен и издан (2003) обширный сборник полесских заговоров, снабженный подробными комментариями и параллелями по другим славянским традициям. Издан том «Полесский народный календарь» (2005), в котором содержится обширный словарь хрононимов, подборка рукописных календарей и др.

Таким образом, несмотря на Чернобыль, изучение Полесья, столь ярко начатое в первые десятилетия XX века замечательным польским исследователем К. Мошинским, продолженное многолетними полесскими экспедициями под руководством Н. И. Толстого, не прекращается и сейчас, и богатые и ценные полесские языковые и этнокультурные материалы все шире и эффективнее вводятся в научный оборот. Полесские исследования превратились в самостоятельную область гуманитарной славистики, оснащенную квалифицированными научными кадрами и большим числом публикаций по широкому спектру проблем — диалектологических, этнографических, фольклорных, археологических и т. д. (периодические обзоры этих работ публиковались в наших изданиях); целая серия конференций по полесской проблематике была проведена в Москве, Минске, Гомеле, Мозыре, Житомире. Как уже было сказано, полесские материалы, как лексические, так и этнолингвистические широко используются в этимологических и иных словарях, исследованиях по лексике, семантике, славянской мифологии, обрядности, фольклору.

Полесские экспедиции стали не только научной, но и жизненной школой для их участников. Они позволили почувствовать «связь времен», увидеть, что за тусклыми и невыразительными формами современной деревенской жизни скрываются глубины многовековой культурной традиции, отложившейся в памяти наших информантов — главным образом старых женщин, перенесших ужасы войны, немецкого плена, уничтожение родных деревень, гибель близких и все-таки хранящих верность тому культурному наследию, которое досталось им от родителей и дедов. Каждый из нас сохранил чувство благодарности к этим людям, со многими из них переписка продолжалась на протяжении долгих лет, с некоторыми, дожившими до наших дней, продолжается и сейчас. Наконец, экспедиции скрепили самих участников особого рода братством или родством, общим запасом памяти и опыта. Многое из того, что мы узнали, увидели и почувствовали в Полесье, раскрылось нам в своем значении не сразу, а «проявилось» спустя много лет, и будет питать нас до конца дней.

Л. Н. Будагова

Ах, Институт мой, Институт...

...не успел оглянуться, как Тебе стукнуло шестьдесят. Ну что ж, поздравляю! Поздравляю и вспоминаю...

Только не знаю, с чего начать. Наверное, стоит начать с начала. У каждого оно было свое и с разных московских адресов. Основатели (дай Бог им здоровья!) наверное, еще помнят Волхонку. Говорят, что там молодые слависты жили расчлененными всего на два сектора. Многие из них вернулись с войны. Среди литературоведов — это Иван Константинович Горский, Борис Федорович Стажеев, Лев Сергеевич Кишкин, Виталий Иванович Злыденев... Многие вошли воинами-освободителями в страны, которым они посвятят всю свою жизнь.

Новые поколения переступали уже другие пороги. Сначала дворянского особняка на углу Кропоткинской (теперь — как и в дореволюционные времена — Пречистенки) и Хрущевского переулка. Потом этот памятник архитектуры XVIII в. отобрали, чтобы превратить в музей А. С. Пушкина, и коллектив славистов, активно прираставший штатными единицами, переместился в новый старый особняк, только поменьше и попроще, но тоже в центре Москвы, в Трубниковском переулке. Как говорят предания и справочники, в Трубниках до революции любили селиться профессора и преподаватели Московского университета. Где-то промелькнуло, что в наш дом 30-а захаживал сам А. А. Блок — то ли к дальним родственникам, то ли к знакомым. Особняк был отделен от улицы оградой с чугунными воротами, которые уже при нас в один прекрасный день украли. На первом этаже был темный холл с продавленными диванами, небольшими колоннами, подпи-

равшими низкий потолок, то и дело грозивший обрушиться на наши головы. Из холла можно было пройти в дирекцию, комнаты лингвистов и историков, и в большой светлый зал, где в стародавние времена, наверное, устраивались домашние праздники, а может, и балы. Узкая лестница вела на второй этаж, где размещались литературоведы, культурологи и опять же историки, которых в нашем Институте всегда было большинство. В подвале находилось книгохранилище, а библиотека с читальным залом, окнами в тенистый палисадник помещалась на первом этаже. Особняк был небольшим, но вместительным и уютным, как бы сохранившим в себе ауру старой Москвы, хотя до Института славяноведения там вроде бы ютились разные советские конторы. Наверняка его до нас перестраивали, но что-то и осталось еще от первоначальной планировки. По крайней мере, холл и зал — это точно, а еще — комната литературоведов на втором этаже с кафельной печью и маленькими окнами, выходившими в задний дворик. Сохранились и старые газеты конца XIX в. под обоями, которые мы дружно сдирали перед каким-то косметическим ремонтом. Мне жалко было выбрасывать их пожелтевшие клочки с обрывками статей и объявлений, хотелось сделать из них целый альбом. Руки до этого так и не дошли, сумка с ценным мусором потерялась, но до сих пор помню объявление из газеты о продаже сукна, ради которого надо было пройти на Тверской бульвар и «спросить» там во дворе указанного дома «девушку Наталью». От такого общения с прошлым кружилась голова и душа замирала от восторга.

Мне кажется, что наш особнячок был похож на дом Цветаевых в Трехпрудном переулке, судя по свидетельствам обитателей последнего. Такие постройки, которых все меньше и меньше в нашем городе, наверное, стоило бы занести в «Красную книгу» и беречь, как памятники, если не архитектуры, то старины.

...Отрада бабушек томных,
домики старой Москвы,
из переулочков темных
все исчезаете вы, —

писала Марина Цветаева. Ее дом в Трехпрудном давно исчез. «Наш» в Трубниках, которым «завладели фирмачи», еще держится, стоит¹. Какая сейчас там жизнь, не знаю.

В бытность его резиденцией нашего Института, жизнь в нем была бурной и одухотворенной. В перерывах между творениями научных трудов, в свободное от конференций, собраний и заседаний время проходили праздничные вечера, детские елки, встречи с поэтами (Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Н. Старшинов, Д. Сухарев и др.), композиторами (Аркадий Островский), певцами (Й. Кобзон), шахматистами (А. Карпов) и т. д., и т. п. Культурная жизнь бурлила и вокруг. Недалеко, на улице Воровского, размещался ИМЛИ им. А. М. Горького, Театр клоактера, Союз писателей — в усадьбе, описанной Л. Толстым как жилище Ростовых, Дом литераторов, неподалеку Дом архитекторов и безымянные дома, где жил С. Михалков и другие известные личности. Как-то в сберкассе в Трубниковском переулке, куда многие перечисляли свою зарплату, оказалась в очереди за Геннадием Хазановым, пополнившим свой счет. В продуктовом магазине на углу Трубников и улицы Воровского (ныне и прежде — Поварской) встретила уже состарившуюся звезду театра Л. Гриценко, сестру Николая Гриценко, талантливейшего и к тому времени покойного актера театра Вахтангова. В фильме «Романс о влюбленных» А. Михалкова-Кончаловского есть сцены, которые снимались во дворе дома, располагавшегося почти напротив Института. А возвращаясь как-то с обеда из Дома не то литераторов, не то архитекторов (были такие времена, когда нас туда пускали), мы стали свидетелями съемок фильма А. Эфроса «Таня» (по пьесе А. Арбузова). Снимался и без конца дублировался эпизод, когда героиня, еще не расставшаяся с Германом, выходит из дома в окружении гостей и выпускает из клетки грача Семен Семеныча. Стоял холодный майский день, и Ольга Яковleva в носочках и легком платьице была вся синяя от холода. Но вернемся к нашим адресам.

Институт, гостеприимно распахнувший двери перед румынами, унгаристами и другими специалистами и переименованный в Институт славяноведения и балканистики, где-то

¹ К сожалению, и этот памятник московской старины был снесен весной 2007 г.

в начале 1980-х годов получил дополнительные помещения в бывшей фабрике-кухне на Ленинградском проспекте, где проходили Ученые советы и другие общеинститутские мероприятия. В один прекрасный день здание в Трубниках закрыли на капремонт. Боялись, что потолки, они же полы второго этажа, не выдержат научного веса топтавшихся там славяноведов и все-таки рухнут. Все содержимое особнячка временно перетащили на улицу Вавилова. После ремонта (далеко не капитального) оно вернулось обратно, и мы продолжили свою жизнь в двух местах, собираясь по общим присутственным дням на Ленинградском, а по необщим — в Трубниках. В начале 1990-х годов, освободив и фабрику-кухню и особнячок в тихом центре Москвы, славяноведы совершили очередное переселение — на площадь Гагарина. Хочется надеяться, что это здание, построенное для Академии наук и прозванное народом «мозги», так и останется — несмотря на все попытки придушения фундаментальной науки — за учеными, а наш Институт сможет именно в нем отмечать все грядущие юбилеи.

А теперь вернемся к началу. Поступив в очную аспирантуру Института, я еще застала несколько месяцев его доживания на Кропоткинской. Если фабрику-кухню на Ленинградском и особнячок в Трубниках еще можно увидеть воочию, то этого не скажешь о бывшей резиденции славяноведов (второй по счету) на Пречистенке (Кропоткинской). Она перешла в область воспоминаний. Здание русской дворянской усадьбы, в части которой ютился когда-то наш Институт, вроде бы стоит на месте, оно не сносилось, а как бы заново обустраивалось, ремонтировалось. Но вместо бережной реставрации уголка пушкинской Москвы произошла — абсолютно в духе советской гигантомании, помноженной на постсоветскую коммерциализацию, — его безвкусная модернизация. Все старинное, исконное, наверное, еще хранившее прикосновение современников Пушкина (ради которого, вроде и потревожили оазис старины) и что еще как-то сохранялось при славяноведах — поглотили новые пристройки, надстройки, перестройки, переходы, лифты, раздевалки, стеклянные потолки, милицейские посты и т. д., и т. п. Каждое посещение Пушкинского музея (гораздо более далекого от поэта, чем его любой другой музей), превращается в подобие страшного сна, когда ходишь-бродишь по вроде бы известным тебе местам, но ничего

там не узнаешь. Какие-то стены еще стоят на месте, но внутри все переиначено до неузнаваемости. Уже не открыть дверь старого подъезда с чугунным навесом, не подняться по лестнице на небольшую светлую площадку, которая вела в левую часть дома, где в бытность там славистов размещалась библиотека, и в правую половину, где находилось все остальное: огромный холл, (там даже можно было играть в пинг-понг), слева от него скромные и полутемные кабинеты дирекции, историков и лингвистов. Где, кто из них размещался, не помню. Но хорошо помню, что к холлу примыкал большой зал с камином, а к левой части зала — просторная комната литератороведов.

Даже следов всего этого в помпезном новострое, растворившем в себе особняк XVIII в., сегодня не осталось. Одно радует, там работают люди, преданные русской культуре, искренне увлеченные А. С. Пушкиным. В 2005 г. в библиотеке музея состоялась — при большом стечении народа — презентация изданной в том же году Институтом славяноведения книги Л. С. Кишкина (1918—2000) «А. С. Пушкин и Чехия» (прекрасно оформленной М. И. Леньшиной). В музее же нашла приют и мемориальная комната автора книги, одного из старейших сотрудников нашего Института. Произошел своего рода круговорот «вещей» в природе. Когда-то давно Лев Сергеевич начинал в особняке на углу улицы Кропоткина и Хущевского переулка свой путь в славистику. А после его завершения как бы снова «вернулся» на старое место. В последние годы жизни Л. С. Кишкин, как специалист по русско-чешским культурным связям, разыскивавший в Чехии и переправивший в Москву часть библиотеки А. Ф. Смирдина, как признанный пушкинист, по инициативе которого был основан музей А. С. Пушкина в Бродзянах (Словакия), активно сотрудничал с московским музеем, был членом его Ученого совета.

Из «кропоткинско-пречистинского» периода — первого периода моей жизни в Институте сохранилось в памяти несколько разрозненных, но ярких эпизодов. Хорошо помню свой первый визит в Институт, когда я еще училась на филфаке и мою курсовую работу (*«Послевоенная поэзия Марии Пуймановой»*) рекомендовали для публикации в сборнике лучших студенческих работ. Научный руководитель, Раиса Романовна Кузнецова, попросила богемистов Института обсудить, на всякий случай, текст курсовой. Придя раньше назначенного сро-

ка, я уселась за свободный столик в институтской библиотеке, привычно подвернув под себя ногу и углубившись в какой-то журнал. Вдруг как из-под земли вырос какой-то разгневанный мужчина в очках, который с ходу стал отчитывать студентку за такое непотребное сидение за письменным столом. Студентка, спешно опустив ногу на пол, начала медленно сгорать со стыда. Строгий моралист оказался добрецким Игорем Михайловичем Шептуновым, специалистом по болгарской литературе и ученым секретарем Института, но какая муха его в тот раз укусила, до сих пор не понимаю.

Вторым человеком, напугавшим меня в Институте, стал Виталий Иванович Злыденев.

Я только что была зачислена в очную аспирантуру и находилась в стадии творческих поисков темы докторской. Все курсовые работы я писала исключительно по чешской поэзии (Ф. Л. Челаковский, М. Пуйманова, Сватоплук Чех). Дипломная работа, которой руководил Сергей Васильевич Никольский, один из основателей нашего Института и заведующий сектором славянских литератур, была посвящена Иржи Волькеру (1900—1924). Писала я диплом с увлечением, переворотила гору литературы, успела влюбиться и в Иржи Волькера, и в своего научного руководителя, хотя к тому времени была уже год как замужем. Однажды мне даже приснился «чудный сон», будто я присутствую на собственной свадьбе с Иржи Волькером, мы с ним вдвоем в темной комнате, где-то шумят гости, а я решаю с ним одну спорную проблему, по которой у меня возникли (не во сне, а наяву) разногласия с моим научным руководителем. По его версии образ Бога из сборника Волькера «Гость на порог» — это метафора революции. Я с этой версией не соглашалась (тоже наяву) и решила (уже во сне) выяснить все у самого Волькера. «Иржи, — спрашиваю я его, — а это правда, что под «Богом» ты подразумеваешь революцию?». «Нет», — спокойно отвечает поэт. «А Никольский, — говорю я ему, — считает, что это революция». «А кто такой Никольский?», — задает резонный вопрос Волькер. «Твой исследователь», — так же резонно отвечаю ему я.

Прошу и Сергея Васильевича, и моих коллег, знающих этот сон (где все — правда!) наизусть, простить меня, что я опять вспоминаю о нем. Мне просто хочется показать увлеченность людей моего поколения «своими литературами», наше серьезно-романтическое к ним отношение.

Однако после поступления в аспирантуру мне пришла в голову абсолютно несерьезная и бредовая мысль писать диссертацию о чем-то вроде «Образа положительного героя в современной чешской литературе». На заседании сектора тему эту, к моему большому счастью, зарубили (впрочем, тогда я этого счастья не осознавала). Резче всех выступал Виталий Иванович Злыднев. Сказал даже, что людей без определившейся темы вообще нельзя принимать в аспирантуру. Это меня настолько оскорбило и расстроило, что я разревелась и продолжала лить слезы весь оставшийся день и вечер во время «коллективного похода» в Театр Ермоловой на «Дни Турбиных». Глаза высыхали лишь, когда шел спектакль, но вновь наполнялись слезами в антрактах. Потом, когда угтешавшие меня Вивиана Витт и Туся Агапкина признались, что и их темы утвердили не сразу, я успокоилась. Но как же я теперь благодарна своим старшим коллегам, не подпустившим меня к «положительному герою». Вскоре его успешно заменил «Витезслав Незвал». А с моим суровым критиком Виталием Ивановичем Злыдневым у нас потом сложились замечательные отношения.

Вспоминается наша с ним командировка в Берлин на конференцию по антифашистской литературе в начале 1970-х годов, а спустя четверть века — работа над третьим томом «Истории литератур западных и южных славян» (М., 2001), его — как автора глав о болгарской литературе конца XIX — первой половины XX столетия, моя — как ответственного редактора.

Виталий Иванович сдал свои тексты самим первым, потом упорно трудился над ними после обсуждений. По общему признанию эти главы стали научным подвигом ученого, сумевшего пересмотреть многие прежние взгляды, по-новому подойти к материалу, добиваясь объективности анализа. К сожалению, до выхода этой книги Виталий Иванович не дожил. Недаром он так торопился с написанием своих глав.

Как-то к одному из юбилеев Победы, готовясь к чествованию ветеранов войны, я попыталась сочинить, передрав кое-что у А. Грибоедова, бесхитростный стишок о В. И. Злыдневе. Осмелюсь предложить его читателям, поскольку там есть некоторые штрихи его биографии и облика:

Виталь Иваныч, наш единственный, бесценный!
 Теперь в отставке, был — военный.
 С боями он до Австрии дошел,
 в одном из городков там был он комендантом,
 пленил всех красотою, выпрекой, талантом.
 Сейчас Культурой он руководит,
 всегда при галстуке, причесан и побрит.
 Разумно он и справедливо правит.
 Наш Институт ему всего хорошего желает!

В кропоткинский период наш Институт навещали писатели из братских стран. Встречу с Вилемом Завадой (1905—1982) я не помню, но о том, что она была, говорит сохранившаяся фотография, запечатлевшая сидящих друг против друга Сергея Васильевича Никольского и Вилема Заваду, замечательного поэта и скромнейшего человека. Сергей Васильевич вспоминал, как тот произносил фразу «Básník musí hořet» (Поэт должен гореть), с каждым словом понижая голос и все ниже и ниже опуская голову.

Встречу Вitezслава Незвала (1900—1958) с богемистами Института помню отлично. Едва появиввшись на пороге небольшой комнаты, уже заполненной людьми, поэт с ходу стал громогласно рассуждать о социалистическом реализме, от которого всегда открешивался. Но в этот раз он, наверное, решил, что московских литературоведов ничего кроме соцреализма не интересует. Стоял апрель 1957 года. Кто-то вошел в комнату и стал снимать с окон зимние рамы. Незвала спросили: «Vám neperěkáží?» (Вам не мешает?). Тот на минуту застынул, но сразу же гордо произнес: «Delník mne nikdy neperěkážel» (Рабочий мне никогда не мешал). В один из последующих дней того же года я отправилась на личную встречу с героем своей будущей диссертации в гостиницу «Москва». Я только-только приступила к изучению творчества Незвала и вопросы задавала самые банальные: «Что Вы больше всего цените из своих сборников?», «Кто Ваш любимый поэт?» и т. п. На первый вопрос он ответил, что любой палец заболит, если его укусить, и каждая из написанных им книг ему дорога по-своему. Что сказал по поводу второго, не помню, но круг его интересов был очень широк. Помню его слова: «Не ищите в моей поэзии символов», — хотя символистов любил, особен-

но Отокара Бржезину. Потом спросил, что мне нравится из его сочинений, надписал и подарил названные мной томики. Вдруг поднялся со стула, запер зачем-то дверь своего номера и сказал: «*Kdybyste chtěla, já bych Vás svedl!*» (из соображений приличия оставляю фразу без перевода). Я, смутившись, но с благодарностью отклонила лестное предложение великого поэта. После чего он потерял ко мне всякий интерес, и мы расстались. Потом были встречи лишь с творчеством Незвала, с его сестрой Властой Фишеровой-Незваловой, вдовой Фанфинкой Незваловой и многочисленными друзьями классика.

Моя жизнь в Институте продолжается уже несколько десятков лет. В школе мы учимся одно десятилетие, в вузе лет пять, а самая прочная самая длительная связь (если повезет) — со своим рабочим местом. Тыфу-тьфу, не сглазить бы, но я ни разу еще не пожалела, что работаю в Институте славяноведения. Когда волею судьбы уехала на два года с мужем и детьми в Женеву, к которой привязалась и которую горячо полюбила, то и тогда связь моя ни с профессией, ни с Институтом (в те годы — в Трубниках) не прервалась. В свободное от домашних забот, от работы в отделе русских переводов при ООН время писала в небольшой квартирке с видом на Монблан послесловие к томику стихов Франтишека Грубина «Романс для корнeta» (который составила вместе с Борисом Шуплецовым), трудилась над главой о Янко Есенском для «Истории словацкой литературы» и очень часто вспоминала наши Трубники. Именно Институт, перспектива возобновления работы в нем, ожидание встреч с друзьями и коллегами смягчили боль расставания с Альпийской республикой. В то время возвращение из заграницы в СССР было настоящим шоком. Помню, как трудно было заново привыкать к толчее московских улиц. Я ходила по ним, старательно лавируя между прохожими, чтобы с кем-нибудь не столкнуться. Поражали подзабытое хамство продавщиц, тошнотворность серой партийной прессы и многое другое, что сейчас к счастью ушло в прошлое. И только Институт меня не разочаровал.

После возвращения я обнаружила в нашем секторе новые симпатичные лица. Одно принадлежало юной красавице с длинной светлой косой — Вике Мочаловой. Другое — было лицом Сонечки Ильинской, специалистки по греческой литературе, супруги известного греческого писателя Мицоса Александро-

пулоса. Вика, к счастью, продолжает работать вместе с нами, храня верность полонистике даже на посту заведующей Центром славяно-иудаистических исследований. Сонечка, подружив нас с греческой литературой и научив есть вареные листья одуванчиков, переселилась с семьей в Грецию. Где-то в 1970-е годы в Институте появилась Надя (Нюрия Семиулловна) Осипова. Она только что окончила школу и устроилась сначала курьером, но вскоре по совету Льва Сергеевича Кишкина, всегда трогательно опекавшего молодежь, перешла в сектор литературоведов техническим секретарем. Помню, как я однажды спросила Надю: «Как проводят свои отпуска девушки “в осьмнадцать лет”?». «Готовятся к экзаменам, сдают сессию», — ответила Надя. «Без отрыва от производства» она окончила Педагогический институт (французский язык и литература), самостоятельно изучила румынский язык, написала (под руководством М. В. Фридмана) и защитила кандидатскую диссертацию, стала автором многих интересных работ, в том числе обобщающей статьи о румынском сюрреализме для энциклопедии “Сюрреализм” (ИМЛИ). Теперь Надя ученый секретарь Центра истории литератур западных и южных славян. Это человек, на которого всегда можно положиться.

Даже в самые смутные «застойные» годы в нашем Институте относительно легко дышалось. Было, конечно, всякое и люди работали всякие. Были и те, чьи научные ориентиры и критерии определяла передовая статья газеты «Правда» или постановление ЦК. Но все же погоду в Институте делал народ со здравым смыслом, не терявший его даже на самых ответственных постах, от которых зависели судьбы и славяноведения и славяноведов. В результате ученые, «пронившиеся» поддержкой инакомыслящих, не подвергались преследованиям, как в других советских учреждениях, могли спокойно заниматься своими исследованиями. Именно благодаря этому, наш Институт вышел из периода «застоя» и давления идеологии на науку, не потеряв своего лица, накопив солидный научный багаж, ставший основой для подъема нашей науки в постсоциалистический период и аргументом в пользу избрания целого ряда сотрудников Института в члены-корреспонденты и академики РАН.

Среди литературоведов, определявших творческую атмосферу в нашем Институте и в секторе славянских литератур, не могу не назвать Сергея Васильевича Никольского, Бориса Федоровича Стахеева, Вивиану Владимировну Витт, Евгению Ивановну Рябову (первого редактора моих ранних трудов), Анну Петровну Соловьеву, научного руководителя моей кандидатской диссертации, Регину Фридриховну Доронину, Виктора Александровича Хорева. Не могу не упомянуть в этой связи и Юрия Васильевича Богданова, заместителя директора Института в 1970—1980-е годы, который всегда был выше политических предрассудков своего времени. Помню, как на Международном съезде славистов в Загребе (1978) он радостно приветствовал своего старого друга, эмигрировавшего в Израиль, обнял его, расцеловал, затем пришел на доклад «израильянина», наградил аплодисментами, вызвав осуждение правоверных товарищей за то, что одобрил выступление эмигранта.

При всей противоречивости Дмитрия Федоровича Маркова у него было немало хороших черт, сказывавшихся на жизни Института. Дмитрий Федорович был вполне демократичным директором, стремившимся не к запретам, а к помощи людям. Отсидевший срок в советской тюрьме, он говорил: «Я культ ненавижу!», имея в виду куль личности Сталина и все с ним связанное. Его теория «соцреализма как открытой эстетической системы» сыграла свою роль в раскрепощении современной литературы, получившей право писать о чем угодно (кроме пропаганды откровенно реакционных фашистских и им подобных идей) и как угодно. Она появилась тогда, когда многие советские писатели сами тихо освободили себя от соцреализма, прежде чем он был громко предан анафеме. Это был тот случай, когда теория соцреализма постаралась приспособиться к практике, вместо того, чтобы приспособить последнюю к себе, совершая насилие над литературой. Марковская теория увеличивала степень свободы творчества.

...Последние месяцы жизни Д. Ф. Маркова были, как мне кажется, полны драматизма. Директорское кресло он вынужден был оставить по возрасту. Предложенный им ученый не прошел на пост директора Института славяноведения. Социалистический реализм, который помог специалисту по болгарской поэзии стать академиком АН СССР, вышел из моды, превратившись из идола в презренный знак советской эпохи. (Это

лишь в последнее время он опять становится научной проблемой.) Институт охладел к своему бывшему директору. Группа поддержки теории Маркова тоже, как мне кажется, не докучала заботами своему лидеру. Помню, как он обрадовался, когда я принесла ему в больничную палату письмо, подписанное его недавними соратниками. Но и я навещала его в академической больнице на улице Ляпунова в основном потому, что там же, на одном с ним этаже, лежала моя мама...

Что это я пишу только о литератороведах? Институт наш комплексный, такими же должны быть и воспоминания. Горжусь, что работаю в одних стенах с замечательными лингвистами, цветом отечественной и мировой науки. Но сейчас — не об их научных заслугах, а о некоторых случаях из нашей жизни. Помню одну из первых поездок во главе с Сашей Роговым, открывшим мне прелесть русских церквей с их аркатурными поясами и закомарами, по Золотому кольцу, когда еще и понятия этого не было. Ехали в грузовике под тентом, тряслись на скамейках, каждая — из одной плохо обструганной деревянной доски. Мы побывали в еще не ухоженном турагентствами Суздале, заросшем лопухами, со слезами на глазах слушали взволнованные повествования Саши Рогова о страдании царских особ, заточенных в тамошние монастыри, сделали остановку у церкви Покрова на Нерли, проехали во Владимир, Боголюбово и далее. Еще жив был Слава Ильич-Свитыч. В составе группы был и его неразлучный друг Володя Дыбо с длинными волосами и еще густой рыжей бородой. Замечавшие его старушки из аборигенов, принимали будущего членкора за священника, кланялись ему и крестились. Впрочем, столь же благоговейное отношение людей к его особе, по-моему, сопровождает В. А. Дыбо всю жизнь. И вполне заслуженно.

Всем своим внеинститутским (и зарубежным) друзьям и знакомым с гордостью рассказываю, что работала и работаю в одних стенах с потомками Льва Николаевича Толстого, что мне (как и многим другим славяноведкам) целовал ручку правнук графа, Никита Ильич Толстой. Я приводила в его отдел молодых ребят из Чехии, гостивших в Москве летом 1994 г. Познакомила их со Светланой Михайловной Толстой, она заворожила юношей рассказом об этнолингвистике, которая помогает изучать и сохранять исчезающие пласти народной славянской культуры.

Являясь благодарным собирателем трудов толстовского от-дела, бережно храню в памяти облик его основателя. Никита Ильич Толстой — один из тех, кто решительно поддержал наш проект «История литератур западных и южных славян в трех томах» (М., 1997—2001. Т. 1—3). Когда мы, полные сомнений и неуверенности, обсуждали возможность создания такого труда на заседании Ученого совета (еще в здании на Ленинградском, кажется, в 1989 г.), Никита Ильич взял слово и сказал, что наш Институт это единственное место в мире, где может быть создана такая «История».

Меня всегда поражало в Никите Ильиче, отпрыске знатного дворянского рода, удивительное сочетание аристократизма (отсюда его неизменная приветливость и ритуал целования ручек) с искренним демократизмом. А может быть, это одна из характерных черт лучших представителей русского дворянства вообще?

После избрания Никиты Ильича членом-корреспондентом РАН я спросила, как он себя чувствует в этой роли. «Как в новых ботинках, которые жмут», — был ответ. После его избрания академиком подобных вопросов я не задавала, видно было, что это высокое звание ему по плечу (точнее, по ноге). Сам он к своим должностям и титулам относился, по-моему, спокойно, никогда ими не кичился (свойство очень хороших людей; плохих высокие посты делают хуже, хорошим — помогают раскрыться с самой лучшей стороны).

В октябре 1995 года я оказалась в одном вагоне поезда «Москва—Братислава» с Н. И. Толстым и в одном купе с Л. Н. Смирновым и А. В. Липатовым. Все мы ехали на конференцию в Прешов, посвященную 200-летию со дня рождения П. Шафарика. Как только поезд тронулся, Александр Владимирович стал рваться к Никите Ильичу для душевной беседы и распития прихваченной в дорогу бутылочки. Я Сашу отговаривала, мол, дай академику отдохнуть, потом наговоритесь. Саша меня послушался, уgomонился, стал смотреть в окно. Но в результате, не выдержал академик. Вскоре он возник в дверях нашего купе с собственной поллитрой в руках. Мы хорошо провели время, что-то ели, осыпая вагонный столик и нижние полки хлебными крошками. Перед уходом Никита Ильич бережно собрал их в горсточку, но не выбросил, а отправил в рот. Такое же благоговейное отношение к хлебу проявляли мои бабушки (твер-

ская ткачиха) и мама, считавшие, что выбрасывать хлеб, даже крошки — грешно.

Очень хорошо, что под одной крышей с литературоведами работают и историки, союз с которыми окреп (и, надеюсь, будет лишь крепчать) после международной конференции «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян» (ноябрь 2003 г.). Ее проведение горячо поддержали, и в ней активно участвовали Владимир Константинович Волков, Александр Викторович Карасев, Ритта Петровна Гришина и другие российские и зарубежные историки, культурологи, литературоведы. Мне кажется, именно эта конференция дала импульс В. К. Волкову заняться Брестским миром и другими проблемами, связанными с той войной. Он очень хотел, чтобы именно кто-нибудь из литературоведов откликнулся на книгу, изданную по материалам конференции. Прекрасную рецензию опубликовала в «Славяноведении» О. В. Цыбенко, но наш бывший директор ее уже не прочел.

Однако хватит о грустном. В. К. Волков навсегда останется в нашей памяти как великолепный ученый и человек недюжинных организаторских способностей. Он сумел сохранить наш Институт, когда над ним нависла очередная опасность расформирования (а сколько их было за прошедшие шестьдесят лет!), успешно провел его сквозь подводные камни переходных 1990-х годов, не поступаясь при этом принципами, не играя в поддавки ни с вышестоящим начальством, ни с братьями-славянами (порой за что-то на нас обижавшимися), ни с всесильной Америкой. Вспомним его принципиальные позиции по сербскому, македонскому и многим другим вопросам.

Хотелось бы написать еще об очень многом и об очень многих. Но другие дела и заботы не позволяют потонуть в воспоминаниях.

Постаравшись «начать сначала», я так и не добралась до конца. Хотя о каком таком конце может идти речь? Ведь жизнь продолжается...

В. Н. Виноградов

Былое без дум

Я пришел в Инслав вместе с группой сотрудников Института истории после его разделения осенью 1968 г. Жилось в нем довольно интересно и комфортно, и тяги к перемене мест мы не ощущали. Чувство, видимо, было взаимно, и в Инславе нас не ждали. Володя Волков сказал мне как-то при встрече: «Знаешь, нам велено слиться в экстазе». Слились, хотя экстаза и не отмечалось. После определенной структурной перестройки научное учреждение, известное как Институт славяноведения, стало называться Институтом славяноведения и балканистики.

Я приписывал тогда все происходящее проявлению обычной тяги к реорганизации, терзающей нашу страну. Позже, присмотревшись и втянувшись в дело, я осознал, что расширение Инслава имело смысл: в плане историческом ни одно явление, ни одно событие регионального масштаба, будь то в Центральной или в Юго-Восточной Европе нельзя ни понять, ни исследовать исключительно на славянской основе — сохранить все по-старому значило бы остаться на уровне страноведения..

Приняли нас в новом коллективе гостеприимно, в том числе и в смысле житетском. Грязнул конкурс пирогов. Была избрана высококомпетентная комиссия по пирогам — Владимир Дорофеевич Королюк, Владимир Константинович Волков, имя третьего (третьей?) я не припомню. Комиссия, вероятно, весьма добросовестно отнеслась к своей миссии, во время оглашения результатов ее члены выглядели как вкусно и обильно поевшие люди. Мне не так повезло. Коллектив обладал отличным аппетитом, пироги перекочевали на тарелки и быстро исчезли. Я не проявил должной оперативности и остался без ку-

ска. Но свет не без добрых людей. Дина Федоровна Поплыко раздобыла для меня довольно большой ломоть, правда, с коркой по бокам. Мне показалось также, что в пироге мало капусты, но я не посмел выступить с критическими замечаниями посреди раздававшихся аплодисментов и похвал в адрес мастериц. Жаль, что сейчас подобных состязаний нет, видимо, дамы перестали печь пироги.

К институтским делам я приобщился по партийной линии. Льву Никандровичу Смирнову и мне партбюро поручило выработать некие принципы, долженствовавшие усовершенствовать соцсоревнование. Мы корпели не один год, но воз с места не сдвинули. Мне и до сих пор неведомо, как можно было организовать соревнование между лингвистом-теоретиком и специалистом по истории нестигаемого социалистического лагеря. И как жаль, что умного, доброго, благожелательного Льва Никандровича нет среди нас.

Директорство И. А. Хренова промелькнуло для меня незаметно. Но в бытность на сем посту Дмитрия Федоровича Маркова меня в дирекцию завлекли не то на 15, не то на 17 лет, не помню уже точно. Дмитрий Федорович был трудоголиком, и заседали мы долго и самозабвенно. Нас опекали пять организаций — партбюро в ансамбле, его комиссии — по науке и кадрам, группа народного контроля и местком, которые, естественно, находили в работе дирекции многочисленные упущения — со стороны ведь недостатки виднее. Существовала еще и такая разновидность ненаучной фантастики, как коллективный договор, который никогда никакая дирекция выполнить не могла по причине отсутствия у нее необходимых средств. Я познал тогда, сколь черств и горек дирекционный хлеб, и усвоил привычку быть крайне сдержанным в критических замечаниях по ее адресу. Я считал и считаю, что развитие науки определяют не инстанции, сколь бы высокое положение они ни занимали, а сами ученые своей компетенцией, квалификацией и добросовестностью. Будучи при должности, я старался как можно меньше мешать тем сотрудникам, которые хотели, умели и любили работать. Мне представляется, что во время «правления» Маркова произошла определенная подвижка в коллективных исследованиях по комплексной проблематике. Это — личное мнение, и прошу не осуждать меня, если я ошибаюсь.

У Дмитрия Федоровича была маленькая человеческая слабость, он как бы привязал себя к служебному автомобилю, и даже на краткую прогулку в каком-нибудь скверике приезжал на колесах. Однажды академик И. И. Минц, не помню в связи с чем, давал ужин в ресторане «Националь». Участвовал и Дмитрий Федорович. Они почему-то оказались «без автомобилей». И обнаружилось, что два ученых мэтра не имеют представления, как добраться с Охотного ряда до Ленинского проспекта. Мы дружными усилиями посадили их на троллейбус.

А еще тогда были веселье, абсолютно неформальные и чуть-чуть рисковые «капустники» с выступлениями уже помянутого Льва Никандровича, с чтением элегических стихов Светланы Михайловны Фалькович и еще многим, многим, многим. Запомнился основанный на жизненном материале сольный номер Галины Павловны Мурашко о тяжкой части младших научных сотрудников.

Регулярно совершались выезды на овощебазу. Сей сюжет мог бы послужить предметом грустного разговора — горы полуслгнившей картошки, капусты, моркови, а ведь их выращивали, убирали и рапортовали партии и правительству о преодолении очередного рубежа в развитии благосостояния. Но, наверное, сказывался свойственный молодому и зрелому возрасту оптимизм. Мы не слишком перетруждали себя, наступало время обеденного перерыва, мы выгружали из сумок нехитрую снедь — иной тогда и не существовало — и садились в кружок, а в середине красовалась бутылка, а то и две, и текла беседа. Чтобы мы возобновляли свои труды, я что-то не помню.

Р. П. Гришина

Кое-что о времени и о себе

Я поступила в аспирантуру Института славяноведения АН СССР в 1957 г. — через четыре года после окончания истфака МГУ (кафедра истории южных и западных славян). «Пришла в науку» с молодеческим восторгом и боевым устремлением разрешить, наконец, запутанный македонский вопрос. При выборе темы будущей диссертации с полгода пришлось «биться» с научным руководителем М. А. Бирманом. Он как солидный и умудренный опытом ученый всячески отговаривал меня от аспирантской опрометчивости, доказывая несвоевременность диссертации на подобную тему, невозможность довести ее до защиты. Я плохо понимала тогда, что речь попросту шла о безнадежности занятия темой, непроходной прежде всего политически. Конец спорам был положен, когда в дело вмешался директор Института И. А. Хренов, человек, несомненно добрый и отзывчивый, но твердо знавший, что во вверенном ему учреждении, как и во всей Академии наук, молодым историкам следует изучать преимущественно рабочее движение. Только в этом направлении рекомендовано было искать слабо разработанные вопросы и на них сосредоточиться. Такие действительно нашлись: межвоенный период в недавно тогда вышедшем в СССР академическом издании тома 2-го «Истории Болгарии» (1955), для которого, видимо, не обнаружилось сильного стилического автора, предоставляя для этого явные возможности. С молодым задором взялась за дело — уж хуже-то не напишу!

Но «македонская музыка» продолжала играть на всем протяжении, теперь уже можно сказать — довольно длительного, моего научного пути. Она «траурно» прозвучала, когда, отработав предложенную тему «Рабочего движения в Болгарии

в конце 1920-х гг.», я принялась за внутренне заинтересовавшую меня проблему истории фашистского движения в этой стране. В 1970-е годы изучение феномена фашизма только набирало силы, главным образом, благодаря немецким ученым, но также советским германистам, итальянистам, румынистам. Представившаяся возможность поработать в болгарских архивах только подзадорила меня. Сейчас удивляюсь, как это получилось, но книгу «Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 гг.» написала легко и быстро. А дальше... По обычной процедуре следовало обсудить текст на заседании сектора, а затем представить в Ученый совет для рекомендации к печати. Первый этап сейчас плохо помню. Очевидно, все-таки прошел успешно. В то время на такие обсуждения приглашались болгаристы из всех возможных научных учреждений. Одним из частых гостей был «настоящий болгарин» (эмигрант?) Кирилл Димитров, современник описываемых мной событий. Как таковой он подтвердил, что в книге передана «атмосфера времени». Благодарю его как очевидца, ибо он, не будучи историком, внес таким образом «исторический вклад» в дело моей жизни, так как приходилось защищаться от некоторых дипломированных коллег-ученых, в том числе из руководящего состава сектора, которые ставили мне в упрек и использование якобы со знаком плюс «документов классового врага», и стремление «обелить фашистских кровопийц» и т. п. Эти претензии, мне кажется, были искренними, не наигранными. И произносились от души, с желанием помочь. Такое было время! Второй этап прохождения рукописи оказался много сложнее. В день заседания Ученого совета случайно узнаю, что моя работа исключена из списка рассматриваемых. Почему — никто не объясняет. А. И. Недорезов — его помню как человека, от которого зависела повестка дня заседания — ходит с непроницаемым видом, лицо его «квадратеет». Говорят, надо ждать следующего заседания. Но история повторяется и во второй, и в третий раз. Открытого объяснения не дождалась.

Книгу удалось опубликовать спустя два года (1976) в Софии. Благодаря могущественной поддержке академика Димитра Косева, прочитавшего и одобравшего текст (лишь пассажи, связанные опять-таки с македонской проблемой, огорчили его, что он и отметил в своем предисловии, но что не помешало ему открыть книге дорогу!). Конечно, помогли и некоторые (сочувствовавшие) советские коллеги. Им я также очень бла-

годарна. Любопытно, что когда я похвалилась новенькой книгой перед Н. П. Бобриком — куратором изданий нашего Института в издательстве «Наука», он, выхватив глазом слово «Македония», отпрянул от меня со словами: «Никогда бы не пропустил!».

Несколько слов хочу сказать о другом проявлении правил игры в исторических исследованиях в 1970—1980-е годы. По решению свыше — так называемых директивных органов, Институту было предписано подготовить двусторонние документальные сборники из архивов соответствующих стран народной демократии и СССР. В результате в 1976 г. вышел т. 1-й «Советско-болгарских отношений и связей. 1917—1944 гг.», в последующие годы — тома 2-й (1981) и 3-й (1986). Сборники имели совместные советско-болгарские редактории, но главное — в качестве участников в них, помимо Института славяноведения АН СССР и Института истории БАН, были представлены авторитетнейшие в то время государственные учреждения: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главное архивное управление при Совете министров СССР и Историко-дипломатическое управление МИД СССР — с советской стороны, и соответствующие учреждения с болгарской стороны. Курьез заключался в том, что ученые Института славяноведения, занятые в этой работе, не допускались к непосредственному поиску и выявлению документов в архивах указанных ведомств. Оттуда к нам приходили уже готовые ксерокопии документов. Их мы обсуждали вместе с представителями высших архивных учреждений (иногда в ранге генерала). Последние, однако, в ходе дискуссий никогда не принимали наших возражений по поводу неоговоренных купюр во включаемых в сборник документах (или замаранной простыми чернилами части текста). Такой подход считался в порядке вещей. Прорехи в ходе работы видели мы — младшие (по статусу) партнеры, но никогда те, кто читал страницы уже изданного сборника. Теперь следы купюр можно обнаружить, только обратившись к подлинникам. Слава Богу, хотя бы часть архивов ныне открыта и более или менее доступна.

Сами по себе, несмотря на занимаемые высокие чиновничьи посты, эти люди были, хотя и в разной степени, довольно милыми. Но никакой демократизм в общении с «ученниками» не предполагал с их стороны научного, объективного отношения к документам. Публикация должна была отвечать требованиям политической целесообразности.

Случай из жизни. Не помню в каком году, советская часть редакции очередного тома документов отправилась в Софию на совместное с болгарскими коллегами заседание. Уже сидя в самолете, мы с Л. Б. Валевым увидели в иллюминатор, как под крыло лайнера подъехала представительная машина. Из нее вышла Римма Васильевна — член редакции от Историко-дипломатического управления МИД СССР. Из открытой ею двери автомобиля показалась крупная неизвестная лада и обе они проследовали в самолет. Любомир Борисович задокал языком: кто это, что это? Какая отличная машина! Подумать только — подрулили к самому самолету! Ай да Римма!

Вскоре после взлета из первого (как теперь говорят — виповского) салона показалась Римма Васильевна и подошла к нам со словами: пойдемте, я познакомлю вас с новой сотрудницей, которая будет работать в нашем документальном издании. Какая такая сотрудница? Откуда она? Почему она сваливается нам на голову без ведома Валева — ответственного редактора? Не пойду — решила я. Любомир Борисович, как человек более мягкий и лучше знающий, как обращаться с важными персонами, отправился в первый отсек. Вернувшись через какое-то время, он сообщил, что новая сотрудница довольно милая, зовут ее Галина Леонидовна, что его угостили чем-то вкусным (чем, не помню). На мой вопрос, чем она будет заниматься — пожал плечами. На этом все пока и кончилось.

На софийском аэродроме история с машиной под крылом самолета повторилась. В аэропорту нас встречал профессор Воин Божинов — высокий мужчина благородной осанки (имел дружеское прозвище «Лорд»). Широко улыбаясь, он, прежде всего, сказал: «Вы знаете, кого вы привезли?». Мы смущенно оглянулись — никого не видно. «Не знаете? Да с вами дочка Брежнева прилетела! А вы и не знаете...». Ах! Только и заглотнули воздух мы!

На следующее утро в вестибюле небогатой гостиницы БАН уже сидела доставленная из отеля ЦК БКП «Рила» новая «сотрудница» и нумеровала какие-то документы. Мы познакомились и вскоре разошлись. Потом я высокую гостью не видела, ее принимали другие ведомства, и нумеровать наши бумаги ей больше не пришлось.

Еще один случай из жизни. В 1966 г. в Воронеж для участия во Всесоюзной межвузовской научной конференции отправилась группа сотрудников Института (кажется, впервые довольно большая). Для меня это была, пожалуй, первая столь представительная встреча с коллегами из разных городов Союза. Публичного опыта еще было мало. Прочитав свой доклад (тогда жаркие споры велись по вопросу: «народные демократии» в странах Центральной и Восточной Европы это диктатура пролетариата или нет), я оторвалась от текста, подняла глаза в зал и обомлела — из первого ряда на меня надвигалось что-то большое и очень разноцветное: сине-голубой пиджак, ярко красный галстук, рубашка в какую-то клеточку. Зычный голос возмущенно требовал ответа: была диктатура пролетариата или нет. Пока в полуобморочном состоянии наливала себе воды из огромного графина (двумя руками, чтобы не уронить), набитые в голову марксистско-ленинские формулы пришли в движение. Одной из них оказалось достаточно, чтобы «удовлетворить» вопрошившего и сойти с трибуны под аплодисменты. Такое было время!

В 1980 г. я перешла в сектор истории межвоенного периода, который возглавлял И. И. Костюшко: после истории с непубликацией в родном Институте монографии «Возникновение фашизма...», имевшей похожее продолжение, когда речь пошла о защите книги в качестве докторской диссертации, захотелось сменить рабочую атмосферу на более доброжелательную. Мне казалось, что преобладание спокойных коллег в секторе у Костюшко, проявлявших заинтересованность в сотрудничестве, будет этому способствовать. Здесь не было персон, навязчиво демонстрировавших свое якобы превосходство перед всеми большими и малыми членами коллектива, как это, к сожалению, в секторе Л. Б. Валева позволял себе делать А. Я. Манусевич. Совершив такой шаг, я не ошиблась. Тем более что вскоре началась «перестройка».

Здесь надо сказать о нашей стенгазете «Советский славист и балканист» (название ее модифицировалось в зависимости от порывов идеологических ветров за окном). Стенгазета — обязательная для идеологического учреждения фактура, согласно инструкциям райкома КПСС, таинственным образом из формальной «обязаловки» превратилась в привлекательный для коллектива артефакт. Как и «капустники», стенгазета

стала тем феноменом, который сплачивал людей в нечто неформальное, домашнее, желаемое.

Теперь уже не помню, как и когда я была назначена ее редактором. Эта эпоха продолжалась для меня лет 15—20, последний номер (после большого перерыва) мы выпустили к 50-летию Института в 1997 г. Люди в редколлегии менялись, приходили-уходили, но неизменный ее костяк составляли Римма Владимировна Булатова и Маргарита Ивановна Леньшина. Специального разделения обязанностей между нами не было, все делали сообща. Кроме, пожалуй, художественного оформления, где, конечно, царила Маргарита Ивановна. Строгий взгляд Р. В. Булатовой заставлял вносить те или иные корректизы, делать подрисовки, подкраски и т. п. В результате получался шедевр на 5—6 склеенных листах ватмана, яркий, образный, с многочисленными фотографиями, рисунками, стихами, броскими названиями заметок. Делали газету в поте лица, как правило, в течение целого дня. Под конец вывешивали газету «для себя» и садились напротив измученные, в домашних тапочках, посмотреть — что же получилось. Обозрев, говорили, повторяя за Всевышним: «Хорошо!». И только затем вывешивали газету для всех.

Стенгазету в действительности делал весь институтский народ. Не помню случая, чтобы кто-нибудь отказался написать заметку (может быть, и случалось такое, но не запомнилось), принести фотографию. План номера составлялся заранее, в соответствии с ним намечались и возможные авторы. Темы были самыми разнообразными — и заграничные поездки, и театральные премьеры, и новые книги, в том числе институтских авторов, и воспоминания о годах военной службы, о ветеранах и вновь поступивших сотрудниках, о защитах диссертаций. Особой популярностью пользовались материалы о детях и, простите, кошках и собаках и другой живности. А почитать обязательную страничку «А юмор вы понимаете?» сбегались коллеги из соседнего института, с которым мы делили площадь на Ленинградском проспекте.

С приходом же «перестройки» в стенгазете появилась политика. Обсуждался проект нового Устава Академии наук, а, следовательно, и Института, предложения по его новой структуре, по — невиданное дело — демократическим выборам нового директора. Ажиотаж возник большой. Из трех кандидатур,

выдвинутых на этот пост, коллектив тайным голосованием избрал В. К. Волкова. Но при голосовании на Отделении исторических наук преимущество было отдано другому кандидату. Однако телефонного звонка со Старой площади оказалось достаточно, чтобы пальма первенства опять перешла к Волкову. Такое было время — теперь уже смешанное: старо-новое, переходное. В июне 1989 г. начался все нараставший выход институтских коммунистов из партии.

Институт бурлил. В стенгазету уже писали по своей инициативе об ошибках отдельных ученых, в частности, в связи с Катынским делом. Завязалась дискуссия. Не все принимали новое, происходящее в обществе, да и в Институте. Однажды газету сорвали. В другой раз сняли и отдали «на проверку» представителю «органов». У меня сохранилась запись о визите в Институт в январе 1989 г. представителя РК КПСС некоего Александра Николаевича (фамилию забыла). Он журил еще сохранявшееся партбюро за допущение «стихии» и неуправляемости коллектива. Но уже ничего не требовал, держал себя не очень уверенно.

Помню большое собрание делегатов академических институтов в актовом зале Московского университета, которое явилось отлично подготовленной «мозговой атакой», обрушившейся на закрытые зоны и события истории советского государства. Многое мне тогда пришлось услышать впервые, например, о новочеркасском расстреле, о депортации чеченцев в 1944 г. Это и другие подобные собрания, в которых я участвовала как делегат от коллектива Института славяноведения и балканистики, слой за слоем снимали в моей голове представления, устоявшиеся за годы «плавания» в водах марксистской идеологии. Новое воспринимала с радостью, хотя была уже «дамой в возрасте». В Москве один за другим проходили многотысячные митинги в поддержку демократии, и я в них непременно участвовала. Никогда не забуду внутренний восторг, когда я, стоя у дверей Манежа, видела перед собой площадь, запруженную счастливыми людьми вплоть до самой гостиницы «Москва». Играло солнце, небо было синее, а над площадью неслось: «Эх, дубинушка, ухнем...». Обманчивый восторг — сиреневый туман, возносящая эйфория, скажете

вы. Да, согласна, но я счастлива, что переживала это восторженное чувство, что такое было в моей жизни. Эх, Лужков, Лужков! Такую площадь, такой плац испортил!

«Перестройка» оказалась делом серьезным и в личном плане. Надо было перенастраивать не только разум, но и профессиональный инструментарий, навыки работы. По существу учиться заново. На это нужно было время — года два я вообще ничего не писала, подбиралась к тому, чтобы полностью освободиться от идеологических штампов, чтобы из-под моего пера могло выходить только то, что думаю сама. Не знаю, совсем ли мне это удалось. Время покажет.

С. О. Шмидт

Слова признательности

Сотрудником Института я стал лишь в 2001 г. будучи уже (с 1986 г.) главным научным сотрудником РАН, где работаю с конца 1956 г. Но с 1968 г. руководил коллективом сотрудников Археографической комиссии, изначально находившихся в штате Института славяноведения. Поэтому мои представления о прошлом и настоящем Института в большей мере не воспоминания очевидца, а взгляд как бы со стороны.

Прежде всего, испытываю ощущение признательности его руководителям и коллективу, с годами все укрепляющееся, и неизменное преклонение перед мудростью и прозорливостью основателя и первого председателя Археографической комиссии академика Михаила Николаевича Тихомирова, избравшего именно этот академический институт местом работы организованной им в апреле 1956 г. Комиссии. И особенно приятно было услышать на Тихомировских чтениях 1996 года, посвященных 40-летию Археографической комиссии РАН, слова директора Института В. К. Волкова, отметившего, «что все 40 лет сотрудничества» Института с Комиссией «были чрезвычайно плодотворными и что М. Н. Тихомиров не ошибся, доверив свое «детище» существовавшему тогда еще только 10 лет институту¹. И мы — сотрудники Комиссии — радуемся и гордимся тем, что схожую мысль формулировали, приветствуя Комиссию в день празднования ее 50-летия на заседании совместном с Отделением историко-филологических наук в 2006 г. и академик-секретарь Отделения А. П. Деревянко и нынешний директор Института К. В. Никифоров.

¹ Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 3.

М. Н. Тихомиров, задавшись идеей возродить Археографическую комиссию, размышлял не только о программе ее деятельности, но и о возможностях практической реализации планируемой программы, а, следовательно, и об условиях работы создаваемого подразделения Академии наук, о его будущем. М. Н. Тихомиров был в ту пору академиком-секретарем Отделения исторических наук, членом Президиума Академии наук, следовательно, имел возможность выбора института, к штату которого целесообразнее всего «приписать» сотрудников Комиссии. Ознакомившись с системой работы институтов возглавляемого им Отделения Академии наук, М. Н. Тихомиров счел за благо ориентироваться именно на Институт славяноведения, где и сам стал штатным сотрудником с 1957 г. Можно полагать, что М. Н. Тихомиров учтивал не только проблематику научной деятельности Института, но и характер взаимоотношений с руководящими партийными и государственными учреждениями. М. Н. Тихомиров более всего думал о выявлении, описании и изучении рукописных материалов исследуемого им самим периода истории, т. е. допетровской Руси и, вероятно, сразу же намерен был начать подготовку «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг». А это — сфера научных интересов и историков, и филологов. И лишь в одном институте Отделения исторических наук много и в плановом порядке занимались проблемами филологии. Более того, филологи могли — в отличие от историков тех лет — сравнительно беспрепятственно ориентироваться на изучение средневековых памятников церковного происхождения и религиозного содержания, которые, как понимал М. Н. Тихомиров, составят основной массив рукописей «Сводного каталога» древней книжности и возможных находок организуемых по его почину археографических экспедиций. Учитывалось, можно думать, и то, что на Руси бытовали рукописи южнославянского происхождения, и культура народов славянского мира и Византии у истоков древнерусской письменности и литературы.

Нельзя было не думать в то время и об обеспечении допустимых форм независимости от вмешательства в работу высших партийных органов. Институт истории всегда находился под особым надзором самого ЦК партии: контролировали работу всех его секторов, да и руководители института подчас стремились демонстрировать показательную активность в про-

ведении партийной линии. В Институте славяноведения внимание ЦК было сосредоточено на тематике периода нового и особенно новейшего времени в истории и культуре стран социалистического лагеря. К тому же, с властным и инициативным директором Института истории А. Л. Сидоровым у М. Н. Тихомирова отношения не складывались. И в то же время были не близкие, но благожелательные отношения с директором Института славяноведения П. Н. Третьяковым. Давние взаимоуважительные отношения были и с С. А. Никитиным: еще в довоенное время они подготовили к печати первый учебник по источниковедению отечественной истории (Тихомиров написал том об источниках до XIX в., Никитин — том по XIX в.); в годы моей аспирантуры на истфаке МГУ (в 1945—1946 гг.) научный руководитель М. Н. Тихомиров просил именно С. А. Никитина стать куратором моей темы по XIX в. Определенная эмансирированность проявилась и в том, что сотрудники Археографической комиссии — члены партии, изначально оказались в партгруппе Отделения общественных наук Президиума Академии наук, где их научной работой мало интересовались. В итоге Комиссия сформировалась как «самостоятельное подразделение в структуре Института»¹, что нашло отражение и в книге, посвященной 50-летию, Института славяноведения и балканистики, где «Список научных сотрудников» Комиссии опубликован отдельно².

Как теперь становится все яснее, это создало особо благоприятные условия для творческой деятельности сотрудников Комиссии и для меня, когда я был утвержден ее руководителем. Ставший после кончины М. Н. Тихомирова (2 сентября 1965 г.) председателем Комиссии член-корреспондент В. И. Шуников, будучи также директором ФБОН и заместителем академика-секретаря Отделения, к работе Института славяноведения вовсе не имел касательства. Я считал своим долгом поддерживать деловые контакты с дирекцией Института, но сам оставался в штате и на партучете в Институте истории СССР. Это обеспечивало достаточную свободу действий и самостоятельность работы и руководимого мною коллектива, и моей личной. И, хотя я не мог получать жалование руководителя под-

¹ Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 39.

² Там же. С. 363—370.

разделения и до установления категорий у меня была ставка рядового доктора наук, не шел на предложения дирекции Института истории СССР повысить мне зарплату, если соглашусь на перевод Комиссии в штат этого института. Тем самым удалось избежать присутствия на заседаниях дирекций обоих институтов (и, соответственно, участия во всяком виде «разборках») и заниматься преимущественно тем, что казалось привлекательным как ученыму.

В Институте славяноведения поддерживали на заседаниях Ученого совета подготовленные в Комиссии издания, считались с нашими пожеланиями при подборе кадров. Сотрудники Института помогали и помогают в создании «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг» (прежде всего А. А. Турилов, ранее бывший в штате сотрудников Комиссии). В. А. Дьяков принимал действенное участие в работе редколлегии «Археографического ежегодника», в организуемых Комиссией конференциях. Научная работа Комиссии воспринималась как достойная особого внимания часть большого комплексного плана научной деятельности Института¹. И потому были все основания во вступительном слове на упоминавшихся уже Тихомировских чтениях к 40-летию Комиссии сказать: «Особо нужно отметить поддержку со стороны руководителей Института славяноведения и балканстики, уважительное и заинтересованное отношение к работе сотрудников Комиссии, сохранение в штатах преданных делу работников высокой квалификации, достигших пенсионных лет, и в то же время поддержку наших просьб о пополнении штатов Комиссии молодыми сотрудниками. И приятно и почетно видеть здесь директора Института В. К. Волкова, который пришел на собрание ветеранов и друзей Комиссии².

Став по настоянию болгарского академика Н. Тодорова представителем СССР в Международном центре информации об источниках истории Балкан и Средиземноморья (CIBAL-CИБАЛ) при ЮНЕСКО, членом его Бюро и председателем Комиссии по описанию рукописей, участвуя во многих международных конференциях и заседаниях (в 1976—1991 гг.),

¹ См.: Черных В. А., Шмидт С. О. Работа Археографической комиссии за 40 лет (1956—1996) // Институт славяноведения и балканстики... С. 269—282.

² Археографический ежегодник за 1996 год. С. 7.

я мог убедиться, как уважительно относились зарубежные коллеги к трудам ученых Института. Явственно ощущал это и на международных конгрессах славистов, и на конференции «Историография на переломе эпох» в Варшаве в 1995 г.

Когда в начале уже нынешнего столетия стала труднопереносимой мешавшая творческой деятельности атмосфера, созданная в Институте российской истории, из-за действий директора и его заместительницы, и я, как и некоторые другие научные сотрудники (в их числе и член-корреспондент РАН С. М. Каштанов, ставший с 2002 г. председателем Археографической комиссии), предпочел покинуть институт, то просил перевести мою ставку в Институт славяноведения. Здесь я смог еще в большей мере почувствовать благоприятность его микроклимата для научной работы. И очень согрели душу слова директора Института В. К. Волкова на заседании в апреле 2002 г. в день моего 80-летия (отмечавшегося в здании Мэрии на Новом Арбате), хотя и сознавал, конечно, красоту преувеличения, свойственного юбилейному приветствию: «Обычно в такие дни мы что-то дарим юбиляру, но в этот год, в 80-й год своей жизни, Сигурд Оттович сделал подарок Институту, где долгие годы, возглавляя Археографическую комиссию, не был сотрудником, а с этого года стал сам его сотрудником...»¹

Как говорится: «Здесь мой причал». И мне покойно от того, что пока остаются силы для работы в наследственно близкой мне Академии наук, могу ощущать себя сотрудником именно Института славяноведения. Душевная признательность тем, кто помогает мне в мои годы сохранить творческий потенциал.

¹ Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 291.

*С уважением и любовью
(шприхи к портфелам)*

Тех, кого уже нет с нами, вспоминают...

Г. П. Мурашко

Иван Александрович Хренов

Далекий 1957 год... Я уже не наивно-восторженная выпускница истфака МГУ образца 1954 года, а вполне серьезная аспирантка-заочница Института славяноведения АН СССР с трехлетним трудовым стажем работ на ниве народного проповедования. Сданы кандидатские минимумы, определена тема диссертации по новейшей истории Чехословакии. Осталось только одно — перевестись в очную аспирантуру. В этот переломный момент моей трудовой жизни и состоялось знакомство с заместителем директора Института славяноведения Иваном Александровичем Хреновым.

С дрожью в коленках, держа в руках заявление о переводе в очную аспирантуру, я вошла в кабинет и увидела спокойного, седовласого человека с очень простым, крестьянским лицом. Он заговорил, сильно по-волжски «окая», и это меня как-то сразу успокоило и расположило к нему. Ведь я сама, прожив в Москве почти десять лет, никак не могла избавиться от своего ивановского «окающего» говорка. Страх сразу же пропал, и я рассказала о своих проблемах. Расспросив о планах, о семейной жизни, узнав, что я замужем, а муж служит в ГДР, Иван Александрович от моих планов в восторг не пришел, но ласково утешил: «Ничего...врозвь поживете, а летом к мужу поедете, если только в колхоз не пошлем». Я поняла, что получила «доброе» на свою просьбу, выскочила из кабинета, решив как можно меньше попадаться на глаза начальству, дабы избежать колхоза.

Постепенно, обживаясь в Институте, я поняла, что «поездки в колхоз», «походы на овощную базу» — это объективная реальность научной жизни в 50—70-х годах XX в. Но что больше

всего меня тогда удивило, так это активное участие Ивана Александровича в названной «объективной реальности». Уж очень он естественно смотрелся на фоне деревни Окаемово, когда, почти как Л. Н. Толстой, ходил за плугом, выкапывая из борозды картошку, а мы с корзинами собирали ее и складывали в бурты.

Крестьянская работа была привычна для него с детства. Он был выходец из деревни. Его отец, как он сам говорил, занимался хлебопашеством. Иван Александрович представляя то поколение русских крестьян, которому Октябрьская революция и советская власть предоставили шанс изменить социальный статус, открыв возможности к образованию. В 1924 г. восемнадцатилетним пареньком он поступил в Костромскую губсовпаршколу, окончив ее, работал учителем в железнодорожной школе, был директором школы. А в 1933 г. поступил в Коммунистический университет общественных наук, который через год был слит с Московским Институтом истории, философии и литературы, знаменитым ИФЛИ, ставшим до войны главной кузницей советской гуманитарной интелигенции. Иван Александрович выбрал своей специальностью историю. По окончании ИФЛИ в 1938 г. он был зачислен в аспирантуру. В апреле 1941 г. сдал последний кандидатский минимум, а в июле он уже в рядах действующей армии — политрук роты прожекторного полка Московского военного округа.

Много лет спустя, когда коллектив нашего Института готовился отмечать 30-летие Победы, мы попросили Ивана Александровича выступить перед молодыми сотрудниками Института. Он согласился. В ходе беседы ему задали вопрос: «Какой был самый страшный момент в Вашей фронтовой жизни?». Вопрос, может быть, не очень корректный... Но искренний ответ Ивана Александровича произвел на меня очень сильное впечатление. Я попробую его воспроизвести как можно точнее. Он не сразу начал говорить. Постоял, подумал, а потом не громко сказал: «Пожалуй, летом 1942 года, когда я служил в зенитных войсках под Сталинградом и был парторгом дивизиона. Мужиков в части было немного... в основном девушки лет 18—20, считалось, что мы находимся в тылу. И вот среди бела дня (я не помню какое число он называл) мы увидели, что прямо на наши позиции ползет колонна немецких танков... Черт их

знает, откуда они могли здесь взяться, фронт-то вроде бы далеко... Командир приказал опустить зенитки, и мы стали прямой наводкой расстреливать эти танки... Вот тогда было страшно. Страшно, что пропустим их». Потом он помолчал и добавил: «В этом бою я и поседел». Это все было сказано как-то просто, без всякого пафоса. Это его выступление стало для меня, пожалуй, первым «приоткрытием» истинного характера Ивана Александровича Хренова. Ведь я, как многие мои ровесники в Институте, воспринимала его как человека добродушного, благожелательно расположенного к людям, может быть, даже не всегда сразу улавливавшего «козни» своих научных оппонентов. Он являлся для нас любимым персонажем «капустных» сюжетов, поскольку не обижался на «подкусывания» институтских юмористов и терпеливо сносил их шутки. Одну из таких шутливых «од» пришлось читать и мне, где-то в начале 1960-х годов.

Да! Есть справедливость!
Бессмертна она !
Признали заслуги и Льва Кишкина:
Как он докладную в дирекцию нес,
И как на дирекции ставил вопрос...
А замдиректор на вопли его
На «о» отвечал: «Не провел ничего!»

Будучи с 1963 по 1969 г. директором Института, он не изменил ни формы поведения, ни принципов общения с коллегами. Доброжелательность, демократизм и открытость в общении со всеми от доктора наук до аспиранта (члены-корреспонденты и академики в коллективе только еще вызревали) — вот, пожалуй, самые запомнившиеся мне главные показатели директорства Ивана Александровича.

Общаясь с ним, главным образом по общественной работе (это было уже после того, как он сдал бразды правления Институтом Д. Ф. Маркову), я поняла, что он, как коммунист, придерживается своих, четко определенных им принципов в отношении выполнения разного рода указаний партийных инстанций, которые сыпались на наши головы в те годы весьма обильно. Вспоминаю такой случай. Начало 1970-х годов. Райком партии добивался от нас в срочном порядке подачи

индивидуальных планов политического самообразования коммунистов на пятилетний срок. Воспитанная многолетним «идеологом» партбюро Л. Я. Гибианским в духе «какую бы ложу райком ни требовал, все нужно выполнять точно и в срок», я разлетелась к Иван Александровичу, который был руководителем методсеминара институтских пропагандистов.

Изложила ему суть требований райкома. Он посмотрел на меня спокойно и совсем негромко проговорил: «И-и, Галина Павловна, да пошлите Вы их на... (адрес им был сформулирован чисто по-русски). Если мы будем выполнять все их указания, то нам и работать-то будет некогда».

Сказать, что я оторопела от такого ответа, это значит — ничего не сказать! Минут пять я приходила в себя от изумления точностью его формулировки. Потом пошла убеждать кого-то из членов партбюро в нереальности составления этих планов.

Сейчас, когда я вспоминаю об И. А. Хренове, мне приходит мысль, что, может быть, этот человек, ставший коммунистом в 1927 г., своей крестьянской мудростью и богатым жизненным опытом уже тогда, в начале семидесятых понимал, что бумажками о перспективах политпросвещения развалившуюся систему уже вряд ли можно спасти... Он был совсем не так прост, как казался...

Иван Александрович ушел из жизни 15 августа 1975 г., не много не дожив до 70 лет. Я была среди тех, кто провожал его в последний путь. На поминках его однокашники из ИФЛИ открыли еще одну тайну поведения этого человека в критических ситуациях. Они рассказали, что во время массовых репрессий 1937—1938 гг. Иван Александрович, являясь секретарем парторганизации ИФЛИ, буквально спас им жизнь, предупредив о возможном аресте и настояв на том, чтобы они исчезли из Москвы.

Вот таким Человеком был наш Иван Александрович Хренов.

М. Ю. Досталь

Из воспоминаний об И. С. Миллере и В. А. Дьякове

Уже почти 40 лет неизменно связывают меня с Институтом славяноведения. Попасть в него было престижной мечтой любого выпускника-слависта. Сюда и привел меня почти за руку после окончания МГУ с красным дипломом тогдашний зав. кафедрой истории южных и западных славян, добросердечный И. А. Воронков. Моим научным руководителем по аспирантуре стал известный полонист, доктор исторических наук Илья Соломонович Миллер (1918—1978). Окладистая с проседью борода, добрые с хитринкой, проницательные голубые глаза (он чем-то напоминал портрет Карла Маркса) — таким предстал он передо мной в далеком 1970 году. Он произвел на меня неизгладимое впечатление мощью своего интеллекта, энциклопедичностью познаний, какой-то человечной житейской мудростью. Я пришла в аспирантуру с готовой темой, которую мне посоветовала разрабатывать руководитель моего диплома на кафедре, профессор МГУ Л. П. Лаптева. Тогда исследования в области истории отечественного славяноведения, одним из пионеров которых была Людмила Павловна, только начинались. О деятельности героя моего диссертационного «романа» — И. И. Срезневского, выдающегося слависта XIX в., знали исключительно филологи. Тем не менее, не было ни одного «тонкого» вопроса по истории чешского и словацкого национального возрождения, по истории российского славяноведения, которого нельзя было бы обсудить и разрешить с моим научным руководителем, получая от него новый импульс к работе. Он учил меня мыслить широко, рассматривать конкретное историческое явление в широком историческом контексте.

Позднее, когда после окончания аспирантуры я была принята на работу в сектор Новой истории Центральной Европы под руководством И. С. Миллера, я не раз являлась наблюдателем и имела возможность сама участвовать в регулярных многочасовых заседаниях, на которых интересно обсуждались работы сотрудников сектора и особенно главы капитального двухтомного коллективного труда «Освободительные движения народов Австрийской империи», вышедшего в свет в 1980—1981 гг. К работе над трудом были привлечены многие сотрудники не только нашего сектора, но и других подразделений Института. Процесс подготовки труда проходил в рамках комплексного институтского проекта «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры» и был новаторским по замыслу и исполнению. К сожалению, сам И. С. Миллер немного не дожил до завершения проекта. Отмечу, что на многолюдных заседаниях сектора царила демократичная атмосфера, здесь каждый мог высказать свое мнение и поучаствовать в дискуссии. И. С. Миллер умел мастерски подводить итоги обсуждения — из многочисленных, подчас хаотичных суждений он выводил стройную картину исторического явления, подавая его подчас в неожиданном ракурсе, высказывая свежие, неординарные, будящие воображение мысли, даже оставаясь в рамках марксистской методологии. Он всегда выступал генератором новых идей, был гениальным импровизатором, щедро делился своими мыслями, многим историкам дал путевку в жизнь и поддерживал в испытаниях судьбы, но... не любил оформлять свои мысли на бумаге, что стало особенно заметно в последние годы жизни ученого.

Как самая молодая сотрудница сектора я в полной мере прошла все стадии «эксплуатации» технического работника, бытовавшей тогда в нашем Институте. Меня назначили техническим секретарем сектора, и я вела всю его документацию, выполняла всю техническую работу по названному коллективному труду, меня в первую очередь посыпали на ежегодные субботники, я регулярно отбывала осенне-весеннюю повинность на овощной базе. Одновременно меня избрали секретарем комсомольской организации Института... Словом, мне было просто некогда дорабатывать свою кандидатскую диссертацию и заниматься научной работой.

Ситуацию спас доктор исторических наук Владимир Анатольевич Дьяков (1919—1995), авторитетный полонист, формировавший тогда сектор историографических и источниковедческих проблем. Тема моей диссертации «И. И. Срезневский и его роль в развитии русско-чешских научных и культурных связей в 40—70-е годы XIX в.» как нельзя лучше вписывалась в проблематику нового сектора. Не скрою, мне тяжело было переходить из подразделения Миллера в женский коллектив, который достался Дьякову по наследству от сектора научно-политической информации, руководимого прежде И. М. Шептуновым. Наследство было тяжелое: первоначально никакой научной работы не проводилось, сотрудницы бывшего сектора вели беседы исключительно о сугубо «дамских» проблемах, что мне было странно слышать после насыщенной научными спорами жизни сектора Миллера. Поэтому я горячо поддержала В. А. Дьякова в его стремлении создать научный коллектив с перспективной тематикой, воспитывать молодые научные кадры. Для этого он начал приглашать докладчиков, проводить Историографические чтения (я много лет была их ученым секретарем), определил конкретную научную задачу каждого работника и требовал ее выполнения. Постепенно сектор освободился от ненаучного «балласта», в него влились новые ученые силы, и мы зажили полноценной творческой жизнью. В. А. Дьяков явился в Институте основоположником нового направления — истории славяноведения. Благодаря мудрой кадровой политике и исключительным организаторским способностям ученому в короткий срок удалось наладить выпуск сборников по отечественной и зарубежной историографии, издание уникальных библиографических словарей «Славяноведение в дореволюционной России» (1979) и «Славяноведение в СССР» (1993). Под эгидой сектора создавался капитальный труд по истории славяноведения «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян» (1988). Все эти, подчас дерзкие, грандиозные планы неизменно реализовывались, и сектор занял достойное место в научной жизни Института.

Мне лично В. А. Дьяков очень помог в завершении диссертации: «подтолкнул» к скорейшему оформлению текста и осуществил его редактирование. Именно в его научном подразделении я почувствовала себя самостоятельной научной силой,

участницей серьезных проектов. В. А. Дьяков в отличие от И. С. Миллера был, прежде всего, трудолюбивым писателем, автором многих монографий и статей. В моем представлении, его ум отличался практическим складом, а в теории он скорее следовал канонам марксизма, чем выступал «генератором новых идей». В своих трудах и дискуссиях он ревностно защищал сложившиеся концепции, например, о выдающейся роли революционных демократов в общественной жизни и общественной мысли, о кризисе в отечественной науке в канун Октябрьской революции, о позитивной линии развития славяноведения в 20—30-е годы XX в., о негативной роли белой эмиграции межвоенного периода в истории славистики и пр. Важно заметить, что последовательно защищая свои убеждения, он был демократичен: никогда не унижал оппонентов и уважал право молодых сотрудников мыслить самостоятельно. В годы «перестройки» и особенно после 1991 г. В. А. Дьяков заметно пересмотрел многие свои взгляды, дав свободу научному творческому.

Такими остались мои институтские научные руководители в моей памяти. В своей душе я храню им вечную благодарность, они, каждый по своему, помогли раскрыться моим научным и организаторским способностям, учили житейской мудрости, освещали жизненный путь своим личным благородством, преданностью любимому делу. Именем И. С. Миллера я назвала своего сына, родившегося в год смерти Учителя.

М. А. Бирман

В. Д. Королюк. Эскиз к портрету

Сектор истории средних веков в Институте славяноведения в течение многих лет возглавлял ученик В. И. Пичеты В. Д. Королюк. После его кончины ежегодно проводятся чтения памяти В. Д. Королюка. Важнейшей особенностью этих чтений является участие в них ученых (и не только столичных) разных специальностей в обсуждении заранее избранного, строго очерченного круга назревших проблем, и элемент «создательства» — то, к чему стремился В. И. Пичета и его ученики по «пичетнику»; едва ли не первым из них был В. Д. Королюк.

Впервые я повстречался с Владимиром Дорофеевичем Королюком в довоенные годы в Московском университете, где мы оба учились на историческом факультете. Мы были погодками, студентами разных курсов, и я мало знал его в ту пору. Общее впечатление о Володе тех лет: он казался мне, да и многим другим однокашникам, баловнем судьбы, острословом, жизнерадостным, озорным и дерзким пересмешником.

Позднее, в конце войны и в послевоенные годы, мы часто общались на заседаниях сектора славяноведения Института истории АН (ядро будущего Института славяноведения) и на «посиделках» на дому у нашего общего неформального научного руководителя незабвенного Владимира Ивановича Пичеты. Володя был его любимым учеником.

Тогда перед нами раскрылся уже несколько иной Королюк. Проницательный и ироничный его ум, как и раньше, молниеносно подмечал смешное и банальное. По-прежнему он блестал, беспрерывно сыпал каламбурами и остротами, иногда и непочтительными по отношению к влиятельным лицам. И вместе с тем это уже был быстро растущий серьезный уч-

ный-исследователь значительного диапазона, один из самых ярких талантов нашего поколения. Его глубоко интересовали не только вопросы истории и культуры западных и южных славян, всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Привлекали его внимание история и культура восточноевропейского славянства (России, Украины и Белоруссии), а также и европейского Средневековья в целом.

Лишенный догматизма, поразившего многих из нашего поколения, он обладал могучей фантазией. Она была, пожалуй, доминантной чертой его даровитой натуры и бесспорно помогала ему в науке. В своих выступлениях на заседаниях, в беседах в узком кругу и в публикациях Королюк часто поражал оригинальными построениями и гипотезами, неожиданными, нетривиальными, подчас парадоксальными наблюдениями и суждениями. Здесь не место оценкам его многоплановых и основательных исследований. К тому же, об этом сподручнее высказаться специалисту.

Широкая и благожелательная натура Королюка, подлинный размах его познаний и гибкого, находчивого и изобретательного ума в наибольшей мере раскрылись, когда он стал руководителем сектора славяно-германских отношений, одним из самых авторитетных членов Ученого совета. Много лет я был сотрудником «королюковского» сектора и одновременно работал с ним в редакции «Кратких сообщений» Института. В эти годы мы особенно часто общались: я захаживал к нему домой. Пару раз и он бывал у меня, на днях рождения. Но изначально предпочитал приглашать друзей и знакомых к себе, ибо был, в известной мере, стеснительным и дома чувствовал себя комфортнее.

Восхищала его органична и доброжелательна, я бы сказал высокоинтеллигентная манера ведения научных заседаний, и особенно его завершающее резюме. Часто это были своего рода образцы лаконичного анализа историографической ситуации обсуждаемой темы, сопровождаемые меткими и остроумными экспромтами в оценке мнений выступавших, и оригинальными заключениями, подводящими итог дискуссии. На его резюмирующие высказывания подчас собирались сотрудники и иных секторов. А иногда приходили «на огонек» и из других институтов.

Человек толерантный, Королюк был готов к полемике и в серьезном диспуте, и на научных сборищах, и в доверительной беседе, и в застольях, которые он любил (к сожалению, иногда чрезмерно). Он быстро находил слабые места в аргументах оппонентов.

Яркая и колоритная фигура, разносторонние интересы «Дорофеича» (как мы его часто именовали в дружеском общении) привлекали не только друзей и коллег. Его большая увлеченность собиранием картин, эксплибисов, монет, «писаниц», рушников, монографий по изобразительному искусству и просто редких книг и иных раритетов притягивали разнотипных коллекционеров, людей разных слоев и интересов, приезжавших к нему из других городов и республик.

Открытость и контактность Владимира Дорофеевича были почти безграничными. Обладая сильно развитым чувством юмора, как правило, веселый и жизнерадостный, он легко вступал в общение с посторонними и случайными людьми иного интеллектуального уровня и быстро находил общий язык. Обаяние «Дорофеича» сказывалось и в том, что он очаровывал людей «разномастных». Некоторые из них тянулись к нему из эгоистических, карьерных соображений. Но и они подчас оказывались плененными его щедрой и широкой натурой.

Однажды, отдыхая на турбазе Дома ученых (речь идет о периоде после смерти В. Д.), я познакомился с одним человеком — типичным «технарем». В случайному разговоре выяснилось, что у него есть друзья, знавшие Королюка. И разговор наш, до того вяло текущий, приобрел неожиданно новые краски. «Виновником» был исключительно «Дорофеич». Обаяние его личности подействовало даже спустя много лет после кончины. Таким остается Владимир Дорофеевич Королюк в моей памяти.

А. Ф. Носкова

В. М. Турук-Попов, каким я его помню

В конце июня 1961 г. я впервые перешагнула порог Института славяноведения АН СССР, где тогда работала моя приятельница и «одногруппница» по университету Т. Ю. Григорьянц. Она и привела меня в Институт. Мне, выпускнице кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и ученице профессора И. М. Белявской, крупнейший советский полонист — В. Д. Королюк предложил продолжить специальное образование в аспирантуре Института, и заняться изучением польско-германских отношений в XX веке. Предложение было совершенно неожиданным, потому что в моих жизненных ближайших планах была не аспирантура, а выхаживание только что родившегося сына. Нравилась и моя работа младшим научным сотрудником в Особом архиве, где хранились так называемые трофеиные, в том числе и польские документы. То было время, когда после XX съезда КПСС происходила массовая реабилитация невинно осужденных и расстрелянных людей. Моеей служебной обязанностью было на основании документов архива подтвердить принадлежность к польскому коммунистическому движению и другим левым организациям репрессированных в СССР граждан довоенной Польши. От этой работы, наверное, отчасти, но зависело восстановление их доброго имени и, что было в высшей степени важно для пожилых и нездоровых людей, их прав на пенсию и столь значимые в СССР социальные льготы. Я испытывала удовлетворение тогда, когда мне удавалось им помочь. Тем не менее, мысль об аспирантуре и новой научной работе «засела» в голове. Меня поддержали мои близкие, и я решилась на встречу с Владимиром Дорофеевичем.

Пришла в Трубниковский переулок, д. 30-а. Мне сказали, что Королюк выступает на заседании Ученого совета, и предложили подождать в совершенно изумительном холле с колоннами, ковром на натертом полу, старинными ручками на станичных дверях в научные сектора, красивой люстрой, большим круглым столом и располагающими к беседе диванами. После моего Архива, где «правил» полковник МВД—МГБ, я попала в другой мир. Потрясение и удивление было еще большим, когда из зала вышел и направился ко мне профессор Королюк. Для меня профессор — это С. Д. Сказкин, А. Г. Бокшанин, Д. Г. Редер, С. А. Никитин и, конечно, Б. А. Рыбаков, рисовавший карту Европы нам, первокурсникам, на самой первой в нашей студенческой жизни лекции. Но Королюк совсем другой. Довольно длинные волосы, в прокуренных пальцах сигарета, распространенная в те годы ковбойка в краснобежевую клеточку, китайские хлопковые брюки и парусиновые тапочки. Я онемела и на вопрос «будете поступать в аспирантуру» ответила «не знаю». «А кто знает?», — спросил Владимир Дорофеевич и притом улыбался, чем вернул меня на греческую землю. Мы договорились о подготовке к сдаче экзаменов, и я засела за книжки. Экзамены принимали Илья Соломонович Миллер, Александр Харitonovich Клеванский и Анна Ивановна Виноградова. Не помню, было ли мне страшно отвечать, я всегда хорошо и легко училась, но мои экзаменаторы, как я сейчас понимаю, были снисходительны и приняли меня в аспирантуру.

Наш сектор славяно-германских отношений «жил» тогда на втором этаже особняка в Трубниках в малиновенькой комнатке, которую называли «щелью» и «королюшником». Коллектив был относительно небольшой и довольно отчетливо делился на две части: «остепененные» ученые старшего поколения (Королюк, Владимир Михайлович Турок-Попов, Надя Ратнер, Анечка Виноградова, Михаил Абрамович Бирман) и мы — молодежь с разницей в возрасте в 3—5 лет, младшие научные сотрудники и аспиранты — Володя Волков, Саша Рогов, Боря Флоря, Таня Воздвиженская, Таня Григорьянц, я, и самая молодая и самая обворожительная Наташа Захарьина. Довольно быстро «спелись» и добросовестно и, с научной точки зрения, честно выполняли начертанное свыше, строго говоря, политическое задание — изучали германский Drang nach Osten и западногерманский реваншизм. Мне было уютно по-человечески и интересно профессионально.

Со своим научным руководителем Владимиром Михайловичем Турок-Поповым мы познакомились только поздней осенью 1961 года, потому что он был в длительном отпуске. Первую встречу с ним помню отчетливо. Немного опоздала (сыну только полгода) и пришла тогда, когда в «щели» уже были сотрудники, и сидел для меня новый член коллектива: седая шевелюра, очки в черной роговой оправе, довольно яркий синий костюм, голубая рубашка, галстук и черные четки с крестом. Это и был Владимир Михайлович, мой следующий после Ирины Михайловны Белявской учитель и защитник. Он, как мне показалось старый, 58 лет, человек, встал (!!!), когда знакомился со мной. Мне была предоставлена полная научная свобода, и позднее, когда я поделилась с ним моими сомнениями по поводу предложенной мне темы диссертации, была спокойно выслушана и понята.

Постепенно от коллег по Институту я узнавала о его прошлом: из купеческой семьи, видимо из выкrestов. В начале 1920-х годов учился в Венском университете. Был образованным и мыслящим человеком. Знал западные, прежде всего немецкий, и славянские языки. Тогда же в Австрии сблизился с коммунистической молодежью из балканских стран. Одно время был секретарем Г. Димитрова и членом компартии Австрии. Никогда не был в рядах ВКП(б), по крайней мере официально. После возвращения в СССР работал в Крестьянском Интернационале, где встретил свою судьбу — Коку Александровну Антонову, будущего известного советского индолога. Кока Александровна происходила из семьи российских «старых» большевиков. В годы сталинских репрессий пострадала ее мать, сама К. А. была выслана в Казахстан. За ней добровольно уехал и Владимир Михайлович. Этим поступком он, возможно, избежал репрессий, а, может быть, и сохранил себе жизнь. Когда они возвратились в Москву, за ним закрепилось шутливое имя «муж-декабрист». Он был преданным мужем, «головой» в семье и опекал свою экзотическую жену. К. А. скончалась 3 февраля 2007 г. на 97-м году жизни, на четверть века пережив своего мужа.

Владimir Mихайлович являлся, строго говоря, специалистом по истории Австрии и международным отношениям XX века. Книги этого независимого человека никогда не были подчинены политической конъюнктуре, поэтому, будучи ав-

тором уже нескольких фундаментальных монографий и доктором наук, он оставался младшим научным сотрудником Института истории АН СССР и, если не ошибаюсь, получил должность старшего научного сотрудника (других тогда не было) только перейдя в 1961 г. в Институт славяноведения.

В нашем, по тем временам, необыкновенно демократичном Институте, как мне кажется, Владимиру Михайловичу было уютно и свободно, хотя доподлинно знаю, что доносы на него писали. Он мог рассказывать байки о том, например, как в Вене бонна детей в семье революционеров Троицких учила Сталина немецкому языку и переводила ему Брюнскую программу по национальному вопросу. После этих «занятий» и родился сталинский «Марксизм и национальный вопрос». Помню другое. В середине 1970-х годов шли оживленные дискуссии у нас в стране и в странах-союзницах о природе фашизма, социальной базе и устойчивости фашистских и авторитарных режимов. Однажды В. М. пришел на Ученый совет (или на обсуждение какой-то работы?) с томиком из собрания сочинений Сталина. Держа томик под мышкой, а четки в руке, он рассказал собравшимся о том, что сразу после прихода Гитлера к власти в январе 1933 г. Сталин опубликовал в «Правде» статью, где предсказывал: фашизм продержится у власти в Германии не более двух недель. Об этом «предвидении», а в действительности невероятной политической близорукости вождя никто никогда не упоминал, а мое поколение его просто не знало. Таких «историй» в памяти Владимира Михайловича было множество. Он собирался написать книгу под названием «Улица Коминтерна», опубликовал несколько отрывков из нее, но так и не закончил работу над рукописью. Сейчас — это чемодан несистематизированных материалов, и те, кто видел его содержимое, утверждают, что сделать книгу, к сожалению, просто невозможно.

Общение В. М. в молодости с коммунистической эмиграцией в Австрии 1920—1930-х годов оказало немалое воздействие на его научные интересы и контакты не только в этой стране, но и во всех странах, как тогда говорили, народной демократии. Он притягивал к себе тех наших ученых, кто интересовался коммунистическим движением первой половины XX века. В Институте вокруг него всегда было много людей, и мне приходилось терпеливо ждать своей очереди, чтобы побеседовать.

Диссертацию я с помощью В. М. закончила в срок. На защите моей кандидатской диссертации в январе 1967 г. пришли его друзья. Тогда я не понимала, почему такое внимание к моей в высшей степени скромной персоне и рядовой работе. Потом только поняла, что в отзыве одного из оппонентов и на защите прозвучало замечание, которое рикошетом могло ударить не столько по мне, сколько по Владимиру Михайловичу. Он был в самых дружеских отношениях с А. Некричем, чью книгу «Июнь 1941» вскоре официально признали необъективной и крайне вредной идеологически. Не знаю, была ли эта дружба Турока и Некрича причиной того, что на стадии редакционной подготовки моей первой книги, ответственным редактором которой, понятно, был В. М. Турок-Попов, в издательстве «Наука» мне предложили другого редактора — А. Я. Манусевича. Помню, это было летом, шел проливной, очень холодный дождь. Позвонила В. М. и все рассказала. Он спросил о моем решении, я ответила, что отказалась от замены. Дословный ответ В. М. не сохранила память, что-то вроде «ну хорошо». Предпринял ли этот принципиальный и нередко язвительный, саркастичный человек (случай был подходящий) какие-то контрмеры или нет, не знаю, но больше вопрос о редакторе в издательстве не возникал.

Никогда не испытала на себе его раздражительности, не говоря уже о насмешке или колкости, хотя, конечно, делала какие-то ошибки. Отношение ко мне было необыкновенно ровным, спокойным, благожелательным. Бережно храню его книги с дарственной надписью и ободряющую записку, когда я долго болела.

Благодаря Владимиру Михайловичу я познакомилась с его друзьями в Польше — Целиной Будзынской и Зыгмунтом Травиньским. С Целиной Турок работал вместе в Крестинерне. Старые польские коммунисты, коминтерновцы, они прошли сталинские лагеря, все знали и все понимали, но не вознесли видели нас и нашу страну, принесшую им столько личного горя — потерю мужа и жены. В начале 1970-х годов, сторонники В. Гомулки, Целина и Зыгмунт, чудом уцелевшие при Б. Беруте (один из членов политбюро ЦК ПОРП просто разорвал донос на Целину), были уже не у дел. Они жили в маленькой квартирке в центре Варшавы. Меня удивила необыкновенная скромность, по сравнению с другими представителями поль-

ской и нашей номенклатуры тех лет, даже бедность их жилища. На почетном месте висел портрет Н. С. Хрущева. Он улыбался и крутил пальцем у виска. Благодаря этим друзьям Турока, я узнала разную Польшу, какой она остается и в наши дни.

Во второй половине 1970-х годов В. М. много и тяжело болел — у него была болезнь Паркинсона. Мы ездили с ним в Институт неврологии, где этот диагноз, видимо, и поставили. Последний раз мы виделись в мае 1981 г. Оба лежали в нашей академической больнице на одном этаже, и он приходил однажды ко мне в гости. Был уже плох разумом, но физически, как мне казалось, довольно крепок. Тогда я не думала, что очень скоро, в сентябре уже придется с ним прощаться в Институте на Трубниках.

Два года тому назад узкий круг друзей Владимира Михайловича и Коки Александровны собрался сначала в квартире Турока, потом у нас в Институте, чтобы отметить своими воспоминаниями его столетие. Пришли те наши коллеги, кто многие десятилетия по-человечески дружил с В. М. — Т. М. Исламов и В. К. Волков, и те, кто вошли в науку тогда, когда его уже не было на этом свете. Это, например, Гриша Шкундин. Основой такого уважения к памяти Турока стали не только книги и богатейшая библиотека Владимира Михайловича, но и возникшее у Гриши свое видение Турока как ученого и человека, а также желание помочь его почти беспомощной супруге. Спасибо тебе, Гриша! Если такое происходит, значит, человек оставил след на этой Земле.

Т. В. Волокитина

Мой учитель Любомир Борисович Валев

Ранней весной 1971 года нас, выпускников кафедры истории южных и западных славян пригласили на очередное заседание. Речь шла о самом важном — предстоящей защите дипломных работ и распределении. К тому времени уже не существовала практика обязательной для молодого профессионала трехлетней работы «по специальности», зато сложности с трудоустройством имелись в избытке. Посему нам было предложено самостоятельно подыскивать себе работу.

Я, увлеченная проблематикой болгарского национального возрождения, мечтала о дальнейшей учебе, но ни о какой конкуренции с однокурсником Геной Матвеевым и изумительно талантливым студентом-вечерником Борей Билуновым — первыми и достойными кандидатами в аспирантуру, конечно, не могло быть и речи. Значит, надо думать, где приложить свои силы. Вариантов пока никаких, «блата» тоже... С чувством уныния, хотя, по молодости лет, не особо глубокого, вышла на улицу. По дороге к метро вспомнила: мне передали, что просил позвонить И. В. Созин. Звоню. Иван Васильевич краток: «Работать собираетесь? Тогда срочно свяжитесь с М. Н. Кузьминым, он набирает молодежь. Узнайте, что к чему». (Михаил Николаевич Кузьмин возглавлял в то время Институт проблем национального образования в Академии педагогических наук, но мы, студенты, знали о нем как об историке-богемисте). Как выяснилось, в Институте требовались кадры для изучения истории школьного образования. Я попросила время для обдумывания.

И в тот же вечер (бывает же такое совпадение!) моя научная руководительница в Университете Людмила Васильевна Горина сообщила, что Л. Б. Валеву в Институт славяноведения ну-

жен болгарист: «Там издают какие-то документы... Связывайся срочно, Валев будет ждать звонка». Совету обожаемой мною Людмилы Васильевны я, разумеется, последовала без промедления. С Любомиром Борисовичем договорились о встрече. После этого звонок М. Н. Кузьмину. Михаил Николаевич потряс меня своим бескорыстием: «Если есть такая возможность, и думать нечего. Выбирайте Инслав». Через несколько лет, когда Кузьмин вернулся в наш Институт, я напомнила ему тот разговор. Михаил Николаевич засмеялся: «Сказал, как думал. А выбрали ты правильно».

Итак, впереди встреча с Любомиром Борисовичем Валевым, для меня, пятикурсницы, корифеем, безусловным авторитетом в нашей науке.

Пройдут годы, и мне, последней ученице Любомира Борисовича, доведется вместе с Леной Валевой писать о нем, но не только как об ученом, внесшем значительный вклад в становление и развитие отечественного славяноведения, в частности исторической болгаристики, но и как о человеке необычной судьбы¹.

Л. Б. Валев родился 21 декабря 1915 г. в Болгарии в г. Дупница, в семье учителей. Его отец Борис Валев (Вылев) был членом революционного комитета в г. Берковица. После подавления Сентябрьского восстания 1923 г. коммунист Б. Валев, как и многие другие руководители и активные участники событий, был заочно приговорен к длительному тюремному заключению, но ему удалось эмигрировать в Югославию. Вскоре за ним последовала жена с детьми. (Любомир Борисович вспоминал, как нездолго до отъезда ему, восьмилетнему мальчику, было поручено ликвидировать какие-то важные бумаги. Он пошел на речку, где рвал их на мелкие кусочки, бросал в воду, а при этом негромко пел «Интернационал». По-разному можно, особенно сейчас, относиться к этому, но искренний, эмоциональный порыв по существу еще ребенка, осознание им важности его действий вызывают уважение. Любомир Борисович навсегда сохранил яркие воспоминания о жизни болгарской политической эмиграции в Югославии. В их доме печатались нелегальные материалы, и нередко Любомира посыпали на улицу наблюдать, не идут ли агенты юго-

¹ См.: Валева Е. Л., Волокитина Т. В. Любомир Борисович Валев (1915–1981) // Новая и новейшая история. 2005. № 5.

славской полиции. В 1926 г. Борис Валев по решению ЦК Болгарской коммунистической партии направляется на партийную работу во Францию. Там он пробыл с семьей четыре года. Детские воспоминания Любомира Борисовича о Франции — это не только летние лагеря, организованные французскими коммунистами, друзья-товарищи из портовых кварталов Гавра и рабочих предместий Парижа, но и помошь отцу в его нелегальной работе, распространение издания Балканской коммунистической федерации — газеты «*La fédération balkanique*» и других материалов.

Решающую роль в жизни Л. Б. Валева сыграл приезд семьи в 1930 г. в Советский Союз, ставший для него второй родиной. В Москве в 1935 г. Л. Б. Валев окончил школу-десятiletку и поступил на исторический факультет Московского государственного университета. Занимаясь в семинарах известных советских ученых В. М. Хвостова и Л. Н. Иванова, он много внимания уделял изучению истории дипломатии и международных отношений и одновременно начал серьезно заниматься историей Болгарии. Такое сочетание оказалось весьма результативным: студенческие исследования легли в основу дипломной работы «Болгария в Балканских войнах 1912–1913 годов». По окончании университета в 1940 г. Л. Б. Валев работал в качестве старшего научного референта Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. Здесь он написал ряд статей по проблемам международных отношений и мировой экономики.

Но уже через год началась Великая Отечественная война. По признанию самого Любомира Борисовича, война стала одним из важнейших событий, определивших смысл его жизни, раскрывших высокие моральные качества народа, который он полюбил всей душой и частицей которого стал сам. Позже он неоднократно подчеркивал, что для него всегда была огромной радостью неизменная болгаро-советская дружба, давшая ему возможность быть искренним в своих чувствах и преданным обоим родным для него народам.

Летом 1941 г. Л. Б. Валев в составе комсомольского батальона участвовал в строительстве оборонительных укреплений под Смоленском. В сентябре, после ранения был эвакуирован сначала в Москву, а затем вместе с сотрудниками Института мирового хозяйства и мировой политики — в Ташкент. Продолжая работать в Институте, являлся одновременно лектором

ЦК комсомола Узбекистана, по поручению Ташкентского городского комитета компартии Узбекистана выступал с лекциями на предприятиях и в госпиталях, избирался секретарем комсомольской организации института.

В декабре 1942 г. Л. Б. Валева по распоряжению Георгия Димитрова вызывают в Москву в аппарат Исполкома Коминтерна. Вскоре Любомир Борисович стал сотрудником действовавшей с июля 1941 г. на территории СССР радиостанции болгарского движения Сопротивления «Христо Ботев», где он проработал до последней ее передачи в сентябре 1944 г. — сначала как диктор, а затем и как редактор. Работа в редакции радиостанции под непосредственным руководством Георгия Димитрова, Васила Коларова, Станке Димитрова (Марека), общение со многими незаурядными, сильными личностями стали для молодого историка не только важной политической, но и человеческой школой. Не случайно эти годы напряженного и вдохновенного труда во имя разгрома фашизма Л. Б. Валев считал самыми яркими страницами своей жизни. Радиостанция действовала на протяжении 1147 дней, выходя в эфир по несколько раз в сутки. Часть переданных материалов была позже опубликована в семитомном сборнике «Говори радиостанция «Христо Ботев»». В их числе — четыре статьи самого молодого сотрудника редакции Любомира Валева: «Ботев и наша молодежь», «Христо Смирненский», «Внешнеполитические итоги Великой Отечественной войны Советского Союза в день ее трехлетней годовщины», «Почему доктор Бюллер посетил Болгарию?». Много лет спустя, собирая материал для научной работы, Л. Б. Валев обнаружил в одном из фондов партийного архива неожиданный « отзыв » о своей работе. 23 мая 1944 г. в письме в Москву Г. Димитрову находившийся на Украине в ожидании вылета в Болгарию Станке Димитров (Марек) писал: «Слушал передачу «Христо Ботева», хорошо слышно, читает Валев, хорошо читает». За работу на радиостанции «Христо Ботев» Л. Б. Валев был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Окончилась война. Фашистские главари, виновные в ее подготовке и развязывании, предстали перед судом Международного военного трибунала. Летом 1946 г. Л. Б. Валев в качестве переводчика с болгарского языка работает на Нюрнбергском процессе по делу главных нацистских военных преступников.

В первые послевоенные годы определился круг основных научных интересов Л. Б. Валева, связанных с изучением новейшей истории: движение Сопротивления на Балканах, освободительная миссия Советской Армии, народно-демократические революции в странах Восточной Европы. С именем Л. Б. Валева неразрывно связано зарождение и превращение в самостоятельную область науки исследований по исторической болгаристике.

К изучению данного круга проблем Л. Б. Валев приступил, став научным сотрудником нового, созданного в 1947 г. Института славяноведения Академии Наук СССР. С этим Институтом, его научным коллективом была связана вся дальнейшая творческая жизнь Любомира Борисовича. В Институте под руководством С. А. Никитина — одного из крупнейших советских историков-славистов — Л. Б. Валев подготовил и защитил в 1950 г. кандидатскую диссертацию «Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. — май 1945 г.)». В том же году ее часть вышла отдельной книгой, которая на протяжении 1951—1953 гг. была переиздана в Венгрии, ГДР и Чехословакии.

С тематикой Отечественного фронта была тесно связана проблема, которая на долгие годы определила научные интересы Л. Б. Валева — борьба болгарского, а также других балканских и славянских народов против фашизма в годы Второй мировой войны. Этой проблеме Любомир Борисович посвятил многочисленные статьи, главы в коллективных трудах. А в 1964 г. вышла в свет его монография «Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны)», годом позже защищенная в качестве докторской диссертации.

Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня некоторые формулировки и положения работ Л. Б. Валева нуждаются в уточнении и подчас принципиальной корректировке. Новый взгляд на отдельные вопросы болгарской истории, базирующийся на расширяющейся источниковой базе — недавно рассекреченных документах и материалах из архивов России и Болгарии — вносит существенные поправки в прежние оценки и выводы. Отказ от господствовавшей ранее марксистской парадигмы исторических исследований диктует необходимость серьезного переосмысления прошлого. Тем не менее, следует подчерк-

нуть, что в значительной своей части работы Л. Б. Валева по истории Болгарии периода Второй мировой войны сохраняют свою актуальность, а исследование им болгарско-немецких экономических отношений, в частности проблемы клиринга, по-прежнему остается уникальным по глубине анализа и логике интерпретации конкретно-исторического материала.

На фоне возможностей сегодняшнего дня особенно четко осознается драматизм ситуации прежних лет для многих ученых старшего поколения. Официальные установки и политизированные мифологемы сковывали творческий потенциал исследователей, мешали научному и теоретическому осмыслинию исторического процесса. По всей вероятности, Л. Б. Валев понимал это. Коллеги и ученики помнят его критическое отношение к собственным работам. Показательно, что в год своего 60-летия в интервью болгарскому журналу на вопрос: «Какие свои труды Вы вновь напечатали бы сегодня, не внося в них существенных поправок?», — ученый ответил: «Ни один. Во всяком случае, полностью меня не удовлетворяет ни один труд. При известном компромиссе с самим собой — монография “Болгарский народ в борьбе против фашизма”, но и то с доработкой». После публикации того или иного труда Л. Б. Валев неоднократно возвращался («для себя») к своим текстам, вносил в печатный вариант дополнения, корректиды, старался учесть новые материалы, переосмысливал и уточнял выводы. Знакомство с этой научной «лабораторией» ученого исключительно интересно.

В 1955 г. Л. Б. Валев стал руководителем сектора новейшей истории славянских стран. Доброжелательность, тактичность, внимательное отношение к мнению своих коллег, умение создать творческую рабочую атмосферу — эти черты,ственные Л. Б. Валеву как руководителю научного коллектива, в немалой степени обусловили успехи возглавляемого им сектора в 1960-е годы. С его именем связано появление в отечественном славяноведении обобщающих системных трудов по истории Чехословакии, Югославии, Польши. Сотрудниками сектора были подготовлены монографические исследования. Требовательный к себе, Л. Б. Валев был требователен и к своим коллегам. Крупные исследования проходили несколько этапов апробаций («по главам»), на суд выносились и подготовленные научные статьи. Проводились в секторе и специальные

семинары с обсуждением тех или иных научных проблем или новых научных публикаций. Польза от этого была несомненная, особенно для молодых, которые, едва прия в Институт, начинали «вариться» в научном котле. Теперь, когда многое из прежнего опыта незаслуженно забыто или сознательно утрачено, когда констатируется резкое снижение качества исторических работ, появление массы незрелых, а точнее, скороспелых «трудов», неплохо, думается, перейти к «повторению пройденного», от чего наша наука только выиграет.

В начале 1970-х годов сектор был реорганизован. Расширился географический диапазон исследований, отныне они охватывали весь регион Центральной и Юго-Восточной Европы, а проблемно-хронологически усилия руководимого Л. Б. Валевым коллектива сосредоточивались на периоде народно-демократических революций и социалистического строительства.

В это же время совместно с историками Болгарии была начата подготовка фундаментальной многотомной публикации документов «Советско-болгарские отношения и связи», к которой Л. Б. Валев приступил с большим энтузиазмом. На стадии формирования рабочего коллектива и возникла потребность в молодом болгаристе для технической в основном работы. Шла весна 1971 года...

Итак, меня ждала встреча с Институтом. Что-то будет? Ну, а пока... Любимое шелковое платье в цветочек, волосы собраны в замысловатый пучок с костяной заколкой, трепет в душе (Институт! Академия!!!), дрожь в коленках — это я стою перед симпатичным, уютного вида особнячком: Трубниковский переулок, дом 30-а. Небольшой «предбанник», ступеньки, холл-прихожая, глубокий кожаный диван, зеркало. Строгая Мария Ивановна, вахтерша, указывает на комнату № 1. Стучусь, приоткрываю дверь и... машинально отступаю назад: показалось, что попала в машбюро. В небольшой, с одним окном, комнатке спиной к двери две женские согбенные фигуры за пишущими машинками, еще какие-то люди за столами, что-то читают или пишут. Все, как по команде, оборачиваются, смотрят внимательно... Уже спустя много лет узнала, что Любомир Борисович предупредил о моем приходе, так как хотел узнать мнение коллег о потенциальном новом сотруднике. Иными словами, я попала на «смотрины». (Кстати, когда в августе я уже с короткой стрижкой явилась в Институт, сотрудники были в полной

уверенности, что «шеф» произвел замену и принял на работу «другую»). Слева от входной двери кабинет Валева — тоже небольшая, на два стола, комнатка, два шкафчика. Любомир Борисович поднялся навстречу из-за стола, пригласил сесть. Разговор не запомнился, но был результативным: я буду работать в Институте!

Память фрагментарна. Неожиданно всплывают обрывками воспоминания о том, как радовался Любомир Борисович, держа в руках первый том издания документов, выпущенный в 1976 г., как гордился высокими оценками, данными ему в советской и болгарской печати! Много сил было отдано им работе и над вторым томом, а до выхода его в свет Любомир Борисович не дожил всего нескольких дней... Без него, но используя сделанные им заметки и письменные рекомендации, готовили мы и третий, последний том.

Нельзя не вспомнить об исключительной отзывчивости Любомира Борисовича, его открытости, готовности помочь. Откуда только ни приезжали к нему за советом или консультацией, скольким коллегам помог он в выборе темы исследования, никогда не отказывая в помощи и содействии! И не случайно, провожая взглядом очередного посетителя, сотрудники сектора шутили, что в кабинет Валева «не зарастет народная тропа». Способность заметить творческую искру, подбодрить, в тактичной форме убедить собеседника — это был великий дар Любомира Борисовича. Внимание к тем, у чьей «научной колыбели» находился Л. Б. Валев, сохранялось у него на многие годы. Чтобы заслужить это внимание, необходимо было лишь одно — добросовестное и творческое отношение к исследовательской работе.

Попав в сектор Л. Б. Валева, я долгое время не собиралась менять своих научных пристрастий, учила французский язык, чтобы работать в архивах над историей XIX века, продолжала следить за научной литературой. Узнав об этом, Любомир Борисович предложил обратиться к С. А. Никитину, уже не работавшему тогда в Институте, и попроситься к нему «в ученицы». Более того, он сам позвонил Сергею Александровичу и переговорил с ним. К сожалению, ситуация сложилась таким образом, что условия, на которых С. А. Никитин соглашался руководить моей работой, вызвали возражения со стороны руководства Института, о чем мне и сообщил заместитель директора

В. А. Дьяков. Отчаянию моему не было предела, и, конечно, я ринулась к Любомиру Борисовичу. Выслушав меня, он в обычной своей мягкой манере посоветовал обдумать ситуацию, не падать духом, не вешать носа и... заняться новейшей историей. «В любом времени, в любой теме немало интересного. Вы сами в этом убедитесь», — сказал тогда Любомир Борисович. Спустя некоторое время он предложил мне «присмотреться» к периоду народной демократии в Болгарии. Я присмотрелась и занималась этой проблематикой на протяжении вот уже более 30 лет.

Любомир Борисович стал моим научным руководителем, когда я поступила в заочную аспирантуру Института. Хорошо помню, как он шутливо объяснил мне две главные обязанности научного руководителя: быстро читать написанное аспирантом и помогать опубликовать готовый материал. Читал Любомир Борисович не только быстро, но и очень внимательно и, будучи прекрасным стилистом, приучил меня ответственно относиться к слову, к формулировке. Нередко журил за излишний напор: «Опять у вас, Таня, формулировки “в лоб”! Точность не значит резкость».

Вспоминаю, каким прекрасным и тонким чувством юмора обладал Любомир Борисович. Анекдоты, по настоящему остроумные и веселые, записывал в «кондит» и нередко во время секторских праздников и застолий открывал тетрадку... К сожалению, я не была очевидцем праздновавшегося в 1965 г. юбилея Любомира Борисовича. Ему исполнилось тогда 50 лет. Коллеги рассказывали, что во время торжественного заседания Ученого совета на Трубниках после приветственных речей во славу юбиляра директор Института Иван Александрович Хренов сказал: «Ну, пускайте пионеров!» И в зал в красных галстуках, держа руки в торжественном «салюте», вошли «юные пионеры» — Г. П. Мурашко, Р. П. Гришина и выбивавший дробь на барабанчике Л. Я. Гибианский. Подойдя к столу президиума, за которым сидел юбиляр, «пионерки», по выражению Г. П. Мурашко, «заверещали»:

Того, кто юн,
Кто любит мир
И не бывает лютым,
Мы Вас, товарищ Любомир,
Приветствуем «салютом»!

Представляю, как смеялся Любомир Борисович, любивший и ценивший шутку!

А на 60-летие Л. Б. Валева сотрудники его сектора пели:

Шесть десятков — это ерунда!
Будем пить и будем петь всегда:
Нежный шеф и бригадир,
Любомир — ты наш кумир,
В тебе одном мы видим целый мир!

И еще об одном не могу не сказать, вспоминая своего Учителя. О том, как в очень непростой для меня момент, когда по навету под угрозой оказались не только научное будущее, но и, самое главное, моя человеческая репутация, Любомир Борисович пришел на помощь и преподал мне самый главный урок — урок благородства. На всю жизнь запомнила его слова: «Я вам верю!» — и чувство безграничного счастья, охватившее меня тогда.

Ю. В. Богданов

О Д. Ф. Маркове

В 1968 г. Институт славяноведения был преобразован в Институт славяноведения и балканстики АН СССР. Обновилось и руководство Института. В 1969 г. его директором стал Дмитрий Федорович Марков (1913—1990), член-корреспондент (1966), позднее действительный член Академии наук (1984), возглавлявший Институт до конца 1987 г. Именно в это время Институт окончательно сформировался и утвердился как современное научно-исследовательское учреждение, органично объединившее в своем составе ученых разных специальностей вокруг изучения основных проблем истории, истории культуры, литератур и языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Следует отдать должное стратегическому чутью Д. Ф. Маркова, с самого начала решительно воспротивившегося проекту превращения академического центра славистики в конъюнктурный Институт истории и истории культуры европейских социалистических стран — проекту, который на протяжении нескольких лет активно навязывался аппаратчиками отдела науки ЦК КПСС. Новый директор, исходя из традиционной специфики славяноведения и балканстики, настойчиво добивался одобрения и реализации «концепции комплексности». Суть замысла состояла в том, чтобы, сделав правильный выбор, направить усилия ученых разных специальностей на исследование таких научных объектов, сама многосоставная природа которых требовала комплексного подхода.

Опираясь на опыт, постепенно накапливаемый историками, историками культуры, литературоведами, лингвистами Института, Д. Ф. Марков в целом ряде докладов и научных

статей и — в сводном виде — в монографии «Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Из опыта изучения истории и истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы» (1983) дал свое убедительное толкование многих методологических установок, от верного понимания которых зависит оптимальное планирование подобных исследований. Все это послужило надежной основой для организации масштабных проектов, осуществленных Институтом по таким остро дискуссионным и до сих пор животрепещущим, «восходящим» на современность проблемам, как формирование этнического самосознания славянских и балканских народов, образование наций и становление национальных культур и многим другим.

Идеями естественной междисциплинарности была обогащена работа Международной комиссии по истории славистики, которой многие годы руководил Д. Ф. Марков. Концепция комплексности была положена и в основу деятельности Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК), учрежденной в 1976 г. под эгидой ЮНЕСКО. Базовой штаб-квартирой ассоциации стал Институт славяноведения и балканстики, а Д. Ф. Марков первым ее президентом. В пору затрудненных контактов с западными славистическими центрами конференции и симпозиумы, проводимые МАИРСК, позволяли расширить круг неформального коллегиального общения, предоставляли возможность для продуктивных дискуссий. Все это способствовало укреплению научного авторитета и международного престижа Института. А в этом — по большому счету — и видел свою главную функцию как директора Д. Ф. Марков.

Он начинал свою научно-педагогическую карьеру в г. Сумы, был в докторантуре Института славяноведения, а в 1956 г., перебравшись в Москву, стал его штатным сотрудником. В Институте, в то время активно пополнявшемся молодыми кадрами, царила атмосфера своеобразной славянской общины с совместными культпоходами, вылазками на природу, вечерами с «капустниками», с насмешливыми фельетонами в стенгазете. Дмитрий Федорович — он уже тогда был Дмитрием Федоровичем — легко освоился в этой новой среде. Она ему пришла по душе. Не раз он становился героем «капустных»

Ю. В. Богданов О. Д. Ф. Маркове

текстов. И хотя сам не владел чувством юмора, честно старался правильно воспринимать шутки. Верным признаком хорошего настроения было его участие в хоровом воспроизведении — по-болгарски — знаменитой партизанской песни «Гей, Балкан ты роден наш!». В директорском кресле он не изменил своему привычному патриархально-демократическому складу, предпочитая действовать не категорическим приказом, а пространным убеждением. За что и получил щутливо-дружеское прозвище «долгоиграющий Марков». В конце рабочего дня он, не пренебрегая рюмочкой «Плиски», любил с близкайшими сотрудниками порассуждать об очередных акциях в защиту своего любимого теоретического детища — «открытой системы социалистического реализма». И только бунт институтского шоferа Евгения Владимировича был способен прервать эти бессрочные посиделки...

В памяти большинства сотрудников Института Дмитрий Федорович Марков остался достойным директором и — что особенно немаловажно — порядочным человеком.

Ю. И. Ритчик

Игорь Федорович Бэлза

В конце июня 1962 года я вернулся из Праги, где к тому времени уже второй год жили мои родители. Отец был представителем КБ Микояна, «изделие» которого — знаменитый МиГ-21 — стали по лицензии производить в Чехословакии. Главная же причина, по которой я так рвался тогда в эту страну, что буквально осаждал Иностранный отдел ВЛКСМ — я носил «почетное звание» его внештатного инструктора и работал переводчиком с чехословацкими молодежными делегациями — с просьбой поскорее, по блату включить меня в ближайшую туристическую комсомольскую группу, была — как казалось человеку 23 лет от роду — вселенского масштаба. Дело в том, что на ...дцатом съезде Ленинского комсомола в составе чехословацкой делегации была ударница социалистического труда, знатная ткачиха из города Тршебич. Десять дней, которые потрясли меня, стали началом романтического безумия.

Итак, я вернулся в Москву, «уладив» личные дела — все было сказано, все было выяснено, все было закончено. Впереди меня ждало уже набравшее скорость московское лето. На кафедре истории зарубежной печати факультета журналистики МГУ, где я осел после ухода из «Интуриста» (в это злачное место я попал по распределению после завершения университетского курса), царило типичное летнее отпускное затишье. Иногда стремительно заскакивал искрометный руководитель кафедры Ясен Николаевич Засурский (в те годы еще не патриарх, но несомненно, иерарх нашей журналистики), давал какие-то задания что-то перевести, что-то отреферировать и молниеносно исчезал. И снова тихо, прохладно, патриархально.

Однажды дома раздался телефонный звонок. Это была Таня Ацаркина, моя одногруппница. Она напомнила, что мы договаривались в сентябре на пару идти сдавать в аспирантуру в Институт славяноведения. Что-то смутно шевельнулось у меня в памяти. Возможно, я даже обещал, но то было ранней весной, все казалось далеким и необязательным. Я что-то мямлил Тане о своем нежелании опять учиться, о полной неподготовленности, об отсутствии, в конце концов, темы. Таня была тверда, и отказать ей у меня не хватило духа.

Через пару дней мы появились в особняке в Трубниковском переулке, который я хорошо знал, ибо проходил там преддипломную практику у Сергея Васильевича Никольского. После нескольких довольно продолжительных бесед я получил от Игоря Федоровича Бэлзы тему будущей диссертации (до сих пор не написанной), от Г. А. Можаровой — реестр требований, предъявляемых к поступающим, перечень и расписание экзаменов, состав экзаменационных комиссий (В. Д. Королюк, И. С. Миллер, А. П. Соловьева) и, проклиная свою податливость, поплелся готовиться к экзаменам. И Таня, и я сдали их успешно. Но место по лингвистической дисциплине неожиданно было аннулировано, а историко-культурное осталось. В конце сентября Игорь Федорович поздравил меня с зачислением в аспирантуру Института славяноведения АН СССР. Участь моя была решена...

Первый год был для меня нервным, трудным, дерганным. В библиотеках я много читал, накачивал интеллектуальные мускулы, но на заседаниях группы что-то стопорилось. Я молчал, трусливо отводил в сторону глаза, когда Игорь Федорович взглядел приглашал меня вступить в общее обсуждение, в котором в соответствии с ритуалом должны были принимать участие по часовой стрелке все члены научного коллектива. (Эта манера сохранилась, кстати, до сих пор, словно глубоко-мысленные рассуждения специалиста — к примеру — по чешской графике могут каким-то образом помочь в совершенствовании текста специалисту — к примеру! только к примеру! — по сербскому фольклору.) Игорь Федорович в отчаянии то и дело спрашивал тайком у Милы Титовой или Инны Свириды: «Почему он все время молчит?». Выданный мне «аванс» неумолимо таял, но на второй год аспирантуры я освоил правила этой игры, стал вальяжным, записным оратором и спас себя от окончательной дискредитации в глазах Игоря Федоровича.

С годами я стал истинным и преданным учеником замечательного ученого и — более того — удостоился величайшей чести быть другом этого крупного, духовно богато одаренного человека и его семьи.

Игорь Федорович Бэлза, несомненно, был одной из самых ярких фигур среди всех поколений институтских сотрудников — выдающийся ученый с широчайшей палитрой глубоких знаний и — одновременно — живая, артистичная, эстетически и эмоционально богатая личность.

Из наших «стариков» с ним могут быть сопоставимы, пожалуй, лишь Владимир Дорофеевич Королюк и Илья Соломонович Миллер. Не случайно их связывали взаимное уважение и интерес друг к другу, почти приятельские отношения, сознательная, «корпоративная» (все трое были руководителями институтских подразделений) солидарность в неминуемой всяко-го рода административной возне. Невольно вспоминаются их оживленные беседы-диспуты, собиравшие вокруг молодую научную поросль, в «колонном зале» старинного особняка в Трубниковском переулке.

Игорь Федорович Бэлза родился 8 февраля 1904 г. в Кельце, учился в варшавской гимназии, окончил Киевскую консерваторию, где потом преподавал, став ее профессором в 1936 г. В эти годы талант молодого композитора набирает особую силу, широко популярны его симфонии, органные и фортепьянные концерты, сонаты, романсы. Игорь Федорович написал музыку ко многим советским кинофильмам, в том числе к классическому «Арсеналу» А. Довженко.

После возвращения из Челябинска, куда он с семьей был эвакуирован в начале войны, уже зимой 1942—1943 гг. Игорь Федорович приступил к чтению курса лекций по истории русской музыки в Московской консерватории. С достоинством пережив печально известные идеологические гонения на ведущих музыкантов в конце 1940-х годов (его сочинения были повсеместно запрещены к исполнению), Игорь Федорович еще активнее обратился к своим научным штудиям.

В 1950—1970-х годах им были созданы трехтомная «История польской музыкальной культуры», двухтомная «История чешской музыкальной культуры», знаменитая, неоднократно переиздававшаяся в СССР и за рубежом монография о Фре-

дерике Шопене, книги о М. Шимановской, М. Огинском, А. Дворжаке, А. Скрябине, замечательные исследования великого наследия Данте, Пушкина, Булгакова...

Яркая деятельность доктора искусствоведения, профессора, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации Игоря Федоровича Бэлзы, композитора, ученого, просветителя, общественного активиста, получила должное признание и за рубежом, о чем свидетельствовали многочисленные переводы его трудов, высокие правительственные награды ряда стран, присвоение звания доктора honoris causa Карловым университетом в Праге и Варшавской музыкальной академией.

В Институте славяноведения АН СССР (позднее — РАН) Игорь Федорович проработал более четверти века: в 1961 г. он возглавил группу истории культуры славянских народов, с 1972 г. и до своей кончины в 1993 г. был профессором-консультантом. В шестидесятилетней истории коллектива Игорь Федорович Бэлза принадлежал к той славной когорте ученых, которые создали высокий авторитет Института как ведущего комплексного славистического центра в СССР и в России. Для многих и многих специалистов было большой радостью работать бок о бок с Игорем Федоровичем, получать от него щедрую помощь и неоценимые советы. У молодого же поколения сотрудников тот факт, что ученый-энциклопедист с европейским именем работал в нашем Институте, служит предметом естественной гордости.

Велика была роль Игоря Федоровича в становлении и развитии историко-культурного направления как самостоятельного и ведущего направления в научной деятельности Института славяноведения.

Долгое время Институт занимался лишь историей и филологией. Филологи и историки, правда, уделяли культуре определенное внимание: в исторических трудах очерк о культуре обычно завершал исследование, в филологических — аналогичный очерк их предварял. Положение изменилось с приходом в Институт Игоря Федоровича. Начался период собирания сил и формулирования задач и методов комплексного изучения проблем истории культуры славянских народов. Игорь Федорович к тому времени уже давно состоялся как исследователь славянской музыки и культуры в целом. Он четко представлял

себе очертания будущего объекта исследования и стремился привлечь в институт специалистов, способных заняться не по рознь — театром, музыкой, искусством, словесностью и прочим, а собственно культурой.

Профессионалов в этой области найти было трудно. Игорь Федорович начал их поиски и сам растял новые кадры. Будучи композитором, он явно обладал не только совершенным музыкальным слухом, но и тем, который позволяет заметить в недавнем студенте научные способности. Многие его аспиранты работают ныне в разных областях гуманитарного знания. Они давно стали кандидатами и докторами наук, научные труды которых хорошо известны, возглавляют университетские кафедры и академические сектора, воспитывают новые поколения славистов-историков культуры, во многом опираясь на советы и наследие Игоря Федоровича (Л. А. Софронова, А. А. Илюшин и др.).

Внешне научное воспитание у Игоря Федоровича протекало просто. Он беседовал со своими учениками не только о диссертационных темах и планах, но и о культуре в высоком смысле слова. Игорь Федорович учил широте взглядов, на своем примере показывал, что нельзя замыкаться в пределах узкой специальности. Он делал все, чтобы стало понятно, что существует не только ближний аспект исследования, но и дальний. Поэтому, рассказывая о Шопене или Мицкевиче, он говорил об английской «озерной школе», которую так любил, анализируя боготворимого им Данте, обращался к Гумилеву, которого прекрасно знал, и, конечно же, к Пушкину. Его труды о Данте и Моцарте — яркое свидетельство энциклопедической широты, свойственной всем без исключения работам Игоря Федоровича.

Он сумел передать своим ученикам искреннюю любовь к предмету, научил не только анализировать, но проникать в его скрытую суть, которой проницательно разрешал оставаться тайной. Все его труды окрашены живым чувством, личным отношением к объекту изучения. Достаточно вспомнить его отношение к спору о Моцарте и Сальери, к Шопену или Шимановской. Игоря Федоровича интересовала внутренняя, глубинная жизнь культуры. Для него был важен дух искусства как таковой, в нем он проницал духовную сущность народа. Как подлинного романтика, его всегда вел дух, а не форма.

Для Игоря Федоровича основным полем исследования оставался западнославянский мир и Россия. При этом он всегда был твердо убежден, что из славистики как науки нельзя исключать русские темы, так как все славянские культуры связаны между собой и подпитывают друг друга. Столь же несомненно и объективно входят они и в мир общеевропейской культуры.

В своих трудах Игорь Федорович поднял славянскую культуру на один уровень с западноевропейской, категорически не приемля отношение к ней как к культуре вторичной, что можно уловить в работах некоторых ученых — то в их преувеличенных оценках, то в несколько снисходительном тоне, когда они рассуждают о тех или иных достижениях славянской культуры. Напротив, он никогда не сомневался в ее значимости, и весь его творческий путь тому свидетельство.

Игорь Федорович огромное внимание всегда уделял широчайшей палитре межславянских отношений. Так формировалось понимание целостности и единства славянской культуры, которое значило для него не меньше, чем ее общеевропейский контекст. Заданный им вектор не только не устарел, но и получил новый импульс в современных условиях. Он объединяет усилия специалистов разных направлений в проекте «Роль славянской культуры в истории мировых цивилизаций», в реализацию которого вносит свой вклад и нынешний Отдел истории культуры.

Несомненно, что истоки того пути, который привел Игоря Федоровича к истории культуры, была музыка, постоянно и во многом определявшая само направление, характер его историко-культурных исследований. Мир для Игоря Федоровича был прежде всего миром прекрасных звуков, культура для него в большой степени раскрывалась именно через звук. Так, Пушкин для него — «музыкальнейший поэт», что было показано, в частности, в анализе композиции пушкинской строфы. Музыкально звучащей Игорь Федорович воспринимал прозу Флобера, например, интерпретируя финал «Саламбо» как «просветленное разрешение тех диссонансов, которые постоянно накапливались в звучании текста». Рассматривая аллитерации у Данте, ученый сопоставлял «колокольность» дантовского стиха с соответствующей канцатой С. В. Рахманинова,

написанной на тексты Данте и По в переводе Бальмонта. Это «прослушивание» колоколов от XIV до XX в. — пример сквозного **видения** культуры, а вернее — сквозного **слышания** культуры, например, восприятия звука, проходящего через века.

Тему музыки Игорь Федорович рассматривал в разных аспектах: это музыка у Пушкина и пушкинские традиции в русской музыке, Мицкевич в музыкальной культуре и музыка в творчестве Мицкевича; через музыку он постигал жизнь и творчество Гофмана, прочитывал «шартитуры» Михаила Булгакова. Посредством звуков он выражал свое отношение к Пушкину, Бунину или Блоку, Ахматовой или Мандельштаму и тогда, когда писал собственную музыку на их стихи.

Сочетая сочинение и изучение музыки, Игорь Федорович продолжил русскую традицию, заложенную А. Н. Серовым и Б. В. Асафьевым. Если первый совмешал композиторское творчество с музыкально-критической деятельностью, а второй уделял большое внимание теоретическим проблемам музыкальной формы, то для Игоря Федоровича основной сферой стала история культуры. Она рассматривалась им в многовековом развитии, трактовалась как процесс накопления высоких ценностей; при этом звук, музыка послужила основой, организующей творческое и научное мышление исследователя.

Особо надо вспомнить о дантологических интересах Игоря Федоровича, который в 1965 г. создал и до конца своих дней оставался председателем Дантовской комиссии при Научном совете по истории мировой культуры Академии наук. Авторитет Игоря Федоровича сделал возможным привлечение к работе комиссии блистательных представителей старой интеллигенции: Д. Д. Благого, И. Н. Голенищева-Кутузова, Н. И. Конрада, Н. И. Кравцова, С. В. Шервинского.

Под его редакцией на протяжении четверти века выходили ставшие чрезвычайно популярными изящные книги в алых переплетах с белоснежными суперобложками — «Дантовские чтения», тиражи иных из них достигали 15 тыс. экз.

Дантология стала у нас не только разделом итальянистики, доступным узкому кругу специалистов, но обширной областью знания, вовлекшей в себя славистов и русистов, стиховедов и поэтов-переводчиков, библиофилов и библиографов, философов и художников.

«Данте и Пушкин» — проблема, всегда увлекавшая Игоря Федоровича, а также «Данте и Мицкевич», «Данте и Норвид», «Данте и Шопен». Присутствие великого флорентийца, напечатление его духа Игорь Федорович ощущал во всех дорогих ему произведениях литературы: и в «Мастере и Маргарите», и в романах Хемингуэя ему виделись отсветы «Божественной Комедии».

Дантовская комиссия при Игоре Федоровиче чувствовала себя центром сформировавшегося культурного сообщества, освященного духовным присутствием величайшего поэта.

Научное наследие Игоря Федоровича огромно. Список работ, изданный к его 70-летию, уже тогда, в 1975 г. составлял около четырехсот позиций. Активная творческая деятельность ученого во второй половине 1970-х, в 1980-е годы, существенно его расширила.

Недаром своим ученикам Игорь Федорович мягко, ненавязчиво, но неустанно повторял: «Главное — печатный станок», предостерегая их тем самым от поползновений к сомнительным околонаучным телодвижениям.

Это нежелание лишний раз сталкиваться с бюрократической стороной научного процесса и — что греха таить — неумение аристократа в неизменном галстуке бабочкой ладить с «красными директорами» и предопределило тот, безусловно, печально парадоксальный факт, что возглавляемую им группу историко-культурных проблем, создавшую в 1960-е годы целый ряд крупных, высоко оцененных научных сообществом коллективных трудов, руководство Института за целое десятилетие так и не удосужилось преобразовать в полноценный сектор.

Время неумолимо...

...Бэкон, Бэлза, Бэлс... (Российский Энциклопедический Словарь. 2001. Т. 1).

...Бэкон, Бэлческу, Бэнбу... (Большая Российская Энциклопедия. 2006. Т. 4).

Будем справляться в энциклопедии ПАМЯТИ.

О. Н. Трубачев

Из воспоминаний о Н. И. Толстом¹

Моим воспоминаниям о Н. И. Толстом уже много лет. Знакомство наше и общение, имевшее место первое время почти исключительно в стенах тогдашнего Института славяноведения АН СССР, восходит к началу пятидесятых годов. Вспоминается, например, одно заседание сектора славянского языкознания, руководимого нашим общим учителем, Самуилом Борисовичем Бернштейном. Институт занимал несколько комнат в третьем, кажется, этаже академического здания на улице Волхонка, 14, заседание происходило в институтской библиотеке, дело было в 1953 году. К сожалению, воспоминания обрывочны, на секторе обсуждались какие-то проблемы, люди выступали, и вот там, скорее всего, впервые я видел и слышал Толстого. Он тоже выступал и что-то говорил — молодой (тридцать лет), высокий, худощавый, задолго до появления своей толстовской бороды. Живые глаза, приветливый, склонный к контакту («контактный», как говорят сейчас), расположенный к улыбке и шутке, — таким он запомнился и таким оставался всегда, до конца жизни. Первые впечатления оказались не только стойкими, но и удивительно верными: я и позднее не встречал, пожалуй, ни в ком столь располагающей, дружелюбной свободы человеческого общения, отзывчивости, готовности всегда и во всем помочь. Остается добавить, что дам неизменно покоряла эта его красивая старомодная галантность, умение преклонить колено и поцеловать ручку и все это — непринужденно, полушустро, с тактом, все — как положено настоящему, живому русскому *comme il faut*, с которым мы имели честь общаться в его лице.

¹ Полностью опубликованы в журнале «Вопросы языкознания». 1997. № 2.

Этот цельный образ распространяется и на все последующие годы, но память возвращается к ранним воспоминаниям, особенно дорогим, потому что им — сорок или почти сорок лет.

Знавшие Толстого, думаю, согласятся, что он обладал в выдающейся степени чувством самоиронии и что с годами эта черта в нем даже усилилась, — явный признак крупной личности и широкой натуры. Эта способность судить о себе с умешкой и критично, безусловно, оставила по себе теплую память у его друзей. Один штрих <...> памятный мне тем, что рассказан самим Никитой. Дело было опять-таки давно, никак не позже 1960 года. Предысторией послужило то, что Толстой, родившийся и выросший в Югославии, Сербии, вывез оттуда превосходное практическое знание сербского языка. И вот как-то раз С. Б. Бернштейн на своем секторе, видимо, в ходе какого-то живого обсуждения, заявил, что Толстой не знает сербского языка, вызвав шок в слушателях (слушательницах): «Как же так? Никита знает сербский язык...» — на что Самуил Борисович, по-своему резонно, отвечал: «Знать язык значит знать его историю и диалектологию». Замечательно, что молодой Толстой рассказывал об этом с выраженной готовностью признать правоту этого сурового, но, применительно к исследователю-лингвисту, справедливого мнения: практического знания языка недостаточно, более того — профессиональному лингвисту оно необходимо далеко не в первую очередь. Ну, и еще один штрих, почти мимолетный жест, позволяющий судить, что Толстой сохранил эту человеческую черту до последних лет жизни. Преподнося дружески свою книгу 1988 года «История и структура славянских литературных языков», он как бы шутя обмолвился: «Можете, не читая, выбросить»(!). И эти озорные слова небрежно обронены о книге, за которой стоит более чем двадцатилетний опыт поисков по истории древнеславянского литературного языка и его отдельных славянских идиомов, — книге, ломающей въевшиеся представления об однодиалектной базе литературных языков, более того — об «искусственной» природе этих языков, и расчищающей дорогу для концепции о междиалектности и наддиалектности литературных языков, иными словами, в теории литературных языков трудно назвать аспект более актуальный и подход более незаурядный. Воистину, если кто вообще имел право так иронизировать, то только сам автор о своем детище, да и то едва ли.

Впрочем, этот ряд так и нельзя считать замкнутым, закрытым; он шутил над собой до конца (каков в колыбельку, таков и в могилку...). Задуманный, возглавляемый и осуществленный под руководством Н. И. Толстого том 1 этнолингвистического словаря в пяти томах «Славянские древности» [(А-Г) Москва, «Международные отношения», 1995] был передан мне с дорогой для меня дарственной надписью: «...от Никиты сей первый блин». Но не комом вышел первый блин, нет, не комом, и можно было бы заслуженно долго говорить о самобытности также пути, приведшего Толстого в лексикографию, но не станем делать этого здесь, да это и трудно: перед нами не только фундаментальный, но и интердисциплинарный, выходящий за рамки языкоznания в этнографию, этнологию, историю культуры словарь слов-понятий «Ведьма», «Веник», «Венок», «Верба», «Верх-низ», «Веселье», «Ветер», «Вино», «Вол», «Волк», «Ворота», «Восток-запад», «Время» и др. Уже простое перечисление этих словарных позиций, за которыми на каждом шагу стоит авторское участие самого Н. И. Толстого и его соратников по созданию новой отрасли славяноведения — славянской этнолингвистики, и среди них ближайшей к Н. И. Толстому — Светланы Михайловны Толстой, действует внушительно. Можно только грустно порадоваться, что по причине избранной нами в нашем Этимологическом словаре славянских языков латинской транскрипции, словарный отрезок на В- ждет нас (или наших продолжателей) далеко впереди и весь кладезь материала на В- этнолингвистов-толстовцев еще будет использован и осмыслен в нашем собственном словаре...

Я не дерзну отнести себя к числу ближайших друзей Толстого, были, наверное, и ближе, и их было всегда много вокруг этого человека, обладавшего даром привлекать к себе людей. Но несомненный факт дружбы между нами, в общем редко и мало чем омрачившейся, а главное — оставившей неизгладимый след в моей жизни, стоит того, чтобы сказать об этом особо. Начну, пожалуй, с конца, с нашей последней с ним встречи.

...Уже в канун нового, 1996 года, стало известно, что Толстого положили в больницу — в одну, потом — в другую, диагнозы были противоречивыми, время шло, настраивало все это невесело. Но в конце марта Толстой вдруг появился на годичном собрании нашего Отделения литературы и языка, и было

это воспринято — мной, по крайней мере (может, по незнанию действительно серьезной ситуации), как добрый знак. Он к тому времени сильно потерял в весе, но одновременно казался бодрым — не знаю, возможно, только казался. Я подошел, мы обнялись по старой привычке, я что-то ему говорил о 22-м выпуске своего Словаря, которого, к сожалению, с собой не захватил, не зная, что встречу его, а он — он говорил о настоящей мужской дружбе, для последней встречи (а встреча оказалась, повторяю, последней) — слова самые главные.

В конце концов он был щедр на дружеские проявления к очень многим. Ценя и любя книгу, будучи настоящим библиофилом и собирателем богатой славистической библиотеки, он и тут готов был поделиться последним. Мне памятен его рассказ, как в дни IV съезда славистов в Москве он подарил одной малоизвестной английской славистке, Элизабет Хилл, всю свою коллекцию курсов славянской палеографии разных авторов. «Второго такого собрания я больше никогда иметь уже не буду», — говорил он потом. Эти книжные дары сочетались у него с чутко улавливаемой потребностью другого именно в этой книге, как, например, случилось со мной, в пятидесятые годы — начинающим славистом-этимологом, который был нескованно обрадован и тронут, вдруг получив антикварный экземпляр этимологического словаря болгарского языка Ст. Младенова (София, 1941) в дар от Никиты Толстого, вернувшегося из диалектологической экспедиции в Болгарию.

Его знали и любили очень и очень многие, он был популярен и у нас, и в разных странах, в первую очередь, разумеется, в славянских. Какую-то роль играло при этом прямое родство с великим Толстым, но сводить все только к нему было бы ошибочным упрощением. Вот два конкретных примера на эту тему; оба воспоминания связаны с Польшей. ...1973 год, VII Международный съезд славистов. По вестибюлю перед актовым залом Варшавского университета ходят размеренными шагами Ежи Курилович. Встретившись со мной (мы познакомились в 1962 году, во время первого моего выезда в Польшу), он обращается ко мне с единственным вопросом — внук или правнук Льва Толстого Никита Ильич Толстой. Второй случай, пожалуй, колоритнее. В 1980 году нам с Г. А. Богатовой случилось посетить пожилого уже Б. Сыхту, получившего широкую известность благодаря изданному им богатейшему, многотом-

ному «Словарю кашубских диалектов на фоне народной культуры». Этот старенький католический ксендз, доживавший последние годы жизни в заштатном городке Пельплин под Гданьском и заинтересовавший нас своей уникальной словарной практикой (похоже, весь свой фундаментальный словарь он создал *без всякой картотеки*), в свою очередь, живо интересовался Толстым как лексикологом-этнолингвистом, но делал он это в склеротически забывчивой манере, неоднократно на протяжении нашего разговора повторяя один и тот же вопрос и получая на него, естественно, один и тот же ответ: «*A czy jest w Moskwie, proszę pana, taki pan profesor Tolstoj?*» — «*Tak jest, znam go osobiście, on jest właśnie moim przyjacielem...*». После короткой паузы — опять так же оживленно: «*A czy jest w Moskwie...*».

Надо ли говорить о том, как его любили и привечали в родной ему Югославии, причем, кажется, не в одной только Сербии, его родине. Тесные связи он поддерживал и с хорватскими коллегами и со славистами остальных югославских республик. Здесь нельзя не упомянуть об одном казусе в дни VIII съезда славистов в Загребе 1978 года, о котором сам Толстой, смеясь, рассказывал во время одной тогдашней нашей встречи. Видите ли, загребские слависты отнеслись настолько серьезно к приезду Толстого, что даже поспорили, кому из них его встречать, а в результате никто его не встретил вообще. Невольно приходит в голову *bon mot* И. Н. Голенищева-Кутузова, прожившего часть жизни, как и Н. И. Толстой, в русской эмигрантской среде в Югославии: «Русские по неорганизованности были бы на первом месте в мире, если бы не было югославов...». Нет, они очень любили и почитали Толстого, одна из ведущих газет страны даже выпала во время загребского славистического съезда с аншлагом: «*Tito i Ljubljani, Tolstoj u Zagrebu*», то есть пребывание Толстого в Загребе ставилось в одну строку с визитом тогдашнего президента тогдашней СФРЮ И. Броз-Тито в Любляну...

Упоминание об Илье Николаевиче Голенищеве-Кутузове, видном филологе-литературоведе, близком Н. И. Толстому и семье Толстых, тесно увязывается в моей памяти, скорее, с гораздо более ранним, IV, московским, съездом славистов и временем, непосредственно ему предшествовавшим, когда я, как и другие рядовые сотрудники, был в авральном порядке

привлечен к участию в подготовке IV МСС, и порой бесспорядочно толклись в номере гостиницы «Метрополь», отведенном под штаб оргкомитета, — научные сотрудники, функционеры иностранного отдела Президиума АН СССР вперемешку с работниками КГБ (или МГБ?). С благодарностью храню память о том, как меня, человека молодого и нервно-резковатого, Толстой оберегал от бесцеремонной нахрапистости чиновников иностранного отдела, подчеркивая, что я — «без пяти минут кандидат наук». Ну, словом, в этот штаб, где я маялся, люди входили и выходили, бывал там и Голенищев-Кутузов, привлеченный для встреч прибывающих зарубежных славистов, на которые ездил и Н. И. Толстой (временами даже с отцом, Ильей Ильичом Толстым), ездил и я. Тема эпохального IV МСС — огромная, съезда, для нас, научной молодежи, принесшего общение с еще живыми корифеями науки — Р. О. Якобсоном, М. Фасмером, А. Мазоном, А. Вайяном, А. Стен-дер-Петерсеном, Б. Гавранеком, А. Беличем, Т. Лер-Славинским, Э. Петровичем и другими, из наших — В. В. Виноградовым, эта тема заслуживала бы особого разговора и мемуарного изложения. Но сейчас мой рассказ о другом. Продолжая выделять толстовскую тему, повторю лишь, что съезд (или его подготовительные кулуары) свел, познакомил меня с Ильей Ильичем Толстым, недавно (в 1957 году) издавшим свой «Сербскохорватско-русский словарь», а за годы подготовки съезда (заседание Международного комитета славистов в 1956 году) мне удалось впервые с участниками МКС посетить толстовскую Ясную Поляну.

Одно из ярких впечатлений дружеского общения оставила теплая многолюдная встреча на квартире Толстого в 1957 году, летом. Он тогда жил еще не на Большой Ордынке, а по другому адресу. Друзей-товарищей собралось довольно много, но я сейчас уже не очень твердо помню всех участников: из старших были уже упоминавшийся И. Н. Голенищев-Кутузов и, кажется, С. К. Шаумян, а из тогдашней лингвистической молодежи — В. К. Журавлев, Л. А. Гиндин, В. Н. Топоров, Вяч. Всеев. Иванов, из иностранцев, если не ошибаюсь, — Славомир Вольман из Праги, больше — не помню. Атмосфера была, повторяю, теплая, Альберт (Кондратьевич) Кошелев веселил компанию песнями под гитару. Засиделись далеко за полночь и расходились, шли группой по тихой Москве уже на рассвете,

часа в три утра. О чем говорили в столь долгой беседе — все осталось за пеленой времени... Лишь сохранилось прочно в памяти это впечатление чего-то неповседневного и интересного. Второй раз я был в этом доме у Толстых еще в 1960 году, зимой. Была как бы встреча с Ф. В. Марешем, приехавшим еще из Праги, были также отец и мать Никиты Ильича. Но главное, о чем не забыть сказать, это крупные для меня события в моей жизни и крутые перемены <...> состоявшиеся, это хочется всячески подчеркнуть, благодаря дружескому участию Толстого.

...Бывали случаи, когда он буквально вступался за меня, за мое научное достоинство, а его авторитет делал такое заступничество весьма эффективным. Что-то в этом роде случилось в Софии, на X Международном съезде славистов 1988 года. К тому времени Толстой был уже академиком АН СССР и председателем Советского комитета славистов. В этом качестве (после утверждения программы съезда на предшествующем заседании Международного комитета славистов, как это обычно бывает) он, помнится, ориентировал меня, что мой доклад на съезде утвержден как пленарный. Однако по приезде в Софию я был неприятно удивлен: новым изменением программы мне предписывалось выступать в другое время и в другом месте, уже на секции, а это означало, кроме прочей досадной путаницы, что я вправе рассчитывать лишь на половинное время доклада. Будучи в некоторой растерянности, граничившей с решением отказаться вообще выступать, я, думаю, правильно расценил все это как закулисные предсъездовские интриги и поделился с Толстым, сказав, что мне следует, наверное, отказаться от мысли втиснуть свою пленарную тему «Славянская этимология и праславянская культура» в пятнадцатиминутный регламент. Толстой не только согласился со мной, но и увидел в этом определенную некорректность болгарской стороны в отношении принятых на Международном комитете славистов решений. Вместе с С. Вольманом, если не ошибаюсь, они связались с болгарским оргкомитетом и восстановили все, как планировалось прежде...

И еще в том памятном для меня 1988 году вступился за меня Толстой — за мои достоинство и честь, когда в Институте славяноведения и балканистики АН СССР обсуждался цикл моих работ под общим названием «Славяне, язык и история», вы-

двинутых на госпремию. Я не стану здесь вдаваться в причины того, почему обсуждению придали погромный характер, могу лишь понять, что рассчитывались за инакомыслие <...> Гораздо приятнее и важнее для меня то, что в мою поддержку там выступили С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой, И. Г. Добродомов и ныне уже покойные Л. А. Гиндин и Г. Ф. Одинцов.

Я имел возможность не раз и не два на себе почувствовать, как Толстой искренне и от души радовался успеху ближнего и, наоборот, сострадал несчастью. Когда на академических выборах в июне 1992 года я уехал из Отделения, не дожидаясь результатов («будет опять, как всегда»), а вышло иначе, и хватились меня искать, в телефонные поиски включилось все семейство Толстых, даже его милые дочери... Потом вскоре, числа 18-го июня, удачно совпало, что Толстой посетил наш Институт¹ — мы встретились на защите докторской славистической диссертации А. Ф. Журавлева, а потом и Толстой, и Д. Н. Шмелев зашли ко мне, и мы немножко выпили коньяку, а Толстой — и это очень похоже на него — картиною встал рядом со мной, выпрямился и произнес из Писания: «**Нынѣ отпущающи раба Твоего, Господи!**» — А я в ответ — совсем уже невпопад (бывает, когда расслабишься): «**Нынѣ же прѣвѣдѣши съ мною в рай**» (евангельские слова, обращенные к сораспятому разбойнику благоразумному). Потом я, наверное, слишком уж часто, говорил всем «спасибо», на что Дмитрий Николаевич Шмелев назидательно заметил: «Вы никого не обязаны благодарить!».

Годом позже состоялся последний, XI Международный съезд славистов в Братиславе, последний, в котором Толстой весьма активно участвовал и был полон сил. Из Москвы в Братиславу и обратно мы путешествовали вместе, в одном железнодорожном купе. Из тогдашних братиславских контактов запомнилось: мы с Толстым приглашены в телекентр, едем в машине, а напористая телевизионная дама обращается то к одному, то к другому с предварительными вопросами, как бы готовя нас к тому, о чем каждый будет говорить перед телеобъективом. Вопрос ко мне: «Господин профессор, как вы думаете, откуда славяне пришли на Дунай?» — Я в ответ: «Думаю, что они ниоткуда не приходили!» — Никита (с живостью): «Олег, а вы так и скажите!». Ну, я так и сказал...

¹ Институт русского языка РАН (прим. ред.).

Толстому совершенно не свойственно было безучастное равнодушие, он весь светился дружеским участием, таким и остался в нашей, моей памяти. Из относительно недавнего времени: мы сидим на каком-то заведомо длинном заседании, Толстой понимающе смотрит на меня и вдруг говорит, наверное, уловив тоску в моем взоре: «Олег, а ведь вам совсем не обязательно здесь сидеть!». Редко кто другой так проницательно понял меня, то, что я тяготилась заседаниями и предпочел бы проводить время иначе.

Эта доброта, как и отзывчивость на добро, на добре слово были органически присущи ему как личности, но были тут, по-видимому, и глубокие фамильные, толстовские корни. Помню и считаю неслучайными слова Льва Николаевича Толстого, которые услышал от Никиты Ильича: «Если мне скажут: «Лёв Николаевич, какие у вас жемчужные зубы», — а у меня во рту всего один зуб, да и то гнилой, то завтра я буду искать этого человека, чтобы он мне повторил то же самое». Толстой умел вовремя, в нужный момент вспомнить о человеке, привлечь его для участия в деле. И это всегда стоило того и было интересно.

...Эта любезность и необычайная отзывчивость Толстого, готовность к контакту порой даже с теми, кого, казалось, и близко к себе подпускать не стоило, вызывала у меня иногда, не скрою, внутренний спор, но весьма возможно, что названная черта непротиворечиво укладывалась именно в толстовский вариант широты натуры, а также более, чем вероятно, что он отдавал себе и тут трезвый отчет сам во всем, сознательно не избегал и таких контактов, шел на это в интересах дела. Я заговорил о дипломатичности Толстого, о качестве, которым он (думаю, со мной согласятся) был наделен в высокой степени, обладая и терпимостью, и гибкостью, и мудрым расчетом. Незаурядные качества — если за ними стоит благородство побуждений, а это как раз был случай Толстого, который, любя науку и благоволяя к людям науки, руководствовался бескорыстными и высокими помыслами. Я уверен, что он и сам задумывался о дипломатии и дипломатичности в своей жизни и в жизни научной. Ведь не спроста же, наверное, он вспоминал как-то в разговоре об одном своем дальнем предке, стольнике Толстом — первом русском дипломате.

Именно такие люди, с такими качествами души и ума призваны руководить наукой, занимать высокие организаторские посты и должности. Никита Ильич Толстой отлично смотрелся как главный редактор журнала¹, как глава научного направления, как председатель комитета славистов, в последние годы жизни — как член Президиума Академии и в более ранние годы — как руководитель экспедиций в дорогое его сердцу Полесье.

...Он был трогательно дружен с собаками. Вспоминается живший давно в квартире Толстых спаниель Малыш с шелковистыми вислыми ушами, породистый и интеллигентный. «Очень умная собака! — восхищался Самуил Борисович Бернштейн. — Может диссертации писать». Когда пришло время и Малыш умер, Никита сам отнес его на руках и похоронил. А в последние годы жизни Толстого семья призрела, уже на Б. Ордынке, одну совсем беспородную, уличную черненьющую собачку. Мы приглашены к ним на масленицу 1992 года. В доме гости, под ногами путается собачка, жмется к хозяину, а Толстой ей назидательно-ласково говорит: «Надо вести себя прилично...».

Вопреки всей своей дипломатичности, он мог порой просто взорваться в ответ на искусственно кем-то создаваемые сложности в нашей и без того сложной жизни — здоровая реакция здорового организма.

...Этот жизнерадостный, крепкий дух обитал в крепкой, жизнелюбивой плоти. Его худоба, несколько подчеркнутая ростом выше среднего, пронзительной живостью взгляда и некоторой как бы изможденностью лица, были обманчивы: на самом деле это был сильный физически человек, выносливый, хорошо плававший (и через Припять в Полесье, по рассказам, и в Черном море — это уже на моих глазах, когда мы съехались в Крыму осенью 1983 года, после IX, киевского, Международного съезда славистов, и провели вместе несколько незабываемых часов у нас, в санатории «Украина», и в Гурзуфе, где жила мать А. Ф. Журавлева, в доме которой остановились Толстые). Показательно, что Толстой обходился без всякого там санаторного лечения и вообще не докучал врачам, полагаясь на свои силы. Он и в год своего семидесятилетия (1993) легко,

¹ Имеется в виду журнал «Вопросы языкоznания» (прим. ред.).

одним махом, забрасывал свое тело на верхнюю полку четырехместного купе, в котором мы ехали со своими женами в Братиславу. Кстати, светлое воспоминание оставил сам акт празднования его семидесятилетия в июне 1993 года в нашем Отделении. Звучали приветствия, сам юбиляр прочитал научный доклад в улыбчивой, ненавязчивой манере, как бы приглашая собравшихся сильно не напрягаться, а в конце, уже совсем прия в веселое расположение, выразил надежду, что вот теперь все перейдут в другое помещение и смогут там выпить с ним водки. Он знал толк в вине, а точнее — в водке или водках, не довольствовался магазинным ассортиментом и творил одному ему известные настойки на травах и при случае угождал ими друзей — дома, в дороге, в заграницах. Он был жизнелюбив, не упускал случая ввернуть соленое словцо, но никогда, ни при каких обстоятельствах не покидала его эта завидная толстовская одухотворенность.

Р. В. Булатова, Р. Ф. Доронина

Инесса Евгеньевна Можаева

Невозможно представить Институт славяноведения без Инессы Евгеньевны Можаевой (1925—1996), которая с 1951 г. в течение четырех десятилетий была душой нашего коллектива, самым активным и заинтересованным участником его общественной жизни. Инна была из числа первых выпускников славянской кафедры филфака МГУ, окончила аспирантуру у профессора С. Б. Бернштейна и в 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию по сербохорватскому языку.

В это время в секторе славянского языкознания, которым руководил С. Б. Бернштейн, усилия молодых специалистов были направлены на работу над атласом болгарских говоров (на территории СССР). В ежегодных диалектологических экспедициях по Бесарабии участвовали почти все сотрудники сектора, в том числе и Инна. В преддверии IV Международного съезда славистов (1958), который принимала Москва, большое внимание было уделено составлению библиографий по славяноведению. Вот тогда Инесса Евгеньевна и была впервые привлечена к этой работе. Совместно с сотрудникой Института русского языка М. В. Ляпон она выпустила в 1963 г. библиографический указатель литературы по славянскому языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1960 г. В дальнейшем библиографическая работа стала для Инессы Евгеньевны основной. Именно в этой области в полном объеме реализовались присущие ей качества: умение быстро понять и четко сформулировать главное, описывая научные исследования из любой области языкознания. Со временем Инесса Евгеньевна стала высококлассным библиографом, оставив всем поколениям славистов (ведь библиографии не устаревают!) две книги —

аннотированные библиографии. Одна — по южнославянским языкам (М., 1969), охватывающая исследования с 1845 по 1965 г., другая — по кирилло-мефодиевской проблематике (М., 1980), включавшая литературу с 1945 по 1965 г. Кроме того, Инесса Евгеньевна в течение ряда лет поставляла библиографию трудов, выходивших в СССР, в авторитетный польский журнал «*Rocznik sławistyczny*».

Нельзя не учитывать оценку, которую дал ее работе В. П. Гудков в своем докладе «200 лет изучения сербского языка в России и в Московском университете» на собрании Славистического общества Сербии (2004 г.). Вспоминая судьбу энциклопедического труда П. А. Ровинского «Черногория в прошлом и настоящем», долго не доходившего до читателей Сербии и Черногории, автор отмечает: «Этот случай не уникален. Было бы целесообразно продолжить труд покойной И. Е. Можаевой, опубликовавшей советскую и российскую библиографию по южнославянским языкам по 1965 год. Хотелось бы надеяться на то, что такой обзор будет в обозримом будущем составлен и издан. Может быть, как совместный российско-сербский проект¹».

Природа обошлась с Инной безжалостно. У нее от рождения были изувечены левая рука и позвоночник. К тому же она рано лишилась матери. Но эти трагедии не согнули нашу Инну. Она всегда была полна оптимизма, доброжелательности, умела радоваться жизни. Она обожала театр, бывала на всех премьерах, много читала, знала все новинки (в оценках которых сказывался ее критический ум). У Инны было немало друзей и в Институте, и вне его — она умела дружить. У Инны не было собственной семьи (единственным близким человеком был милейший Евгений Иванович, любящий и преданный отец, человек большого благородства), но она всегда оставалась притягательным центром для подруг, чьи радости и горести умела разделять. Ей было уютно в Институте, который стал для нее родным домом.

Инесса Евгеньевна была многолетним членом месткома и редколлегии стенгазеты, столь любимой сотрудниками, неизменным организатором и конферансье наших «капустников». Она обладала замечательным качеством — любовью

Р. В. Булгатова,
Р. Ф. Доронина

Инесса Евгеньевна Можаева

¹ Славистика. Књ. VIII. Београд, 2004. С. 24.

к детям наших сотрудником. Ни одна новогодняя елка (подготовка, оформление, подарки, встреча детей в Трубниках) не обходилась без Инны. И дети, такие взыскательные к новым взрослым, все без исключения отвечали на ее приветливую улыбку и добрые слова непринужденно и весело. Она знала наших детей по именам, помнила их возраст.

Не было на экскурсиях с Сашей Роговым более постоянно-го и благодарного участника, чем Инесса Евгеньевна. Великая путешественница, она объездила почти всю нашу страну по туристическим маршрутам.

Инна очень тяжело уходила из жизни. Мы, ее коллеги — А. П. Соловьева, Д. А. Ермакова, Р. В. Булатова — пытались ей помочь, старались поддержать. Прах Инессы Евгеньевны Можаевой покойится в колумбарии на Ваганьковском кладбище рядом с отцом.

С. А. Романенко

Владимир Израилевич Фрейдзон и Тофик Муслимович Исламов

Вспоминать о годах, проведенных в секторе Новой истории стран Центральной Европы, где я имел честь сначала учиться в аспирантуре под руководством В. И. Фрейдзона, а впоследствии работать под руководством Т. М. Исламова, и сладко, и горько. Сладко — потому что это были замечательные годы, когда мне выпало счастье учиться профессии у этих выдающихся ученых и прекрасных людей. Разговаривать, обмениваться с ними мыслями стало для меня и многих их коллег и учеников столь же естественным, как и дышать. Казалось, так будет всегда. Но, увы, пришло время утрат, и это очень и очень горько. Эти строки — лишь фрагменты воспоминаний человека, которому несказанно повезло тридцать лет назад.

Именно в 1970—1980-е годы и возникло то человеческое и научное содружество, которое в сознании студентов после учебных курсов по историографии неразрывно связало два имени: Исламов—Фрейдзон. Казалось, значительный, наиболее плодотворный отрезок научного творчества двух исследователей пришелся на довольно суровые времена — бессмысленные 1970-е — первую половину 1980-х годов, на период брежневского «застоя» и последовавшего за тем на несколько лет безвременья. И тем не менее, именно с этими годами связан, возможно, период наивысшего подъема Института славяноведения и балканистики, символами которого во многом стали работы Фрейдзона и Исламова.

Этих людей объединял возраст, следовательно — принадлежность к одному поколению отечественных ученых, объединяла общность задач. Оба они в значительной мере стали основоположниками: Фрейдзон — исторической кроатистики, Исламов — исторической унгаристики. Их объединяла также

общность подходов к истории и предмету своего исследования — монархии Габсбургов. Их сближало отношение к людям. И, наконец, их связывали и глубокое взаимное уважение, и личная дружба.

В. И. Фрейдзону и Т. М.Исламову выпала нелегкая роль: пересмотреть наследие, негативное — по разным причинам и с разной степенью интенсивности — отношение к хорватам и венграм, к Австро-Венгрии и Югославии. Над советской исторической наукой, в частности — славистикой, югославистикой и, как сказали бы сейчас, среднеевропейскими исследованиями все еще довели сформировавшиеся в 1930—1950-е годы по известным историческим, политическим и психологическим причинам схемы, стереотипы и предрассудки, основанные на противопоставлении славянских народов германским. Славянские народы выхватывались из контекста межнациональных взаимоотношений в Австрийской империи и Австро-Венгрии, охватывавшей большую часть Центральной (Средней) Европы, и им приписывались исключительно «освободительные» устремления, в противовес «реакционным» — австронемецким и германским.

Советско-югославские, как и советско-венгерские отношения развивались очень неровно, что не могло не отражаться на условиях развития советской югославистики и унгаристики, делавших первые шаги как самостоятельные области научного исследования. «Оттепель» не растопила в СССР жесткие преграды идеологических и цензурных препятствий. Нашим ученым приходилось преодолевать прочно утвердившееся в сознании представителей советского партийного и государственного аппарата недоверие ко всему «антисоветскому», «ревизионистскому» и т. д. Кроме того, в СССР не могли забыть участие венгерских и хорватских частей в боях на Восточном фронте на стороне Германии. Все это осложняло, а иногда делало трудновыполнимой профессиональную работу историка.

Т. М. Исламов и В. И. Фрейдзон — ученые, которые защищали свои позиции, методы исследования и оценки, основывавшиеся на огромной эрудиции, мудрости и жизненном опыте. Оба они были едины в неприятии невежества, самоуверенности и национальной агрессивности, в том числе и как люди, которым довелось на себе в той или иной мере испытать национальную нетерпимость, и как ученые-историки и аналитики, которые прекрасно видели и понимали, куда ведет агрессивный этнический национализм.

Итогом многолетней и кропотливой работы В. И. Фрейдзона стала вышедшая в 1970 г. монография «Борьба хорватского народа за национальную свободу». Уже само название труда свидетельствует о смелости и принципиальности автора: именно на 1971 г. пришелся период «хорватской весны», подвергшейся жесткой критике не только со стороны Тито, но и в Москве. Остается только предполагать, сколько нервных и душевых сил вместе с дипломатическим искусством пришлось приложить автору книги в различных отделах ЦК КПСС, чтобы в условиях жесткого идеологического контроля и цензуры добиться выхода ее в свет. Для студентов-югославистов 1970-х годов она сразу стала образцом исследования по крастики.

То же самое можно сказать и об «Истории Венгрии», душой и ответственным редактором второго тома которой был Т. М. Исламов. Появившись практически одновременно, оба эти издания, разнящиеся по жанру, заложили основу понимания истории Австро-Венгрии в целом, а также очень непростых отношений венгерского и хорватского национальных движений второй половины XIX — начала XX в.

В 1970—1980-е годы в Институте при самом активном участии Т. М. Исламова и В. И. Фрейдзона было предпринято издание многотомной серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». Ее венцом стала двухтомная коллективная монография «Освободительные движения народов Австрийской империи» (1980—1981), органично сочетавшая в себе разделы, посвященные истории отдельных земель и народов, с проблемно-тематическими главами, написанными на материале разных частей полигэтничного государства. При этом национальные движения в Габсбургской монархии рассматривались в контексте всей социально-экономической, политической истории многонациональной империи, а также на фоне международных отношений в Европе. Этот двухтомник и по сей день остается единственным не только в отечественной, но и мировой историографии комплексным (междисциплинарным) и сравнительно-историческим исследованием национальных проблем государства, охватывавшего практически весь регион Средней Европы и части Юго-Восточной Европы. Это издание связано не только с именами В. И. Фрейдзона и Т. М. Исламова, но и с именем их друга и единомышленника И. С. Миллера, к сожалению не увидевшего плодов своего труда.

С. А. Романенко

Владимир Израилевич Фрейдзон
и Тофик Муслимович Исламов

Т. М. Исламов и В. И. Фрейдзон были яркими представителями сравнительно-исторических и междисциплинарных исследований в Институте славяноведения в конце 70-х — начале 90-х годов XX в. Эти ученые внесли большой вклад в создание и других коллективных трудов той же серии. Принципиально важна их совместная статья «Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе» («Новая и новейшая история». 1986. № 1), положившая начало плодотворной дискуссии с участием ведущих отечественных историков.

В научном отношении работы Фрейдзона и Исламова были во многом новаторскими. Им удалось постепенно преодолеть традиционно господствовавшее в отечественной (как дореволюционной, так и советской послевоенной) славистике негативное отношение к хорватам и их национальному движению. Они смогли посмотреть на Австрийскую империю и на Австро-Венгрию не как на «тюрьму народов», «врага славян» и «врага России», а как на сложный, исторически сформировавшийся и просуществовавший несколько столетий этнополитический организм, составной частью которого были национальные движения южнославянских народов, далеко не всегда стремившиеся к революционному разрушению империи. Оба ученых в своей исследовательской работе опирались не на схемы, а прежде всего, на факты и материал источников, внимательное отношение к которым позволяло делать выводы, выходящие за пределы «дозволенного». Хотя до конца 1980-х годов их работы, посвященные проблематике второй половины XIX века, не могли выходить за рамки марксистской методологии, но их содержание позволяло усомниться в постулатах официальной советской науки о примате классового над национальным.

С середины 90-х годов XX в. в отечественный исторической науке начали появляться новые работы по истории Средней (Центральной) и Юго-Восточной Европы, в которых их авторы продолжили лучшие традиции российского исторического страноведения. Возможность отказаться от навязываемых советским режимом идеологических догматов, снятие всякого рода «табу» и доступ к ранее неизвестным документам — все это позволило поставить на повестку дня вопрос о необходимости создания «целостной картины мира» без искусственного замалчивания или, наоборот, выпячивания отдельных

Владимир Иэрзилевич Фрейдзон
и Тофик Муслимович Исламов

С. А. Романенко

исторических событий и фигур. Впервые в современной отечественной историографии стало возможным неполитизированное и неидеологизированное изложение истории народов и стран.

Но на смену старым мифам, предрассудкам и стереотипам российской и сербской идеологии и политики второй половины XIX в., пришли новые, не менее иррациональные. В этих условиях (к сожалению, исследователи более не работали вместе столь тесно в рамках одного проекта, как было прежде) ни Т. М. Исламов, ни В. И. Фрейдзон не пошли по легкому и весьма популярному пути отказа от реальных достижений советской исторической науки и марксистского метода исследования, их замены на комбинацию этнонационалистических и геополитических концепций конца XIX — первой половины XX в. под флагом «возвращения наследия утраченного прошлого», а также подмены теории исторического процесса «конспирологией». Их работы 1990-х годов стали настоящим переосмыслением истории, переоценкой сделанного ранее, а не простой «сменой флагиков». Ученые сумели, посмотреть на процесс со стороны, объясняя причины, но не оправдывая его участников, к какой бы национальности или классу они не принадлежали, не следя иннациональной мифологии в противовес отечественной. В этой связи хотелось бы особо упомянуть их обращение к региональным исследованиям, свидетельством чего стала их новая совместная статья «Средняя Европа — миф, плод воображения или реальность?».

Т. М. Исламов и В. И. Фрейдзон были единомышленниками, что вовсе не исключало дискуссий между ними, различий в подходе к объекту исследования и оценке тех или иных событий. Разными были и их характеры. Исследовательский и литературный стили Исламова и Фрейдзона также заметно отличались — размашистый, эмоциональный, образный стиль Исламова с множеством метафор и сдержанний, несколько суховатый и педантичный, основательный, «математический», но от этого не менее элегантный стиль Фрейдзона. Но эти различия не влияли на присущую им обоим безукоризненную логику повествования и красоту логических построений в ходе исследования. Каждая легкость изложения достигалась ежедневной упорной многочасовой работой, была результатом большой любознательности и вместе с тем ответственности. Их рукописи проходили несколько этапов саморе-

С. А. Романенко

Владимир Израилевич Фрейдзон
и Тофик Муслимович Исламов

дактирования при учете мнения оппонентов. Каждый из них стремился найти только одно, самое точное — как в поэзии — единственное слово, которое может отразить не только суть явления, но и нюансы авторской позиции.

Отличительными чертами их исследовательского стиля были основательность, стремление собрать максимально возможное количество источников, их доскональная обработка и тщательный анализ, всестороннее знание историографии, интеллектуальное изящество, потрясающая работоспособность, энциклопедические знания. Они не навязывали своих взглядов и оценок, но любой текст оценивали и правили исходя из собственных критерии профессионализма. Как ученые и профессионалы высочайшего класса, они были исключительно строги и требовательны и к себе, и к другим. Полемику вели уважительно, не привнося ничего обидного для оппонентов лично. Деликатность в общении не означала снижения уровня оценки работ коллег или отказа от своих научных позиций.

Т. М. Исламов и В. И. Фрейдзон являли собой исключительно плодотворный творческий tandem. Но их многолетнее сотрудничество основывалось не только на общности научных интересов, они были большими друзьями. Исламов и Фрейдзон — это явление не только историографии, но и нравственной истории отечественной науки. Они могут служить примером отношений между коллегами.

По возрасту эти ученые были почти ровесниками — разница между ними составляла всего пять лет. Но В. И. был не просто старше — он был старше на годы войны. И Т. М. очень трогательно относился к В. И. — он придавал своему отношению и удивительную личную трепетность почтения младшего брата к старшему, которое воспитывают на Кавказе, и уважение к фронтовику.

Т. М. и В. И. как магнитом притягивали к себе множество людей своим обаянием, интеллигентностью, оригинальностью мысли и способностью играть идеями и образами. К ним обоим тянулись и их обоих очень уважали многие, не только в отечестве, но и за его рубежами. Кому-то принадлежит мысль о том, что самая крепкая дружба — это дружба интеллектуальная. Не только совместные исследования, но и многолетняя искренняя дружба связывали В. И. Фрейдзона с российскими учеными, оригинальные концепции и фундированные труды которых оставили значительный след в истории отечествен-

Владимир Израилевич Фрейдзон
и Тофик Муслимович Исламов

С. А. Романенко

ной науки (Ю. В. Бромлей, И. С. Миллер, А. С. Мыльников). Его друзьями на всю жизнь стали и ведущие югославские историки разных национальностей.

Не меньшие симпатии, уважение и искреннюю дружбу коллег не только в России, но и в Венгрии, Австрии, Германии, США снискал Т. М. Исламов. Под обаяние его личности подпадали и седовласые профессора университетов, и чопорные директора институтов, и многочисленные студенты и аспиранты, которым он помогал найти свой путь в науке, радуясь каждой удачной мысли, высказанной на студенческой конференции.

Будучи признанными учеными, Фрейдзон и Исламов были абсолютно лишены высокомерия, холодности и замкнутости по отношению к молодым коллегам. С ними можно было абсолютно на равных обсудить любую проблему. Свобода творческих дискуссий была абсолютной, что, впрочем, совершенно не мешало им оставаться для нас непререкаемыми авторитетами и проявлять по отношению к нам ту же требовательность, которую они проявляли по отношению к себе. Причем даже такую рутинную и официозную вещь как методологические семинары в рамках так называемой системы «партийной учебы» (помните?!) они сумели превратить в очень интересные, важные и полезные обсуждения проблем, непосредственно связанных с исследованиями сектора.

Упомяну только об одном случае. В 1990 г. Т. М. пригласили в США на конференцию, посвященную сравнительному изучению Австро-Венгрии и СССР. Была тогда такая мода. И он сумел какими-то неведомыми путями добиться того, чтобы помимо него приглашение получили еще трое молодых сотрудников — А. И. Миллер, К. В. Никифоров и автор этих строк. Много ли найдется подобного рода примеров?!

И В. И., и Т. М. всегда были готовы прочитать диплом, диссертацию или статью молодого коллеги и высказать ему свои соображения. В. И. делал это, даже будучи тяжело больным, и диплом одного из выпускников кафедры, которую он сам когда-то окончил, так и остался лежать на его письменном столе чуть-чуть недочитанным. Причем им обоим была свойственна исключительная черта — умение радоваться новому таланту. Они проявляли строгость, но ни в коем случае не «топтали» молодежь «для ее же пользы». Мягкость, интеллигентность, глубокая личная порядочность и толерантность

С. А. Романенко Владимира Израилевича Фрейдзона
и Тофик Муслимович Исламов

в общении с коллегами сочетались с большой требовательностью. Высоко подняв свою планку в том, что касается качества работы, обеспечения ее источниками, доказательности концепции и т. д., они требовали того же и от других.

И В. И., и Т. М. были историками не только по профессии, но и по призванию. Оба они, жили и мыслили историей и беззатратно служили ей. Хотя они сами крайне редко выступали в СМИ, любой мало-мальски профессиональный чиновник, политик, аналитик или журналист не мог не опираться на результаты их исследований. Им были свойственны колоссальная эрудиция и начитанность. Они постоянно работали, в любых условиях, любую информацию пропуская сквозь призму своей профессии и заставляя служить ей. Их работы долгие годы будут входить в число обязательной для прочтения студентами и аспирантами литературы. Несмотря на недуги, они оба мужественно работали до самого последнего момента. Несколько подготовленных ими статей и публикаций вышли в свет уже после их кончины.

Вспоминать Т. М. Исламова и В. И. Фрейдзона и сладко, и горько. Сладко, потому что пока писал эти строки, словно вновь побывал в их обществе. А горько потому, что этих замечательных людей нет среди нас. Но добрая память о них и их работы навсегда останутся с нами.

И. В. Волкова¹

Владимир Константинович Волков: человек и учёный

«Как вы хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» — этот постулат из Евангелия от Матфея, сознательно или нет, В. К. Волков воплощал в своей жизни. Возможно, именно по этой причине круг его друзей был чрезвычайно широк — к нему тянулись люди из самых разных сфер деятельности: потомственный мхатовец, профессор кафедры актерского мастерства школы-студии МХАТ Олег Георгиевич Герасимов, блестящий знаток французского языка, переводчик и филолог Юрий Петрович Уваров, историк и журналист Михаил Александрович Палант, профессор исторического факультета ЛГУ и известный уфолог Вадим Борисович Вилинбахов, врач-пульманолог Владимир Петрович Сильвестров и многие другие. Среди коллег по Институту славяноведения — Владимир Дорофеевич Королюк и Владимир Михайлович Турок-Попов, которых Владимир Константинович считал не только своими друзьями, но и учителями в науке. Круг его интересов был поистине неисчерпаем — история, политология, литература, искусство, уфология... Он всерьез мог «загореться» новой идеей или даже новым для себя направлением научного поиска. Эта неподдельная увлеченность и доброжелательность позволяли людям в его обществе чувствовать себя непринужденно, свободно делиться творческими планами, а зачастую — житейскими неурядицами. Он умел радоваться чужому успеху и сопереживать чужой беде. Всегда выручал — чем мог и сколько мог. В отношениях с людьми для него не существовало ни

¹ Волкова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, работает в Высшей школе экономики.

возрастных, ни ранговых барьеров. В разряд личных друзей переходили многие его аспиранты, дети товарищей-однокурсников. Дружеское застолье или просто незапланированная встреча экспромтом с долгими чаепитиями на кухне под интереснейшие беседы составляли одну из самых больших радостей в жизни В. К. Волкова. В доме бывали и известные литераторы: Юlian Семенов, Аркадий Стругацкий. С Ю. С. Семеновым Владимира Константиновича связывали приятельские отношения. Историк по образованию Ю. С. Семенов всегда заботился о том, чтобы его герои и сюжетные действия не выбивались из канвы исторического процесса, были бы достоверны и убедительны, поэтому неудивительно, что он внимательно прислушивался к мнению Владимира Константиновича, ценил его яркие, отточенные характеристики исторических эпох, ситуаций, персонажей. В частности, Волков консультировал Ю. Семенова, писавшего роман о последнем году жизни Петра I. По ходу этой работы Владимир Константинович достаточно глубоко вник в историю политической борьбы в России и в международную ситуацию в 1724—1725 гг. В результате появилась интересная статья.

Все, с кем пересекались деловые, личные человеческие пути В. К. Волкова, отмечали его глубокую порядочность, способность взять на себя ответственность в сложных обстоятельствах. Эти качества проявились уже в ранней юности. Его товарищам по историческому факультету МГУ хорошо памятна история октября 1949 г. Тогда он, студент-первокурсник, не проучившийся и двух полных месяцев на факультете, успел обратить на себя внимание общественной активностью, организаторскими способностями. На курсовом комсомольском собрании он был избран председателем счетной комиссии по выборам делегатов районной комсомольской конференции. В списке соискателей делегатского мандата значилась фамилия Н. П. Красавченко — в то время первого секретаря Московского горкома ВЛКСМ. Студенты-первокурсники, плохо знавшие неписанные правила «игры», по которым голоса должны были распределяться в соответствии с Табелью о рангах, вычеркнули из бюллетеней фамилию малоизвестного им кандидата. Тогда старшие коллеги из партийного бюро факультета

порекомендовали председателю счетной комиссии объявить о единогласной поддержке собранием кандидатуры Красавченко. Волков оказался «между молотом и наковальней». С одной стороны, такое решение означало фальсификацию результатов выборов, что он прекрасно понимал, с другой — отказавшись принять указание «свыше», он подставлял себя «под удар». Пришлось подчиниться фактической директиве. Разумеется, подобные ситуации были обыденностью для того времени. Вполне возможно, что и на этот раз все сошло бы с рук, если бы не донос одной из ретивых сокурсниц. И дело завертелось. Не зная, не ведая, Волков, как под гусеницы танка, угодил в большую политическую интригу, которая происходила в высших эшелонах власти. Информация о подтасовке результатов голосования получила максимальную огласку и была использована против Красавченко, который в то время состязался с А. Н. Шелепиным за пост первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Разбирательство было долгим и упорным. Доброты советовали Володе Волкову сослаться на прямое указание партийного бюро факультета. Но тот не стал прятаться ни за чьи спины, став маленьким стрелочником в этом инциденте: он был исключен из комсомола, но оставлен в университете, который блестяще окончил в 1954 г. Однако эта история «аукалась» ему на протяжении всего курса обучения. Так, на экзамене по истории партии, несмотря на отличное владение материалом, в итоге опроса, длившегося целый час (!), он получил только «четыре» с безапелляционным обоснованием оценки: «Не может человек, исключенный из комсомола, знать этот предмет на “отлично”!». Правда, в том же году, когда начались первые признаки хрущевской «оттепели», Волков был восстановлен в комсомоле.

Получив в молодости такой «политический опыт», В. К. Волков много позднее сознательно шел на риск, помогая коллегам избежать подобных испытаний. Так, будучи секретарем партийной организации Института славяноведения, он неоднократно отводил санкции от А. И. Рогова, талантливого ученого, к которому проявляли интерес представители советской госбезопасности в связи с тем, что тот не только общался с иерархами православной церкви, но и преподавал в Духовной академии.

И. В. Волкова

Владимир Константинович Волков:
человек и учёный

И. В. Волкова
Владимир Константинович Волков:
человек и учёный

мии. По меркам периода застоя это были занятия, несовместимые со статусом научного сотрудника академического института. В. К. Волков помогал некоторым из диссидентов-«подписантов», изгнанным из академической системы за активную гражданскую позицию. Дело тут было вовсе не в совпадении идейных позиций — он мог принимать или не принимать их взгляды. Но он помогал тем, кто остался без работы из-за своих взглядов. Он брал на свое имя работу — переводы и статьи в реферативных журналах — отдавал и ес, и гонорары нуждающимся людям, потому что не мог равнодушно пройти мимо чужого несчастья. Ни тогда, ни позже, он не ставил себе этого в заслугу, считая такое поведение единственно возможным для нормального человека.

Владимир Константинович был увлекающимся человеком. Увлечениям он отдавался со всей страстью своей натуры. В исторических штудиях, помимо родной славистики, его всегда привлекала к себе и история России. По-видимому, иначе и быть не могло, если учесть тесные исторические связи России со славянским миром. Однако причины этого притяжения были заложены глубже — пробуждение интереса к истории и последующее становление В. К. Волкова как историка было обусловлено соприкосновением с отечественным прошлым. Он родился в Воронеже, где, как известно, строился флот Петра Великого, и петровская тема в истории стала на всю жизнь одной из самых интригующих и увлекательных для него. В Московском университете, где он учился, были представлены лучшие силы отечественной русистики (студент Волков занимался в семинарах К. В. Базилевича, И. А. Федосова и др.). Среди его добрых знакомых и близких друзей были историки-русисты. Общение с ними давало дополнительную подпитку его занятиям отечественным прошлым.

Проблемой, которая сквозной линией проходила через научное творчество В. К. Волкова, являлся распад Российской империи и Советского Союза. Одной из самых важных граней этой проблемы он считал развитие украинского сепаратизма. Его выступления по проблемам украинского национализма и сепаратизма всегда отличала острые полемичность, смелая постановка вопроса о политической подоплеке борьбы за ук-

раинизацию культурной и общественной жизни Украины, которая развернулась на заключительном отрезке советской истории. Такую подоплеку он усматривал в сознательных стремлениях ряда влиятельных политических сил посеять рознь между братскими народами или даже внутри одного народа, подорвать тем самым статус России как великой державы. Его глубокую озабоченность вызывали настроения русофобии, антироссийские кампании в СМИ, которыми был пронизан весь политический процесс на Украине, начиная с 90-х годов XX в.

Наконец, отдельное и очень значительное место в научном поиске В. К. Волкова заняла тема Великой Отечественной войны, международных отношений и дипломатической борьбы кануна и начального периода войны. В 1991 г. на научной конференции в Вене он выступил с докладом, который был озаглавлен «22 июня 1941 г.». В следующие годы он подготовил и опубликовал ряд статей и очерков, посвященных этой теме. Центральная проблема, которая его занимала в этой исследовательской области — «внезапность» нападения фашистской Германии на СССР. Он скептически оценивал клишированные пропагандистские оценки и пытался разобраться в существе проблемы. В поисках ответа он обращался к композиции сил, сложившейся на международной арене в 1940 г. Картина выглядела следующим образом: во-первых, СССР, ощущавший свою изолированность, во-вторых, англо-американский блок, фактически сложившийся в конце 1940 г.; в-третьих, фашистский блок, окончательно оформившийся в сентябре 1940 г. после подписания Тройственного пакта. В. К. Волков отмечал, что с лета 1940 г. советское руководство, преследуемое кошмаром объединенного похода капиталистических стран против СССР, стало усиленно подозревать Великобританию, а затем и США в намерении подорвать советско-германские отношения и столкнуть лбами Германию и СССР. Такие подозрения не были лишены объективных предпосылок. Владимир Константинович останавливался и на непосредственных последствиях односторонней и предвзятой интерпретации Сталиным информации о намерениях Германии, что в результате привело к опозданию принятия мер по отпору агрессии.

И. В. Волкова

Владимир Константинович Волков:
человек и учёный

Волков выдвигал предположение, что какие-то новые штрихи к картине международных отношений предвоенного периода могла бы внести переписка Сталина и Гитлера, и считал, что поиски этих документов не бесперспективны — такая находка могла бы восстановить некоторые разорванные звенья в цепочке событий 1941 г.

Владимир Константинович был человеком, одаренным в разных областях деятельности. Совершенно очевидно, что у него были и административная «жилка», и здоровая нацеленность на карьерное продвижение. Но научные интересы всегда превалировали над этими началами. В истории науки можно отыскать немного примеров, когда вполне успешные и состоявшиеся директора научных учреждений добровольно, а, главное, с радостью отказывались бы от своих полномочий с тем, чтобы оставшееся в их распоряжении время и силы использовать для реализации научных замыслов. В. К. Волков как раз и представлял собой такой случай. Увы, шанса, о котором он

Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова

В. К. Волков в нашей памяти

Писать о В. К. Волкове сейчас очень трудно. Почти невозможно осознать, что Володи — а для многих и многих в Институте он был и остается просто Володей — уже нет среди нас. Без малого полвека, день за днем, месяц за месяцем, работая в разных научных подразделениях, мы были вместе — в библиотеке, в архиве, на заседаниях Ученого совета, на партийных и профсоюзных собраниях, на научных конференциях. В зарубежных командировках, бывало, встречались как близкие родственники.

Сейчас мы отчетливо понимаем, что общность научных интересов, стремление к честному выполнению своего профессионального долга оказывались, в конце концов, выше зачастую далеко не простых, а то и просто конфликтных личных отношений... при всех расхождениях и разногласиях и для него, и для нас оставались главными наша наука, авторитет и судьба Института. Это был тот стержень, вокруг которого создавался и объединялся весь наш творческий коллектив.

Володя пришел в Институт в 1956 г., не имея научной степени, на должность младшего научного сотрудника, но сразу же поразил многих своей образованностью, начитанностью, широтой профессиональных знаний. Его научные горизонты раскрылись и профессиональные интересы в полной мере определились в то время, когда он начал работать в секторе истории славяно-германских отношений. В. К. Волкову, как и многим из нас, необыкновенно повезло в жизни. Он становился историком-международником, близко соприкасаясь

с такими признанными в нашей науке величинами, как В. Д. Королюк и В. М. Турок-Попов. Их троих, людей разных поколений и разных судеб, объединяла редкая в научной среде долголетняя и преданная человеческая дружба. Володя всегда с большим уважением относился и к Королюку, и к Туроку, оставил верен их памяти до последних дней своей собственной жизни.

Шестой директор со дня основания нашего Института он, доктор исторических наук, сменил на этом посту академика Д. Ф. Маркова и занимал директорское кресло около двадцати лет. На долю Владимира Константиновича пришлось необыкновенно трудное время перестройки и распада государства. Менялась страна, возникало другое государство — Россия. Отечественная историческая наука тоже вступала в новую эпоху. Открывались еще недавно недоступные архивы... Но научные сотрудники, видные деятели науки, ее подвижники, академики — все сидели «на голодном пайке». Зарплаты выплачивались лишь эпизодически. Не выдерживала тягот жизни наиболее незащищенная часть научных сотрудников — молодые специалисты. Они покидали стены Института. Затем пришла «волна» сокращений научно-исследовательских учреждений Российской Академии наук. Над Институтом нависла опасность его ликвидации, а над Волковым — угроза стать его последним директором.

В. К. Волков принадлежал к числу тех руководителей академической науки, кто в это тяжелое время в полной мере понимал, какие негативные последствия с точки зрения государственных интересов может иметь исчезновение комплексного центра отечественной славистики. Поддержаный всем коллективом научных сотрудников он в те трудные годы развел бурную деятельность по спасению Института и его кадров, убеждая не только членов Отделения истории и Отделения литературы и языка РАН. Ему удалось привлечь на свою сторону представителей естественных и точных наук, которые активно высказались (в отличие от курировавшего нас тогда вице-президента РАН) за сохранение Института славяноведения в системе научных подразделений Академии.

Немалую роль в спасении нашего Института сыграла и позиция Русской православной церкви в лице митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, с которым Институт и лично В. К. Волкова связывали прочные многолетние контакты. Московская патриархия высоко оценивала и оценивает научный вклад Института и В. К. Волкова как его руководителя в организацию и проведение ежегодных Дней славянской письменности и культуры.

Окончательно вопрос о сохранении Института славяноведения был решен в Администрации Президента Российской Федерации...

Сейчас, когда мы вспоминаем и как бы заново переживаем то время, в полной мере становится ясно, каких душевных сил, энергии, настойчивости и воли кампания по спасению Института стоила нашей дирекции и, прежде всего Владимиру Константиновичу Волкову, Володе. Если бы тогда у них «опустились руки», то вряд ли бы мы смогли отметить 50-летие, а тем более 60-летие Института славяноведения.

Неизмеримо жаль, что 20 февраля 2007 г. на праздновании юбилея Института не было среди нас Владимира Константиновича, что он не услышал тех приветственных слов в адрес нашего коллектива, с которыми обращались к нам руководители академической науки, директора «братских» институтов, представители университетов, других высших учебных заведений. Говоря о нашей научной деятельности, крупные ученые подчеркивали, что Институт славяноведения служит государству Российскому, изучая уникальное историческое и культурное наследие славянских народов и создавая труды в этой области.

Представляется, что высокая оценка работы коллектива Института, данная Президентом России В. В. Путиным в его приветственной телеграмме, относится ко всем поколениям славистов. Но слова о том, что «Институт вырос в крупный и авторитетный центр, где сосредоточен богатый интеллектуальный потенциал, работают замечательные специалисты, реализуются перспективные исследовательские и просветительские проекты», следует поставить в заслугу, прежде всего В. К. Волкову.

Г. П. Мурашко
А. Ф. Носкова
В. К. Волков в нашей памяти

Для многих научных сотрудников — сверстников Волкова, этот человек, обладавший необыкновенной способностью к иностранным языкам, феноменальной памятью и необходимыми историку аналитическими способностями, навсегда останется просто Володей. В такой неординарной личности органично сочетались юмор, умение ценить шутку и демократичность в общении с коллективом. А известное всем гостеприимство и открытость дома олицетворяла его очаровательная и преданная жена Лилия Ашотовна, которую уважали и уважают, и желают ей здоровья сотрудники нашего Института.

Наш Институт, как любой творческий коллектив, это живой организм, который развивается, стареет и одновременно молодеет, непрерывно меняясь. Нам только кажется, что мы живем каждый своей отдельной жизнью, но в действительности мы все вместе, ибо нас объединяет именно Институт. В нем мы единое целое, у нас общие достижения и общие потери...

С. М. Толстая

Из воспоминаний о Владимире Николаевиче Топорове¹

...В 1954 году В. Н. Топоров был зачислен в штат сотрудников Института славяноведения Академии наук, где он проработал до самой смерти, т. е. более полувека (с 1992 года он по совместительству был сотрудником Института высших гуманитарных исследований РГГУ). Это было время возрождения отечественной славистики, разгромленной в 1930-е годы: после войны были открыты славянские кафедры в Москве, Ленинграде и Львове и создан академический институт в Москве. Как-то Владимир Николаевич вспоминал об Институте того времени: «Институт, часто тогда менявший свои места, помещался в старинном особняке (Пречистенка, 12) на углу Пречистенки и Хрущевского переулка. Некогда здесь была усадьба князей Барятинских, сформировавшаяся во второй половине XVII века. В 1812 году она сгорела и вскоре была отстроена вновь для А. П. Хрущева (Усадьба Хрущевых-Селезневых). Произошло это в 1814 году, архитектором был, предположительно, А. Г. Григорьев. Здание отмечено и высоким художественным вкусом, и смелостью архитектурных решений, и органичностью включения его в комплекс других старинных зданий и в природную зону. Воображение со временем легко стало удалять из этой картины безобразие, появившееся в XX веке, и позволяло зрительно восстановить вид этого “пречистенского” локуса применительно к веку XIX-му, вхо-

¹ Полностью воспоминания опубликованы в книге «Славянский и балканский фольклор. Семантика и pragmatika текста». М., 2006. С. 538—559.

дившего в тихое, уютное, благословенное пречистенско-арбатское пространство»¹.

Возглавлял лингвистический отдел проф. С. Б. Бернштейн, он же был научным руководителем Владимира Николаевича по аспирантуре МГУ. Самуил Борисович сразу оценил научный потенциал и масштаб личности Владимира Николаевича, хотя поначалу сетовал на его «несамостоятельность»: вот, говорил Бернштейн, дали ему тему «локатив в славянских языках», он и написал диссертацию про локатив в славянских языках². Знавшим Владимира Николаевича и его твердость в выборе собственных путей в науке и следовании им можно только улыбнуться такому упреку, тем не менее, некоторое сознательное ученичество на первых этапах пути ему вполне могло быть присуще. В Институте Владимир Николаевич оказался в окружении талантливых молодых славистов своего поколения, которые спустя годы определили уровень и лицо нашей славистической науки. О них говорили: «три Т» — Толстой, Топоров, Трубачев (впоследствии три академика), позже в Институте появились такие выдающиеся личности, как Вяч. Вс. Иванов (ныне также академик), В. А. Дыбо (ныне член-корреспондент РАН), А. А. Зализняк (ныне академик), рано ушедшие из жизни В. М. Иллич-Свитыч и И. И. Ревзин. Такова была ближайшая институтская среда Владимира Николаевича. О каждом из этих коллег по разным поводам он сумел сказать проникновенные слова, оценить сделанное ими и выразить свою признательность за «честь быть их современниками, свидетелями их научного подвига» (такие слова, в частности, были сказаны о В. А. Дыбо в связи с его юбилеем). Чуткое внимание, понимание и участие Владимира Николаевича распространялось и на многих других его коллег по Институту, в том числе и совсем молодых; он не скучился на добрые слова по поводу новой книги или защиты диссертации; при всей своей занятости он писал юбилейные статьи, навещал больных (вспоминаю его

¹ Топоров В. Н. Олег Николаевич Трубачев (23 октября 1930 — 9 марта 2002) // Балто-славянские исследования. М., 2002. Вып. XV. С. 678—679.

² Диссертация была защищена в 1955 г. и впоследствии издана в виде монографии: Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М., 1962.

приход в больницу к Н. И. Толстому), провожал коллег в последний путь, писал некрологи; в самые последние месяцы он взялся написать предисловие к воспоминаниям недавно умершей старейшей сотрудницы института К. И. Ходовой, но уже не успел.

В 1960 году Президиум Академии наук принял решение о создании в системе Академии трех новых секторов для развития структурной лингвистики: в Институте языкоznания (под руководством А. А. Реформатского), в Институте русского языка (под руководством С. К. Шаумяна, недавнего сотрудника Института славяноведения) и в Институте славяноведения (под руководством В. Н. Топорова, кандидата наук 32 лет от роду). Ни до этого, ни после Владимир Николаевич никогда не занимал никаких административных постов, всячески отстранялся от всего официального, однако в этом случае он чувствовал ответственность момента: после многолетней идеологической борьбы со структурализмом как буржуазной наукой власти на конец позволили (разумеется, под партийным контролем) развивать новое направление в отечественной лингвистике, что было прямо связано с общим ослаблением идеологического давления, реабилитацией кибернетики и признанием необходимости работ в области машинного перевода. В это время ближайший друг Владимира Николаевича со студенческих лет Вяч. Вс. Иванов, изгнанный из Московского университета за поддержку Пастернака и отказ участвовать в его травле и нашедший приют в Институте точной механики и вычислительной техники, руководил там небольшой группой молодых исследователей, занимавшейся теоретическими проблемами машинного перевода. Когда Владимиру Николаевичу удалось убедить начальство своего Института, что без Вяч. Вс. Иванова невозможно развивать новое направление, и тот был принят на работу в сектор структурной типологии (в конце 1961 года), Владимир Николаевич стал еженедельно по присутственным дням обращаться в дирекцию с настойчивой просьбой освободить его от обязанностей заведующего сектором и назначить на эту должность Вяч. Вс. Иванова. В конце концов (в 1963 году) он добился своего, и несколько десятилетий Иванов возглавлял сектор, который в начале 1990-х приняла от него Т. М. Николаева.

Сегодня, когда научные заслуги этого уникального коллектива исследователей общепризнаны, нельзя не поражаться тому, как удалось молодому ученому, каким был в те годы В. Н. Топоров, наметить столь смелую и масштабную программу исследований, которая одновременно и возрождала прерванные традиции отечественной науки (как дореволюционной филологии, так и послереволюционного «формализма»), и открывала новые просторы научного поиска на основе комплексного подхода к изучению языка, литературы, фольклора, ритуала, искусства, культуры в целом. В начале XXI века Владимир Николаевич в кратком очерке дал общую характеристику направления и результатов сорокалетней деятельности созданного им сектора: «Сектор типологии и сравнительного языкознания вдохновлялся тем кругом общих идей, методов и открытий (теория информации, кибернетика и др.), которые стали в центре внимания в послевоенное время. Более конкретно можно говорить о роли таких понятий, как текст, система, парадигматика, синтагматика. Кроме того, в этом секторе большое место занимала проблематика индоевропейских реконструкций как в языковом плане, так и в связи с проблемами ритуала и мифа. Существенным образом славянские факты рассматривались в сопоставлении с другими индоевропейскими языковыми и культурными традициями. Особое значение придавалось балто-славянским реконструкциям»¹.

Когда в 1961 г. Т. М. Судник и я после окончания МГУ были приняты в Институт славяноведения, Владимир Николаевич сразу же отправил нас в Литву для изучения литовских диалектов вместе с вильнюсскими диалектологами, собиравшими материал для диалектологического атласа литовского языка.

Усилия Владимира Николаевича по развитию балто-славянских исследований как важной области славистики увенчались значительными и общепризнанными результатами: пятитомным компендиумом по прусскому языку², серийным изданием «Балто-славянские исследования» (с 1972 г. вышло 16 томов), монографиями учениц В. Н. Топорова Т. М. Судник и Л. Г. Невской, позднее — трудами Н. А. Михайлова, М. В. Завьяловой и др.

¹ Топоров В. Н. Вместо предисловия. К публикации новой книги о заговорах // Заговорный текст: генезис и структура. М., 2005. С. 8.

² Топоров В. Н. Прусский язык. М., 1975—1990. [Т. 1—5]. А — Л.

Ярким событием в истории сектора, сыгравшим ключевую роль в становлении и развитии отечественной семиотики, был организованный Институтом славяноведения и Советом по кибернетике в декабре 1962 года знаменитый и скандальный «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем»¹. Инициаторами и идеиними вдохновителями симпозиума были В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов, выступившие с двумя совместными докладами: «Кетская модель мира» и «К вопросу о реконструкции кетского эпоса и его мифологических основ» (по материалам состоявшейся летом того же года экспедиции на Енисей), каждый из соавторов имел и несколько собственных докладов. Другие участники, по большей части лингвисты, в своих докладах говорили отнюдь не только о естественном языке как знаковой системе (С. К. Шаумян, И. И. Ревзин, В. В. Иванов, В. Ю. Розенцвейг, М. В. Софонов, А. А. Зализняк, Ю. С. Мартемьянов), но и о множестве других знаковых систем: о мифологии (Д. М. Сегал), семиотике искусства (Б. А. Успенский), языке кино (С. Е. Генкин), живописи (Л. Ф. Жегин, Ю. К. Лекомцев, В. Н. Вейсберг), музыки (А. К. Жолковский), народных игр (В. В. Иванов), гадании на игральных картах (М. И. Лекомцева, Б. А. Успенский), семиотике жестов (З. М. Волоцкая, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, Т. В. Цивьян) и этикета (Т. В. Цивьян), о правилах уличного движения (А. А. Зализняк), о психологии (А. М. Пятигорский, А. В. Герасимов), рекламе (П. Г. Богатырев); специальное заседание было посвящено структурной поэтике (доклады А. К. Жолковского, Ю. К. Щеглова, М. Л. Гаспарова, В. Н. Топорова, В. В. Иванова, Б. А. Успенского). Такой раскованности и свободы в те годы еще никто себе не позволял! Естественно, что симпозиум вызвал резкие нападки со стороны блюстителей идеологической нравственности — как на самом симпозиуме, так и, главным образом, после него; в многотиражных журналах появились критические статьи с «крамольными» цитатами из сборника тезисов, которые, вопреки замыслам авторов и издателей, послужили своего рода рекламой и способствовали широкому распространению идей семиотики.

¹ См.: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М., 1962.

С. М. Толстая Из воспоминаний о Владимире Николаевиче Топорове

Симпозиум был одним из главных импульсов к объединению семиотических сил московских лингвистов и тартуских литературоведов и созданию ныне всемирно известной московско-тартуской семиотической школы. Ведущей фигурой московского («лингвистического») крыла Московско-Тартуской школы («лингвистическое» родство семиотики раннего периода предопределило целый ряд очень важных ее особенностей и в последующие годы¹) В. Н. Топоров считал Вяч. Вс. Иванова, так же, как ведущая роль в «литературоведческом» тартуском крыле, безусловно, принадлежала Ю. М. Лотману. В своих воспоминаниях Владимир Николаевич подчеркнул, что «никакого соперничества, никакой борьбы за право первородства между “москвичами” и “тартусцами” не было и нет. Какой бы ни была хронология ранней истории семиотической науки, в каждом из этих двух будущих центров ее она возникала независимо, отчасти по разным причинам и в силу разных импульсов, хотя, несомненно, существовал и общий круг причин и импульсов, приведший к сходному выбору, но в несколько различных версиях. Это обстоятельство делает честь обеим сторонам, как и то, что каждая из них сочла нужным восполнить свои “недостачи” за счет другой стороны, вступив друг с другом в плодотворный творческий союз, в котором все прежние межи были перепаханы»².

...Невиданная для того времени научная свобода и независимость представителей московско-тартуского круга, естественно, воспринималась официальной научной средой как вольнодумство, граничащее с инакомыслием и политическим диссидентством. Такое отношение к «структуралистам» отчасти ощущалось даже в Институте славяноведения, где вообще атмосфера, сравнительно с другими научными учреждениями, была более «вегетарианской» (И. И. Ревзин в своих воспоминаниях, сравнивая Институт славяноведения с Институтом иностранных языков, говорит о первом: «этот сказочный институт»). Особенно обострилась обстановка после вторжения со-

¹ Топоров В. Н. Вместо воспоминания // Московско-Тартуская семиотическая школа. История. Воспоминания. Размышления. М., 1998. С. 145.

² Там же. С. 147.

ветских танков в Чехословакию в 1968 году и начавшихся репрессий в отношении тех, кто выразил открытый протест, и тех, кто посмел выступить в защиту репрессированных. Среди так называемых подписантов было немало и московских «структураллистов» и «семиотиков», в их числе и Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал и др. Институт славяноведения и в этом случае отличался от других академических институтов, беспощадно изгнавших нераскаявшихся «подписантов» (в том числе М. В. Панова, Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука и др.), сравнительно мягкой реакцией: виновных (каждого в отдельности) приглашали на заседание партбюро, где им предлагали покаяться. О том, как «покаялся» В. Н. Топоров, ходили легенды — будто бы он, когда ему представили слово, это слово взял и в течение получаса его держал: твердым голосом, называя вещи своими именами, он изложил членам партбюро не только свой взгляд на чехословацкие события и последовавшее за ними гонение на интеллигенцию, но и вообще свое мнение о советском режиме. Все это было выслушано в полном молчании, после чего Владимиру Николаевичу сказали только: «Ну, что ж, спасибо Вам за откровенность». Никто не был уволен из Института; «поражение в правах» касалось только защиты диссертаций, поскольку для этого требовалась характеристика о «политической выдержанности», но этот запрет был всеобщим, и институтское начальство при всей своей либеральности не могло его обойти. Впоследствии, спустя годы, запрет как-то смягчился или же обходился (например, Вяч. Вс. Иванов вынужден был защищать свою докторскую диссертацию в Вильнюсе в 1978 г., Ю. Д. Апресян — в Минске в 1983 г.).

В. Н. Топоров, будучи уже всемирно известным ученым, долгие годы оставался кандидатом филологических наук и старшим научным сотрудником. Дело было отнюдь не столько в официальном запрете на защиту диссертаций для «подписантов», сколько в изначальном нежелании Владимира Николаевича быть причастным к чему бы то ни было официальному и казенному, в нежелании быть «соискателем» чиновного признания. В этой своей позиции он был чрезвычайно тверд и не поддавался никаким уговорам и доводам друзей. Между тем,

С. М. Толстая Из воспоминаний о Владимире Николаевиче Топорове

всем было очевидно, что такое положение бесконечно продолжаться не может (некоторые коллеги по Институту отказывались сами защищать докторские диссертации, «пока Топоров — всего лишь кандидат»). Как только друзья Владимира Николаевича с университетских лет Дмитрий Николаевич Шмелев и Никита Ильич Толстой в декабре 1987 г. одновременно были избраны академиками по Отделению литературы и языка и получили возможность влиять на его решения, они сразу же приступили к осуществлению своего плана относительно Владимира Николаевича. Уже в январе 1988 г. Н. И. Толстой продиктовал мне письмо, согласованное затем с Д. Н. Шмелевым, которое завершалось такими словами: «Более четверти века В. Н. Топоров плодотворно работает в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, где он пользуется всеобщим уважением и высоким авторитетом. Однако его современный научный статус — кандидат филологических наук — находится в очевидном несоответствии с масштабом его научной деятельности и выдающимися научными результатами. Энциклопедическая образованность, широта научных интересов, исключительная творческая активность, новаторство и глубина исследований уже давно поставили В. Н. Топорова в глазах его коллег в ряд самых крупных славистов мира. Все это дает нам основание предложить общему собранию Отделения присудить В. Н. Топорову учченую степень доктора филологических наук honoris causa без защиты диссертации, тем более что каждая отдельная монография и каждая серия работ В. Н. Топорова, безусловно, была бы достаточным основанием для такого решения». К этому письму присоединили свои подписи еще академики Д. С. Лихачев, Т. В. Гамкелидзе и Е. П. Чельщев, и 15 июня 1988 г. решение было принято. Это не только исправило вопиющую несправедливость, но и позволило уже через два года (в 1990 г.) избрать Владимира Николаевича действительным членом Академии наук. Было еще несколько общественно значимых актов признания его заслуг: в 1990 году ему как одному из авторов энциклопедии «Мифы народов мира» была присуждена государственная премия (от которой он отказался в знак протеста против Вильнюсских событий); он был удостоен государственных наград Литвы (Орден Гедиминаса) и Латвии

(Орден Трех Звезд), избран членом иностранных академий (Латвийской и Европейской) и научных обществ (США), почетным доктором ряда университетов (Вильнюсский, РГГУ); в 1998 г. он стал первым лауреатом литературной премии А. И. Солженицына (премия присуждена «за исследования энциклопедического охвата в области русской духовной культуры, отечественной и мировой литературы, соединяющие тонкость специального анализа с объемистостью человеческого содержания; за плодотворный опыт служения филологии и национальному самопознанию в свете христианской традиции»).

В колоссальном научном наследии В. Н. Топорова можно выделить несколько ключевых тем, категорий, концептов и слов, которым посвящены многие страницы его книг и статей, к которым он возвращался на протяжении всего своего научного пути и вокруг которых строился его гипертекст. На них держится содержательное единство всего им написанного; в них — те глубинные смыслы, которые хотел донести до нас Владимир Николаевич. В одной из последних своих работ он сам назвал главные из них — *Время, Место, Человек, Слово*: «Когда-то Гёте предельно кратко, но в высшей степени по существу написал об одном определении, относящемся к четырем семантически отмеченным, более того, ключевым словам, описывающим в сумме как макрокосм, так и микрокосм: “Zur rechten Zeit / Am rechten Ort / Der rechte Mann / Hat rechtes Wort”»¹. Он посвятил также немало страниц другим онтологическим, гносеологическим и духовным категориям, таким как Весь (Предмет, Быт, Эмпирия), Дело (Действие, Ритуал), Мысль (Мудрость), Число, Имя, Святость, Судьба, и их внутренним связям друг с другом...

Мне выпало счастье общаться с Владимиром Николаевичем больше сорока лет. К моменту нашего знакомства ему было всего 32 года. И я, и мои коллеги по Институту славяноведения уже тогда совершенно отчетливо сознавали, что рядом с нами личность невиданного масштаба. Все, что спустя десятилетия

¹ Топоров В. Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923—1996). М., 2004. С. 12.

сделало его всемирно известным и принесло ему всеобщее признание и высочайший авторитет, уже тогда было при нем и со временем, казалось, не возрастило, а только раскрывалось. Он обладал сокровенным знанием, умением проникать в суть вещей и событий, постигать их глубинный смысл. Он был одарен особым «чувством другого». При всем своем «отшельничестве» он как никто иной был открыт миру и другим людям. Владимир Николаевич всегда спешил «высказаться», воплотить в слова и тексты то, что он увидел и сумел понять сам, даже не будучи уверен, что его адекватно поймут сегодняшние читатели, не тратя времени на разъяснения — не поймут сегодняшние, поймут завтрашние, поймут, когда наступит время, когда придет черед...

А. А. Плотникова

О Галине Петровне Клепиковой

Галина Петровна Клепикова работала в Институте славяноведения с 1957 года. В те далекие годы (автор этих строк тогда еще даже не родился) шла работа над «Болгарским диалектным атласом» (БДА), и Галина Петровна активно участвовала в полевом сборе материалов, а также в составлении карт и комментариев к ним (ею сделаны 23 карты в первом томе БДА). Обо всем этом я узнала почти случайно. При подготовке в 2001 г. этнолингвистической экспедиции в восточные Родопы, в село Аврен Крумовградской общины, совершенно неожиданно для нас, «молодежи», оказалось, что в Институте хранятся копии диалектных материалов из этого и других болгарских сел. С нескрываемым удивлением читала я рукописную справку о социолингвистическом состоянии села Аврен, сделанную в 1959 г. самой Галиной Петровной и любезно мне ею предоставленную сразу, как только она узнала о наших родопских планах. Галину Петровну Клепикову я всегда знала как автора монографии о карпатской пастушеской терминологии¹ и соавтора целого ряда статей С. Б. Бернштейна, освещавших вопросы карпатского языкоznания, а главное — как очень активного и искренне заинтересованного участника двух важных для карпатологии проектов — «Карпатского диалектологического атласа» (КДА)² и «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА)³.

¹ Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.

² Карпатский диалектологический атлас. М., 1967. Т. 1—2.

³ Общекарпатский диалектологический атлас. Кишинев, 1989. Вып. 1; М., 1994. Вып. 2; Warszawa, 2000. Вып. 3; Львів, 2003. Вып. 4; Bratislava, 2003. Вып. 5; Budapest, 2003. Вып. 6; Београд — Нови-Сад, 2003. Вып. 7.

Начало моего знакомства с Галиной Петровной, переросшего впоследствии в тесное и доверительное сотрудничество, я отношу к 1993 г., когда все мы, балканисты, готовились к поездке в следующем году в Грецию, в Салоники, на очередной VII Международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Я очень увлекалась составлением карт, отражающих как особенности обрядовых реалий, так и обозначающую их лексику. Свои карты я показывала коллегам в Отделе этнолингвистики и фольклора, и Светлана Михайловна Толстая как-то посоветовала мне: «Анюта, Вам стоит обратиться к Галине Петровне Клепиковой, ей будет приятно дать консультацию по картографированию». И, действительно, оставив Галину Петровну где-то в середине коридора нашего Института славяноведения и балканстики (надо сказать, эти вечные беседы в коридорах Института достаточно символичны для нашего научного общения в целом — все куда-то спешат, но вместе с тем моментально вспоминают что-либо необыкновенно важное, увидев знакомое лицо «высокого» собеседника), я сразу нашла глубокое, благожелательное и удивительно быстрое понимание тех картографических вопросов, которые казались мне проблематичными.

Следующим этапом общения с Галиной Петровной, уже значительно позже поездки на Международный конгресс в Салониках, я считаю появление в Москве молодого петербургского лингвиста Андрея Соболева (Институт лингвистических исследований РАН) в марте 1996 г. и начало совместной работы петербургских и московских ученых над «Малым диалектологическим атласом балканских языков» (МДАБЯ)¹, в которой Галина Петровна принимала самое активное участие. Соболев приехал на конференцию по сербокроатистике в МГУ, а Галина Петровна уже каким-то образом знала об этом, и перед конференцией в присутственный день в Институте неожиданно подошла ко мне и сказала: «Анна Аркадьевна, в следующий раз к нам в Институт придет молодой человек, с которым я хочу Вас познакомить, пожалуйста, не отказывайтесь». При этом я, конечно, не отказывалась, а заинтересовалась, но Галина Пет-

¹ См.: Домосилецкая М. В., Плотникова А. А., Соболев А. Н. Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 196–211.

ровна как человек очень тактичный и деликатный, формулировала любые, в том числе важные для собеседника, предложения в виде своей просьбы. Так, наше знакомство с Соболевым на конференции в МГУ было во многом подготовлено Галиной Петровной. На следующий присутственный день в Институте мы уже встретились все вместе, и тогда прозвучали конкретные предложения Андрея Николаевича по совместному сотрудничеству в проекте МДАБЯ.

Здесь следует пояснить, что к Галине Петровне Андрей Николаевич обратился с предложением участвовать в составлении основной лексической части вопросника (животноводство, ландшафт и т. п.), а ко мне — по поводу той части вопросника, которая касается всех значимых элементов традиционной духовной культуры балканских народов (обряды, обычаи и т. п.); сам Соболев работал над синтаксической частью. Разумеется, и Галина Петровна, и я пошли своим, совершенно особым, путем в решении поставленных перед нами задач. В результате в основной лексической части вопросника Галина Петровна участвовала как консультант и критик, без замечаний которого проект бы много потерял, согласившись, впрочем, добавить к основной части, т. е. к вопросам «от понятия — к слову», так называемые «семантические» вопросы «от лексемы — к понятию» (в соответствии со списком в известном исследовании К. Сандфельда). Я же составила вполне законченный этнолингвистический вопросник «для изучения балканославянского ареала», включив в него вопросы не только по календарной и семейной обрядности, но и по народной мифологии, несколько поразив тем самым нашего «заказчика» («Да это же текст, готовый к публикации!», — удивлялся Соболев). Далее в судьбе этих двух частей программы МДАБЯ Галина Петровна приняла самое активное и живое участие.

В конце мая 1996 г. мы с Галиной Петровной приехали в Питер на первое рабочее заседание по МДАБЯ. Галине Петровне сразу вручили целую папку с набранными через один интервал лексическими вопросами для ознакомления и консультации (автором которых была М. В. Домосилецкая), а я как раз привезла показать свою часть вопросника по народной духовной культуре, которую сотворила по какому-то до сих пор для меня необъяснимому вдохновению практически за один месяц. У нас был один день перед заседанием (темное

нависшее над пустынными площадями небо не располагало к длительным прогулкам по любимому городу). Галина Петровна тут же вдохновенно принялась изучать предоставленные в ее распоряжение листы с вопросами про овцеводство, растениеводство, рельеф и прочее. Конечно, сейчас я понимаю, что этот огромный интерес к питерской программе балканского атласа был обусловлен всей ее богатой и плодотворной предшествующей деятельностью, сначала над КДА, а затем и над ОКДА. Но тогда в Петербурге я очень удивлялась, как можно с таким неподдельным интересом вникать в особенности окраса овцы («овца с белыми ушами», «овца с белым хвостом», «беломордая овца», «овца с желтой мордой», «овца с рыжими пятнами», «овца с белой полосой вдоль спины», «овца с крапинками вокруг глаз», «овца с крапинками на ушах», «овца со щеками разного цвета», «овца с черными губами» и т. д.) или строения кукурузы («основание стержня початка», «узел стебля», «обвертки початка и т. д.»). Для этнолингвиста — материал суховатый, для лексиколога — безбрежное море деятельности. А Галина Петровна в отличие от многих других лексикологов умела применить к диалектной лексике еще и таинственно-сложный тогда для нас метод «семантических полей», разработанный академиком Никитой Ильичом Толстым.

После нашей поездки на первое рабочее заседание МДАБЯ Галина Петровна стала очень активно настаивать на отдельной публикации моего этнолингвистического вопросника в виде небольшой книжечки с предисловием, независимо от продвижения работы над МДАБЯ в целом. По прошествии многих лет теперь вполне понятно, что и это был ее очень важный вклад в данный проект: Галина Петровна, как всегда спешила, опасаясь, что начатое благое дело по каким-то причинам не получит должного продолжения. В результате, во многом при ее моральной поддержке и одобрении как видного ученого-лексиколога я, действительно, еще до конца 1996 г. выпустила небольшую книжечку «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала», которая со временем приобрела очень важное значение для полевого исследования самых разных балканских регионов (полевая работа по этому вопроснику велась в болгарских, сербских, македонских, греческих, албанских селах). Сейчас можно сказать, что научная

прозорливость Галины Петровны позволила расширить и сам ареал возможного применения данного вопросника: летом 2006 г. он был переведен на румынский язык и успешно использован в полевой работе в Румынии (Южные Карпаты) молодым петербургским ученым-этнографом Наталией Голант.

Публикация этнолингвистического вопросника отдельным изданием способствовала активизации научной деятельности ученых в Петербурге: очень быстро была закончена работа над лексическим и синтаксическим вопросниками — они вышли в свет уже в первой половине 1997 г.¹

Впрочем, тут не обошлось без некоего мелкого недоразумения. Поскольку Галина Петровна принимала самое деятельное участие в рецензировании и обсуждении лексической части, а главное — дописала «семантическую часть», то петербургские лингвисты, вполне справедливо с их точки зрения, включили ее в состав авторов лексического вопросника. Но сама Галина Петровна, тоже вполне справедливо, не мыслила себя автором данного вопросника, считая его несколько наивно-описательным, составленным «умозрительно», как она нередко повторяла. Кроме того, одно дело — помочь молодым ученым-диалектологам, другое дело — авторство вопросника. Научная принципиальность в подобного рода мероприятиях — еще одно ценное качество Галины Петровны, которое тогда проявилось. В уже готовом тираже брошюры коллегам пришлось заклеить фамилию Галины Петровны белой полоской бумаги.

Далее на протяжении десяти лет Галина Петровна всячески поддерживала проект МДАБЯ, считая своим долгом способствовать работе над первым реальным опытом создания балканского диалектологического атласа. Она с удовольствием принимала участие в рабочих заседаниях по атласу, в обсуждении рукописей синтаксической и лексической серий, всегда стремилась помочь в организации докладов А. Н. Соболева в Институте славяноведения, в публикации статей разных авторов

¹ Домосилецкая М. В., Жугра А. В. Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб., 1997; Соболев А. Н. Малый диалектологический атлас балканских языков. Синтаксическая программа. СПб., 1997.

по проблематике атласа. В 1999 г. нам довелось участвовать вместе и в полевых исследованиях по МДАБЯ в Македонии (село Пештани в окрестностях Охрида). Прежде всего, поражала самоотверженность и ответственность Галины Петровны в полевой работе: ничего не осталось непроверенным или не-подтвержденным; более того, в том же году мы еще съездили и в другой регион Македонии, не охваченный сеткой атласа МДАБЯ, а именно в район Велеса (село Теово, область Азот), где также работали по лексической и этнолингвистической программам. Стремление Галины Петровны расширить ареал обследования, привлечь в проект совсем новых молодых участников, опубликовать как можно больше работ, освещавших проблематику атласа, безусловно, связано с любовью к своему делу, желанием того, чтобы лингвогеографические и ареальные исследования сохраняли преемственность.

Ярко запомнилось последнее обсуждение рукописи очередного тома МДАБЯ с участием Галины Петровны. Оно состоялось в Институте славяноведения 19 сентября 2006 г. А. Н. Соболев уже по традиционно заведенному порядку предложил обсудить в нашем Институте рукопись второго тома лексической серии «Человек. Семья» (раздел пятой части программы МДАБЯ «Семья и семейный этикет»), состоящего из 115 карт и 16 некартографируемых материалов. Мы все живо откликнулись, при этом Галина Петровна со свойственной ей щательностью проработала все карты, подготовив для будущего Ученого совета очень подробную рецензию с указанием на самые мельчайшие недочеты при подаче в легендах к картам славизмов, а также словоформ из турецкого и латинского. Думаю, что автору и составителю карт Андрею Соболеву трудно было бы найти более внимательного и реально полезного для улучшения текста рукописи рецензента, чем наша Галина Петровна. Вместе с тем, Галина Петровна со свойственной ей исключительной скромностью и желанием оставаться в тени более значительных, по ее мнению, участников дискуссии, все время пыталась уступить свою очередь в выступлениях под разными (на самом деле, конечно, безосновательными) предлогами. А при обсуждении была весела, остроумна, что особенно проявилось в оживленной дискуссии по поводу «турканизмов» в легендах к картам. Андрей Николаевич настаивал на том, чтобы

оставить помету «турк.» даже при тех словоформах, которые очевидно заимствованы балканскими языками через посредство турецкого, Галина Петровна убеждала его, что это нецелесообразно для тех словоформ, которые имеют иное происхождение — из арабского или персидского языков. Поскольку оппонент никак не желал согласиться с Галиной Петровной, она вдруг с некоторым озорным превосходством сказала: «Ну, что же, Андрей Николаевич, я могу только поблагодарить Вас за то, что Вы предоставили столь благодатный материал для критики, а то бы мне просто нечего было сказать...». Безусловно, и это тоже не соответствовало действительности: подробнейший отзыв Галины Петровны на эту рукопись я впоследствии пересыпала Андрею Николаевичу, потому что именно эта обширная рецензия содержала наибольшее число конкретных и очень дельных предложений и замечаний.

Ученый совет, где нужно было представить рукопись и ознакомить всех наших коллег с отзывами и рецензиями, состоялся через месяц, 17 октября, в день, когда все мы в Институте вдруг узнали о скоропостижной кончине Галины Петровны Клепиковой в клинике города Скопье в Македонии накануне, вечером 16 октября 2006 г. Она умерла в научной командировке. Это было очередное заседание «Общеславянского лингвистического атласа», ведь и в этом масштабном лингвогеографическом проекте Галина Петровна принимала самое деятельное участие. Никто никогда не слышал от нее, что она больна, что испытывает какие-либо недомогания, потому что все это, с ее точки зрения, мешало работе, препятствовало выполнению ответственных дел и заданий, научному творчеству. Удивительный человек, выдающийся ученый, от которого все мы так многому научились, она ушла в полном расцвете своих творческих сил и возможностей. Никто не мог в это поверить, не верится и до сих пор...

Не наукой единой
(как мы отдохали)

Рассказывают...

С. А. Шерлаимова

...А еще были «капустники»

Не кочегары мы, не плотники,
но сожалений горьких нет,
а мы научные работники
на протяженье многих лет.
Чтоб покорить моря безбрежные,
Атомоход изобрели,
А мы работаем по-прежнему,
Как одиночки-кустари¹.

Я пришла на работу в Институт славяноведения в конце апреля 1954 г. Тогда Институт размещался на Волхонке в нескольких комнатах, из которых самая большая была библиотекой, на верхнем этаже большого здания, где обитало еще много академических учреждений. Не успела я хорошоенько оглядеться, как наступили первомайские праздники. По случаю торжественного вечера в библиотеке накрыли столы: нехитрая тогдашняя закусь и однообразное неслабое питье. Однако главным «блюдом», которое последовало за трапезой и которого все ждали, был «капустник» в соседней комнате. Как человек новый, я не всегда понимала, над чем все смеются, но сразу было видно, что «капустник» — немаловажное составляющее жизни коллектива. Оглядываясь назад, могу утверждать, что в сиюминутных «капустных» текстах отразилась чуть ли не вся история Института, запечатлевались многие яркие фигуры, в разное время его представлявшие.

¹ Поскольку архива «капустников» не существует, многие цитаты я буду приводить по памяти и заранее приношу извинения за возможные мелкие неточности, как и за то, что, конечно же, не смогу упомянуть всех авторов и исполнителей.

В то давнее время сотрудники проводили в институтских стенах гораздо больше времени, чем впоследствии. Отнюдь не всегда это способствовало успешной работе, хотя наша приличная библиотека, о которой нынешние молодые и понятия не имеют, была главным местом в нашем доме. Тем более не способствовали научным успехам тогдашние идеологические правила и ограничения. Приведу лишь один красноречивый пример. Издавались архивные документы национально-освободительного движения позапрошлого (тогда — прошлого, XIX-го) века, и по указанию «сверху» публикаторы обязаны были во имя, по современной терминологии, «имиджа» России, или позиций «братских стран», редактировать тексты, никак этого не оговаривая. Пусть речь шла и о минимальных изъятиях, но ведь они обесценивали всю огромную труднейшую работу. Однако перед публикаторами стояла дилемма: или вы снимаете в нескольких документах упоминания, к примеру, о «македонском вопросе», или же труд не выйдет вообще — со всеми вытекающими для вас последствиями¹. Но к чести Института, он всегда (почти) пытался бороться, пусть и с ущербом для себя проигрывая неравные сражения. А уж в своей-то среде, на собраниях разного рода, которых было предостаточно, вообще не стеснялись в выражении мнений. Институт состоял в основном из людей молодых, в нем было много участников войны, тогда тоже молодых, и почти все были куда как голосистые.

«Капустное» действие — по определению — результат коллективных усилий. Но кого-то надо было уговорить, кого-то вдохновить, всех организовать. В этом трудном деле особенно самоотверженными были Ольга Морозова и Инесса Можаева. Авторов сценок, стихов и песен никогда не объявляли, теперь уже непросто точно сказать, кто что придумал, но все же хотя бы несколько имен я назову. Первым поэтом у нас был Борис Федорович Стахеев. Участник войны, яркий оратор, он в студенческие годы был секретарем бюро ВЛКСМ филологического факультета МГУ, уважаемым и популярным. Его за-

¹ Эти указания прежде всего коснулись историков и лингвистов. Литературоведы обладали большей свободой, но и для них она быстро «накрылась». Началось с запретов на югославскую тематику, позже они распространились на «ревизионистских» польских, чешских, словацких писателей. Правда, здесь запреты было легче обойти умолчанием, но общая картина литературного развития (речь идет главным образом о современности) очевидно искалась.

метили в Горкоме, перед ним открывался путь к партийной карьере, но он увлекся польским романтизмом и поступил в аспирантуру, потом в наш Институт. Стажеев был, наверное, самым талантливым из литературоведов, но даже не защитил докторской диссертации, постоянно отвлекаясь то на одно, то на другое — «для души». Так же сочинял он и «капустные» тексты, вроде «Истории славян от Пичеты до наших дней» (по образцу А. К. Толстого), написанной к первому — 10-летнему юбилею Института и дополнявшейся к юбилеям последующим. «Старинные романсы» сочиняла и исполняла под гитару Галина Сергеевна Можарова — секретарь литературоведческого сектора, в свое время окончившая Литературный институт. Юрий Васильевич Богданов и Виктор Александрович Хорев больше налегали на драматургию и прозу, не пренебрегая в прочем и рифмованным словом, как и Лев Никандрович Смирнов, Владислав Маркович Иллич-Свityч, Александр Харitonович Клеванский и сам Никита Ильич Толстой. Исполнителями были все те же и многие другие.

Специального правила не устанавливалось, но предметом пародий, наряду с разными событиями, становились прежде всего члены дирекции, заведующие секторами и другие начальники, а это были сплошь представители мужского пола (теперь — почувствуйте разницу!). Спору нет, в Институте и тогда было немало заметных, колоритных и голосистых дам и девиц, но женские образы в «капустниках» были либо откровенно «вымышенными» (так же О. П. Морозова изображала, например, Агату Кристи в пьесе-расследовании случившихся в Институте пропаж) либо обобщенными — как Г. П. Мурашко, вышагивавшая по столам походочкой «от бедра» в образе манекенщицы на «показе мод для научных сотрудников».

Институт часто переезжал. На Волхонке было очень тесно. Как писал поэт в «Истории славян»:

Кажись бы, все в порядке,
И даже кадры есть.
Но только им, ребятки,
Буквально негде сесть.
Не выполняют планы,
Не создают труды,
И даром трут диваны
Научные зады.

И вот нас переселяют на Кропотkinskую (Пречистенку) в «классически-античный» особняк теперешнего Музея А. С. Пушкина. Его интерьеры запечатлелись в романе «Клоп», где пелось о лепнине и колоннах, о бронзовых люстрах и о том, как морили клопов, вереницы которых обнаружились в мягких диванах.

Директором Института тогда был П. Н. Третьяков, крупный историк, приверженный к архивам настолько, что он и литератороведам рекомендовал изучать прежде всего архивы, а не какие-то там романы или поэмы, однако, надо отдать ему должное, на своем мнении не настаивал, просто удивлялся, почему это не так. Был он дисциплинирован, вежлив, передав оперативное руководство Институтом ученым секретарю Игорю Михайловичу Шептунову. Третьяков давал мало пищи для пародий, другое дело — Шептунов, который обладал не только зычным голосом, но и актерским талантом, мог очень похоже изобразить кого угодно, однако в «капустниках» не участвовал, ревниво наблюдая за действием из зала. Наверное, ни один «капустник» не обходился тогда без Игоря Михайловича в качестве действующего лица, тем более что поруководить-то он любил:

Тряслись у фресок лики,
Когда на вече нас
В вибрирующем клике
Звал шептуновский бас.
А ежели в науки
Сбегал на время он,
Костюшко руки в брюки
Скользил среди колонн.

Шептунов ввел график работы с полдесятого до восемнадцати с получасовым перерывом на обед (в буфете соседнего Славянского комитета или — это уже высший класс — ресторана Дома ученых). Этот график приказал долго жить в трубниковский период, когда мы существовали среди целой сети тогда для нас, и при зарплатах младших научных сотрудников, доступных ресторанов. Об этом напоминает «капустная» мистерия «Машина времени» с выходной арией Игоря Бельведерского («Я институту график дал, / чтоб он в безделье не страдал. / Но от меня поблажки музам нет: / тридцать минут, чтоб

проглотить обед») и «куплетами сатира» на мотив из «Прекрасной Елены». В качестве сатира здесь выведен М. Б. Ешич, честное слово, безвинно, но автор купился на его акцент и пристрастие к балканской пище:

В «София»
ми побивали,
там обед — мечта!
Нам дали
бринзу на скаре,
бринзу на скаре
са кебабчата!
Как жал,
Что в Институте
Краток перерыв.
А то б и баница тоже,
баница тоже
съели мы, быть может,
«Мельником» запив.

На кропоткинский период пришлось начало наших экскурсий по старинным русским городам под водительством Саши (Александра Ивановича) Рогова — блестящего знатока и вдохновенного пропагандиста русской архитектуры, иконописи, истории. Было это задолго до возникновения моды на подобные вещи, задолго до Золотого кольца, когда еще только кое-где начинали реставрировать храмы, а в монастырях помещались колонии малолетних преступников. И ездили мы не на автобусах, как потом, а на еще оставшихся с войны тряских грузовичках с брезентовым покрытием кузова и досками-скамейками. Но зато — пели.

В тот период в Институте процветал и спорт: после окончания рабочего времени в просторном холле с колоннами и диванами расставляли столы и до позднего вечера сражались в пинг-понг. Мы даже участвовали в академическом первенстве и заняли в нем не самое последнее место. «Капустный» текст сохранил память о сеансе одновременной игры, который провел у нас гроссмейстер Флор¹:

С. А. Церламимова ... А еще были «капустники»

¹ Сало Флор (1908—1983), советский шахматист, международный гроссмейстер, до 1939 г. жил в Чехословакии (*прим. ред.*).

Чернофигурные дружины
Гроссмейстер обращает в прах.
Сражен Кузьмин приятно-длинный,
И Улунян промолвил: «Вах!».
Следя, как никнут наши шансы,
Скрывая шуткой гнев и боль,
Ведет Орехов счет сеанса:
«6 : 0! 7 : 0! 12 : 0!».
А счет растет, он все обидней:
Велел Стакеев долго жить.
«Мерси», — сказал побитый Злыднев,
А Флор: «Всегда готов служить!».

...
Да! Нашу честь на этот раз
Один Сергей Василич спас¹.

Когда начались заграничные командировки, возникла новая «капустная» тема. Была, к примеру, тем же Стакеевым написана «Двух Бурдысув. Балляда литэвска» о поездке в Варшаву И. С. Миллера и В. Д. Королюка и связанными с этим волнениями в Институте:

Миллер, статен и виден,
хитроумен, солиден,
Ездил в Польшу и вновь возвращался...
Королюк помоложе...
увлечется — и что же? —
Как бы в Польше навек не остался...

Так лепились сквозные «капустные» типажи, не без реальной основы, но, конечно же, шаржированные для всеобщего удовольствия. Миллер (поясняю для молодых: крупный историк-полонист Илья Соломонович Миллер — отец известного историка Алексея Миллера) — солидный, мудрый, но с хитрой; Владимир Дорофеевич Королюк — большой историк, но

¹ Была только одна «ничья», которую гроссмейстер («бывший чех») галантно предложил богемисту Сергею Васильевичу Никольскому. После сеанса Флор подробно и научно разобрал все партии, запнувшись перед партией с Л. С. Кишкиным: «Шахматная теория такие ходы не предусматривает». Лев Сергеевич со свойственным ему простодушием (а, может быть, самоиронией?) возгордился: «Вот как я гроссмейстера озадачил!»

бесшабашный, от которого всегда можно было ждать чего-то нетипичного. В частушках сообщалось:

Королюк поехал в Польшу,
был невежливый такой,
а теперь целует ручки,
как Никитушка Толстой.

Ивану Ивановичу Костюшко молва приписывала якобы произнесенную им на собрании фразу: «Юмор может быть, но только чтобы не смешно». Отсюда персонаж в эстрадном обозрении «Историк в кабаре», поющий (в исполнении Хорева) танго на известный польский мотив (действие происходит в Варшаве):

Так в общем вот, что делать мне — не знаю:
Невежлив буду, если обругаю,
Программа ж несурьезна до предела...
Так что же делать? И как мне быть?
А рядом Хренов смотрит и хохочет,
Игриво блещут Миллеровы очи...
Они не знают, что смеяться вредно...
Вшистко ми едно, нех жондзи лёс...

Командировка в Болгарию будущего академика Н. И. Толстого, тогда холостого кандидата наук, только что переставшего брить подбородок, запомнилась «капустным» «Гимном бороды»:

Борода моя, бородка,
Ты изрядно подросла:
До Болгарии — как щетка,
А в Болгарии — метла...
Я лингвист молодой,
Но с солидной бородой.
Чем она значительней,
Тем ко мне почтительней.
Если будешь часто бриться,
Можно в массах раствориться.

Да и сам Никита Ильич, еще в университете развлекавший на переменах сокурсниц песенками вроде народной «Машина встала, бензина нет...» или студенческо-филологической и «антисмоскополитической» «Гниющий Запад — не мера нам, пой-

дем в “Восточный” мы ресторан», внес лепту в «капустник» томно-вертинским исполнением «Структурального романса» собственного сочинения:

В языке все всегда структурально,
Все во власти законов логических...

Образ строгого критика был закреплен за В. И. Злыдневым (опять же поясняю: речь об отце не менее требовательного (?) доктора наук Натальи Витальевны Злыдневой):

Закипели дела...
Редколлегия шла
Бурно.
Злыднев им предлагал
Бросить весь материал
В урну.

Или в другой песне — на мотив «Любо, братцы, любо»:

В первом варианте, в первом варианте
Это сочинение весь сектор обсуждал,
А в другой редакции, а в другой редакции,
Все переработанное Злыднев обругал...

В «Истории славян» (вторая редакция) о дальнейшем говорится:

Приумножались силы,
В работе дни неслись,
Но Пушкин из могилы
Сказал славянам: «брысь»...
Опять вострим мы лыжи
И дом меняем наш:
Колонны здесь пожиже,
Но есть второй этаж...

В трубниковскую эпоху менялись директора, замы, ученые секретари, но неизменным оставалось желание внешних сил растащить Институт по кусочкам, оторвать от него лингвистов и литературоведов, переправив их в соответствующие профильные институты. Институт сопротивлялся изо всех сил. Об этом — «Академическое танго»:

Лингвист разгневанный
вскричал на все собранье:
«Не отдадим наш славный сектор
на закланье!
У нас теории, идеи, Шаумяны,
А в вашем ведомстве провалы и изъяны!»

...
А литераторы вскричали: «Не зовите!
Нам делать нечего в каком-то там Мирлите!
Иван Иванычем своим не удивите:
Уж к нам назначен свой!»

Иван Иванович Мирлитовский — это директор Института мировой литературы И. И. Анисимов, закаленный в партийных боях старый литературный волк, а к нам назначили директора значительно более молодого бывшего фронтовика из известной академической семьи — Ивана Ивановича Уdalьцова, который защитил в нашем Институте кандидатскую диссертацию о чешской революции 1848 года; потом был взят на работу в ЦК и снова возвращен в родные пенаты. Как свидетельствует «капустный» текст, он

Собой красивый и на вид вполне научный,
Имеет голос убедительный и звучный,
Имеет опыт и стремление к руководству —
Славяноведов он приблизит к производству.

Надо сказать, что лозунг «приблизиться к производству» был в то время столь же навязчивым и для нас бесперспективным, как теперь — «вписаться в рынок». Но Иван Иванович, не утративший «наверху» живости и склонности к новациям, завел у нас новые сектора, новые труды:

Смятенье успокоил,
Врагов укоротил,
Число славян удвоил
И сутки удлинил.

Он щедро давал материал хищным капустным авторам, любил всякие сборища, а потом был изъят и отправлен «на укрепление» в Посольство в Праге, где атмосфера начинала накаляться.

В старом «капустнике» о подготовке «Очерков болгарской литературы»¹ была вызвавшая общий смех строфа:

Нужен крупный здесь ум,
Вот приедет из Сум
Марков.

Марков таки приехал, «Очерки» вышли, а впоследствии он стал директором, нажимая на теорию социалистического реализма как «открытой системы», чем вызывал нападки внеинститутских литературных ортодоксов.

Надолго задержался в дирекции Ю. В. Богданов — сначала в роли ученого секретаря, потом — заместителя директора:

Начальство чешет темя
И говорит: «Ну, что ж,
Теперь такое время —
Тяните молодежь!»
Зовут к правлению Юрь,
Чтоб Институт глядел
На стройную фигуру
Средь сановитых тел.
В демократичной куртке,
Не рубит он сплеча,
Растет себе от Юрки
До Юрь-Василича.

И еще о том же самом — ностальгическое:

Разве плохо, Юра, жил ты средь словаков,
Разве их культура не влекла?
Что ж тебя заставило сесть, как тихий Дьяков,
Возле секретарского стола?
Пел «Клопа» ты раньше, выступал, бывало,
С блеском Шептунова воплотив,
А теперь пассивно слушаешь из зала
«Мурки» разухабистый мотив.

¹ Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков / Под ред. Злыднева В. И., Маркова Д. Ф., Никольского С. В. М., 1959 (прим. ред.).

Наверное, последним ярким «капустным» героем стал Игорь Федорович Бэлза, человек образованнейший и добрейший, в галстуке-бабочке, говоривший по-французски и на разных славянских языках. Как только он появился в Институте, так сразу и угодил в «капустник», тем более что узнаваемо изобразить его, благодаря бабочке, было довольно просто. Ах, эта бабочка! Известный не только в федеральном, но и в международном масштабе сын Игоря Федоровича Святослав Бэлза, надев отцовскую бабочку, стал эталоном элегантности и интеллигентности в качестве ведущего самых элитных культурных и светских мероприятий. А ведь по «происхождению» — он — словакист! В Институте мировой литературы изучал романы о Словацком национальном восстании и читал доклад на эту тему на конференции в словацком замке Смоленица, не сменив тренировочный костюм после пробежки по роскошным окрестным горам. Так что наша славяноведческая наука может служить надежной стартовой площадкой для полета в сферу высокого искусства.

На трубниковский период пришелся расцвет бардовской песни и старого интеллигентского фольклора. Наш Институт не отставал, напротив, продвигался в этом направлении даже и в рабочее время, особенно в секторах литературоведов и культурологов, коим это положено по определению. Первенство здесь, без сомнения, принадлежало Мише (Михаилу Николаевичу) Кузьмину. Получивший музыкальное образование, в студенческие истфаковские годы с энтузиазмом собиравший симфонический оркестр МГУ, занявшийся потом проблемами образования, он сменил виолончель на гитару и готов был петь сутки напролет. На мой взгляд, ему особенно удавалось лирическое: «Стоят твои лыжи, а я чуть-чуть выше, а я чуть-чуть третий, а я чуть-чуть лишний...» и т. п., иногда, правда, переходил и на рискованную лексику. Виктор Хорев отличался в военной тематике с оттенком криминальности («Штрафные батальоны», «Товарищ Сталин, вы — большой ученый...»). Ирина Александровна Богданова была непревзойденной в «Это школа танцев Соломона Кляра», Люся (Людмила Норайрова) Будагова вкладывала душу в «Перевесь подальше ключи». А как пела Римма Булатова! И другие, и другие. Потом появился в Институте Михаил Владимирович Фридман, который сопровождал свои слегка сентиментальные романсы игрой на

только на гитаре, но и на губной гармошке. Потом очаровательная и, как и следует, не лишенная некоторой язвительности, бардэсса С. М. Фалькович самоотверженно приняла на себя долг продолжения «капустных» традиций. Устраивались в Институте и детские елки, и даже карнавал, на котором блестали красотой наши дамы, одетые во взятые на прокат кринолины.

Но сотрудники Института, ей-богу, не только пели да строчили свои труды. Мы действительно помогали производству. К примеру, та же И. А. Богданова и великий теперешний лингвист А. А. Зализняк поработали на подмосковной птицефабрике по «отлову петухов», подлежащих отправке «на мясо». Всем Институтом ездили на картошку, позже — ходили на пло доовоощные базы. Об этом и песня:

Мужчин плечистых легион
В погрузконтору превращен —
Вот фирма, вот фирма, вот фирма!
Хлопочут около машин
Смирнов, Орехов, Лев Кишкин
И Бирман, и Бирман, и Бирман!

Далее, как водится:

В обед и дамы водку пьют
Во избежание простуд,
И пиво, и пиво, и пиво!
А структуральный элемент
Весь улетучился в момент
Красиво, красиво, красиво!

Почему кончились «капустники»? Отчасти потому, что в ходе дальнейших скитаний Института — на улицу Вавилова, на Ленинградский проспект и далее, коллектив раздробился, просто даже помещения не было, чтобы собраться всем вместе. Отчасти потому что... и т. д. Но хочется верить в то, о чем твердил наш первый поэт в «Истории славян»:

Один лишь факт бесспорен
И разных мнений нет:
Славянский крепок корень
Еще на сотню лет.

С. М. Фалькович

«Соль в капусте» (о традициях культурной жизни)

Сегодня принято изображать в мрачных тонах все, что происходило в «эпоху тоталитаризма». Хотелось бы нарушить эту тенденцию и не только по причине старческой ностальгии по прошлому. Конечно, в 1950—1970-х годах мы были молоды, это наполняло нас энергией и задором, результатом чего явились не самые плохие научные исследования. Но наша энергия и активность находили выход также в общественной и культурной жизни. Когда в 1962 г. я пришла в Институт, она была ключом. В эти годы повсюду звучали песни Высоцкого, Визбора, Якушевой и др. В нашем Институте ни один праздничник не обходился без того, чтобы мы не собирались вокруг М. Н. Кузьмина, который пел бардовские песни под гитару, а мы ему дружно подпевали. К нам приходили и настоящие барды, и известные музыканты, актеры, писатели, поэты, учёные, шахматисты. Можно вспомнить хотя бы имена Юрия Визбора, Новеллы Матвеевой, Наума Каржавина, Александра Калягина и многих других. В Институте перебывали чуть ли не все шахматные чемпионы СССР и мира. Когда на очередную встречу пришел Анатолий Карпов, в институтский зал сбежалась вся округа, включая личный состав отделения милиции, которое находилось напротив. Дело в том, что в Институте работали страстные поклонники шахмат и сами незаурядные шахматисты — Л. В. Заборовский, Ю. В. Богданов, Ю. И. Ритчик и другие; они не только вели турнирную борьбу между собой, но и отваживались вступать в спор с гроссмейстерами.

Мы весело проводили праздники, нередко устраивая маскарады и розыгрыши. Однажды нашими гостями были артисты театра «Ромэн»; все пришли от цыган в восторг и мечтали

снова их увидеть. Но организаторы очередного вечера, объявив о выступлении цыганских артистов, переодели в цыганские костюмы наших сотрудников. Все были очень хороши, но особенно выделялась «цыганская» парочка — Акоп Огневой (А. А. Улунян) и Маня Гладкая (В. К. Волков). «Цыгане» пели «Величальную» «Мите» — директору Института члену-корреспонденту АН Д. Ф. Маркову, заставляя его «пить до дна».

Праздничные сборища тщательно готовились. На собранные вскладчину деньги покупалось скромное угощение, но главной оставалась духовная пища: народ садился за столы только после художественной части вечера, после «капустника». Сценарии «капустников» и тексты стихов и песен, сценок, а то и целых опер писали Б. Ф. Стахеев, Л. Н. Смирнов и другие наши авторы, к ним присоединилась и я. По большей части авторы были также и исполнителями, наряду с ними активное участие в «капустниках» принимали Г. П. Мурашко, Т. Ф. Мавковецкая, Р. В. Булатова, В. К. Волков и многие другие институтские таланты.

В «капустных» сюжетах отражались все стороны нашего научного бытия — производственные планы и зарубежные командировки, выход книг и тернистый путь к их изданию, похвалы и награды за творческие достижения и критика наших недостатков, нарушения дисциплины и некоторые сложности отношений в научных коллективах. Затрагивалась и личная жизнь сотрудников: так, остро стоял вопрос о дальнейших перспективах холостяков и потенциальных женихов А. А. Улуняна и М. А. Бирмана. Мы отмечали все государственные праздники и Новый год, прославляли наших юбиляров и ветеранов-фронтовиков — 9 мая был святым днем. Среди особенно почитаемых праздников был и так называемый Женско-Мужской день — 23 февраля + 8 марта. Поскольку организаторами «капустников» были по преимуществу женщины, в центре внимания оказывались мужчины. Вот, например, как их приветствовали в 1980 г.:

Как говорится в оперетте,
Без женщин жить нельзя на свете,
Но смело скажем мы в ответ,
Что без мужчин нам жизни нет.
О вы, что прочно подпирают

И украшают Институт,
 Что «слабым полом» нас зовут
 И длань над нами простирают!
 Как сняли вы по-джентельменски
 Заботы с хрупких женских плеч,
 Решили женщин поберечь,
 И вот уже фамилий женских
 Почти не слышно в партбюро.
 Зато даете вы «добро»
 На легкий «дамский» труд в месткоме,
 На то, чтоб женщин имена
 Стояли в оглавленьях, на
 Любой наш вклад в науку, кроме
 Того, что к истощенью сил
 Мужчин нередко приводил
 И требовал для их леченья
 На титуле обозначенья.
 (Таков, увы, мои коллеги,
 вклад в дело членов редколлегий.)

Мы ценим ваш геройский труд
 И ваше рыцарство, поверьте!
 Для нас являться в Институт
 Без вас бы было хуже смерти.
 К чему все модные наряды —
 Сатины, ситцы и вельвет,
 Коли во вторник ваших взглядов
 Не озарит их яркий свет?
 А ваше нежное вниманье?
 А дамских ручек целованье?
 Сколь лестно нам узреть у ног
 Тех, кто в науке царь и бог!
 А ваши ратные заслуги,
 Ваш славный опыт боевой!
 Всё и теперь готовы в бой
 За честь страны, за честь подруги...
 Не перечислю я всего,
 Что восхищенья в вас достойно —
 Забилось сердце беспокойно,

И стих хромает оттого.
Но, может быть, в неровном стуке
И сердца, и моих стихов
Вы все же различите звуки
К вам обращенных нежных слов:

По просьбе институтских дам,
От их прекрасного лица
Успехов я желаю вам
И счастья, счастья без конца!

Наряду с «капустниками», хронику институтской жизни отражала регулярно выходившая стенгазета. Там тоже вместе с серьезными заметками помещались сатирические стихи, пародии, карикатуры. Так, важным событием стало создание в 1965 г. нашего собственного журнала «Советское славяноведение». Его редактор И. И. Костюшко был любимцем всего коллектива, и когда дело дошло до юбилея журнала, в стенгазете появилась «Английская баллада»:

Сидел вгрустях редактор Джон
Однажды у ручья,
«Портфель журнала, — думал он, —
Заполнить должен я.
Увы, недолго до беды!
Как жребий мой жесток!
Набрать ли мне в портфель воды
Иль броситься в поток?»...
С тех пор прошло немало лет,
И жив редактор Джон,
Журнал расцвел, как маков цвет,
Живой водой вспоен.
Набит редакторский портфель,
Раздут он, словно мех.
Попасть в портфель — такая цель
Заманчива для всех.
Статьи, рецензии строчат
В журнал, как на подбор,
И аспирант, и кандидат,
И доктор, и член-корр.

Последним, правда, иногда
 В журнале места нет,
 Для аспирантов же всегда
 Горит зеленый свет.
 Когда берет из юных рук
 Редактор Джон статью,
 Ручей он вспоминает вдруг
 И молодость свою.
 Ведь хоть давно и без следа
 Исчез, иссяк ручей,
 Но все ж порой его вода
 Сочится из статей...
 И вот решил редактор Джон
 Найти другой родник,
 И, отыскавши влагу, он
 К ней трепетно приник.
 Портфель отбросивши к чертям,
 Все пьет из родника,
 И оттянуть его друзьям
 Не удалось пока...

Особый масштаб художественное творчество приобретало в поворотные моменты жизни Института. В 1968 г., когда Институт славяноведения стал Институтом славяноведения и балканистики, появился большой отряд специалистов по истории, языку и культуре народов Венгрии, Румынии, Греции, Албании, Турции. В «капустнике» они выходили представляться под соответствующую музыку: «мадьяр» выступал под чардаш, «албанец» перефразировал национальную песню «Подснежник», «турок» (партию которого исполнял В. К. Волков, обладавший прекрасным басом) пел свой текст на известный мотив «В Истамбуле, в Константинополе...». С приходом балканистов изменилась структура Института, сотрудников разбросали по новым секторам, и в «капустной» опере они изливали свои переживания под мелодии Верстовского, Глинки и Бизе. Тогда же тяжба И. С. Миллера и Ю. А. Писарева, не поделивших между своими секторами специалистов, аукнулась пародией на «Илиаду» Гомера: «Гнев, о богиня, воспой Ильи Соломонова сына, коему Писарев сын австро-славян не отдал».

Эти счастливые воспоминания связаны с домом в Трубниковском переулке. Туда, в бывший особняк князей Мещерских, Институт переехал с Пречистенки, из здания, где ныне помещается Музей А. С. Пушкина. С приходом научного пополнения и созданием новых секторов Трубники стали тесными, к тому же к середине 1970-х годов особняк стал активно разрушаться, назревала проблема переезда. И вопрос поисков нового дома в стенгазете был поставлен ребром:

Покоен, прочен и легок
 На диво слаженный домок.
 Хоть не велик и не высок,
 Он простоять еще бы мог,
 Когда б ему подперли бок.
 Сам Константин¹ не раз, не два
 До плеч засучка рукава
 И сыпля крепкие слова,
 Его удерживал едва.
 Но был напрасен этот труд:
 То дырка там, то яма тут,
 То стенку мебелью пробьют
 То каблуками пол протрут,
 Особняку пришел капут.
 Куда ж теперь направить шаг?
 Где водрузить славянский стяг?
 Ужель в Черемушках барак
 Балканских разместит бродяг?
 Нет! Нужен новый особняк!
 С гостиной, залом для пиров
 И для приема в них послов,
 И чтоб достаточно полов
 Для размещения столов
 И кубатурой для голов.
 Чтоб в центре находился он
 И был от шума удален,
 Чтоб рестораном был снабжен,
 Торговой сетью окружен —
 Такой вот домик нам нужон.

С. М. Фалькович «Соль в капусте» (о традициях культурной жизни)

¹ Заместитель директора Института по хозяйственной части Константин Константинович Хайретдинов.

Тогда, вступив на новый берег,
 Наука свой ускорит бег,
 И европейский человек —
 Чех иль румын, поляк иль грек
 Восславит Институт навек!

Увы! Такого особняка, который был нам нужен, не нашлось, и мы были частично выселены из нашей аварийки. Дирекция и часть секторов переехали на Ленинградский проспект, часть — в Черемушки, часть — во главе с секретарем партбюро В. В. Зелениным — осталась временно на старом месте. Для нашего дружного коллектива это было трагедией. Ее эхо отзывалось в заунывной песне:

«Разлука ты разлука,
 Чужая сторона!
 Никто нас не разлучит,
 Как мать сыра земля».
 Давно ль над песней старой
 Смеялись мы? И что ж?
 Живое сердце режет
 Нам горестный дележ.
 Жену разводят с мужем,
 Невесту с женихом,
 А друг теряет друга,
 С кем был весь век знаком.
 Ломается семейный
 И дружеский уют,
 Всё на чужбине птицы
 Гнезд никогда не выют.
 В чужом kraю повсюду
 Капканы для души —
 У «Яра» хор цыганок,
 Все чудно хороши,
 Шашлычная под боком,
 Там пиво и вино,
 Ну, а об ипподроме
 И думать-то грешно!
 Что станется с моралью
 У тех, кто едет вдаль?
 Ведь охранять не сможет

Зеленин их мораль.
 Зеленин остается
 В родимой стороне,
 Где сладко пахнут почки
 По каждой по весне...
 Опять набухли почки,
 Опять весна пришла,
 А нас судьбина злая
 Навеки развела.
 Единственная новость
 Бодрит, приводит в раж
 Что въедет бухгалтерия
 В удвоенный метраж.
 Как видно, слитки золата
 Там сложат по углам
 И в виде компенсации
 Давать их будут нам.
 Но все ж ущерб моральный
 Казною не покрыть.
 Ох, горько жить в разлуке!
 Не стоит вовсе жить!

Слава Богу, разлука продолжалась не вечно — все исторические сектора объединились на Ленинградском, туда же в общий присутственный день захаживали и филологи (а в конце 1990-го года мы все воссоединились в новом академическом здании на Ленинском проспекте). Дружба не умерла, ее поддерживали общие дела вне Института, наши узы скрепляла общественная работа.

Издавна больше всего способствовали сближению ежегодные сезонные выезды в подшефный колхоз «на картошку». И хотя после одного из выездов родился роман с пессимистичным выводом — «любовь не картошка», но ему противостояли вполне надежные слухи о высоком рейтинге наших мужчин, и в первую очередь В. К. Волкова, завоеванном в соревновании за благосклонность сельских красавиц. К тому же, кроме картошки, «популярностью» среди сотрудников Института пользовались и другие овощи. По разнарядке райкома партии институтское партбюро посыпало наших ученых на районную овощную базу; сортировка и выбраковка гнилых овощей явля-

лась вполне научным занятием, что хорошо известно и по фильму Э. А. Рязанова «Гараж». По горячим следам одного из выходов сотрудников Института на базу сложилась песня, сыгравшая большую роль во взаимоотношениях райкома и всего нашего коллектива. В этой песне произошедшие на базе события увидены глазами ее заведующего:

Я этот день до смерти не забуду,
 Прошли дожди и холод наступал,
 Тогда-то в помошь нам, нам, трудовому люду,
 Райком каких-то хлюпиков прислал.
 Мы их, конечно, встретили, как надо,
 Работку дали им какую погрязней,
 Пущай потрудится ученая бригада,
 А мы себе припишем пару трудодней.
 Пущай они свои стирают грани,
 Я стер свой — хожу в четвертый класс,
 И ихний труд в моем научном пониманье
 На благо практики, теории и нас.
 Боялися свои испачкать руки,
 Перчаточки с собою принесли,
 Трепались что-то о своей науке,
 Про падежи, модели и стили.
 А помидоры так перебирали,
 Что если был какой умеренно гнилой,
 Они его негодным обзываали
 И выкидали с ящика долой.
 Мне это сразу показалось странным,
 И зародилось подозренье у меня.
 А тут как раз приходит тетка Анна
 И говорит: «Нет дыма без огня!
 Они недаром сумки притащили,
 Наверно, хотят помидор туда накласть,
 Потом заявят нам, что помидоры сгнили,
 Чтоб нас под эфтим видом обокрасть».
 От этих слов забила лихорадка,
 Бегу туда я — лучшей дыни нет,
 Они ее сожрали без остатка,
 А я с утра ее наметил на обед.
 Интеллигенция, она всегда была

Жуликовата, трусовата, подловата,
 Она всегда была на обществе заплата
 И крала фрукты с пролетарского стола.
 Не рассказать, как все во мне вскипело,
 Приказ я отдал: «Сумки обыскать!»
 Ведь это что ж, товарищи, не дело,
 Чтоб посторонний мог на базе воровать!
 Они, конечно, начали базарить,
 Что будто бы они оскорблены,
 Что прежде, чем по ихним сумкам шарить,
 Мы факты доказать еще должны.
 Я плевать хотел на эти выкрутасы,
 Интеллигентов ненавижу я нутром,
 Они ж прослойка меж трудящих классов,
 Я съем их с пролетарским пирогом!

Песня, исполненная в «капустнике», с небольшой купюрой, произведенной лично секретарем партбюро Б. Ф. Стахеевым (изъят был куплет про пролетариат и интеллигенцию), была затем предъявлена в райком как свидетельство ненормальной обстановки на базе. И после этого райком стал воздерживаться от посылки туда наших людей. Зато «сверху» были спущены новые директивы: в это время объявили борьбу за дисциплину, и нас обязали сидеть в Институте «от и до», хотя там даже «посадочных мест» на всех не хватало, а главное, работа ждала нас совсем в других местах — в архиве, библиотеке и т. п. По поводу этой дурости в стенгазете выступил «Одиссей». Разделив с сотрудниками Института все транспортные мытарства по пути на работу, он прекрасным гекзаметром выразил свое удивление и возмущение:

Видя страданья людей, которые без перерыва
 Ели, пили, слонялись и вновь ели и пили, вздыхая,
 Понял могучий герой, что означают баклуши,
 Вспомнил о камне Сизифа, о данаидовых бочках.
 Лишь не мог он понять, за что великие боги
 Так покарали людей, и об этом спросил он:
 «Знаю, — сказал, — что в домах у вас много работы,
 Вижу, что любите труд и здесь томитесь без дела,
 Но почему же, ответьте, мудрые архонты ваши
 Силу, уменье и ваше желанье трудиться

Употребить не хотят с наибольшою пользой?
 С целью какой они разлучили вас с делом?
 Нужно, чтоб дело и вы в одном находились бы месте —
 В доме ли вашем, в этих ли стенах, в иных ли —
 Лишь бы были условия все для доброй работы».

Справедливость слов любимца Афины понимали и наши «архонты», и постепенно нелепые правила сошли на нет. Но к этому времени из нашей жизни исчезли «капустники», и творчество находило выход лишь в стенгазете, либо стихи и песни оглашались во время банкетов. В 1970-е годы Институт и его сотрудники стали уже маститыми, солидными, а в известной степени и более зажиточными; они стали позволять себе немного посибиритствовать, пороскоществовать. Стало входить в привычку отмечать праздники не за тесными институтскими столами со скромным угощением, а в шикарных заведениях, в загородных ресторанах. 25-летний юбилей Института был отпразднован в «Праге», 30-летний — не где-нибудь, а в «Метрополе». Но в стихах, посвященных этому событию, звучала все та же любовь к институтским традициям, гордость за славное прошлое:

Сегодня в этих стенах метропольных
 Средь блеска, роскоши и изобилия блюд
 Уместно вспомнить о былых застольях,
 Которые любил простой славянский люд.
 Собрать деньги, купить, нарезать бутерброды —
 Как трудно было все, и нет секрета в том,
 Что не хватало мест, посуды, кислорода,
 Столы пустели вмиг, хоть покати шаром!
 Но не доев и не допив порою —
 К чему презренный «хлеб» и прочие блага! —
 Алкали «зрелицы» мы возвышенной душою,
 В капусте соль была нам дорога.
 С тех пор узнали мы всю прелесть ресторанов
 От «Русской сказки» через «Прагу» в «Метрополь».
 Хрусталь взамен пластмассовых стаканов,
 Но все живет в сердцах былая боль,
 Былые образы «капустного» искусства
 По-прежнему волнуют ум и чувства.

Хоть пройден славный путь с окраин Подмосковья
 До метрополии — седых кремлевских стен,
 Нам нужен вновь и вновь «капустный» КВН
 Для радости, для счастья, для зрововья!

Вернуть «соль в капусте», к сожалению, не удалось, а вскоре настали тяжелые времена, когда ушли в прошлое и рестораны. Переехав на берег Москвы-реки, мы ограничили свое культурное общение застольями в зале на 8-м этаже. Обычно они были связаны с круглыми датами в жизни ученых Института или защитой диссертаций. В честь юбиляров и докторантов звучали стихотворные и песенные поздравления. Но бывало, что личный праздник человека приобретал общеинститутское значение и звучание. Так, всеобщим ликованием было встречено избрание директора Института В. К. Волкова членом-корреспондентом РАН, так как это означало более прочные позиции, большие возможности, иной имидж научного учреждения. Волкову и раньше посвящались пророчествованные строки, но на этот раз в стихах нашли выражение не только чувства любви, восхищения и гордости, но и надежды на «светлое будущее» Института:

Этот день мы очень ждали,
 Институтом всем страдали,
 За директора болели,
 Под член-корром быть хотели.
 Но помимо института
 Есть еще загвоздка тута:
 Любим мы Володю просто
 И с его научным ростом,
 И без веса, и без роста
 Мы Володю любим просто.

Потому в сей день веселья
 Выпьем мы двойное зелье,
 Подчеркнув его значенье:
 И к науке уваженье,
 И любовь к столпу науки.
 Так возьмем бокалы в руки,
 Скажем просто: «Будь здоров,
 Наш родной член-корр Волков!»

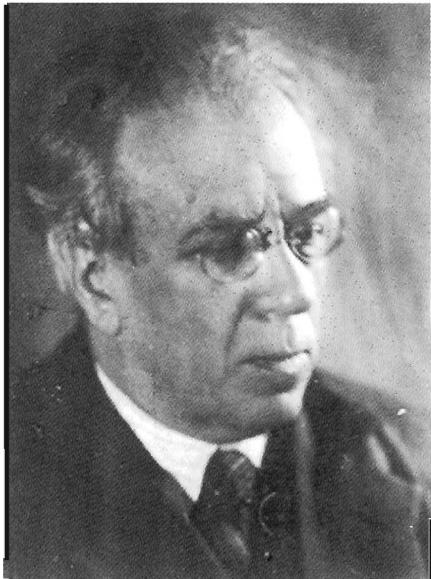
К несчастью, Володи нет с нами, как нет и очень многих из тех, кто работал в Институте, писал стихи и песни, играл в «капустниках». Их не вернуть, но осталась горстка энтузиастов, мечтающих вернуть традиции культурной жизни. Последняя отчаянная попытка их возрождения была предпринята 10 лет назад, когда отмечали 50-летний юбилей Института. Тогда его история была изложена в «капустнике» в форме стихов и песен. Авторы хотели напомнить о прошлом «старикам» и побудить молодых возродить лучшее, что было в этом прошлом. Ту же цель преследуют и мои короткие воспоминания. В них показаны лишь крупицы творческого богатства, созданного нашим поколением: многое утрачено безвозвратно, многое не востребовано и ждет своего историка. Хотелось бы, чтобы память о том времени, о жизни Института во второй половине XX века, о людях, которые жили, работали, смеялись и радовались, не стерлась окончательно, сохранилась для потомков.

Е. П. Аксенова

Мы едем, едем, едем...

Наш Институт — своеобразный «клуб путешественников». Каждый сотрудник за годы работы неоднократно (или даже многократно) выезжал в научные командировки (внутри страны и за границу), по эквивалентному обмену с академиями других стран, по приглашению зарубежных коллег и научных организаций, на внутренние и международные конференции, съезды и т. п. Без таких поездок просто немыслимо было бы изучать страны региона Центральной и Юго-Восточной Европы. К сожалению, в постперестроенный период возможности выездов за границу (да и в другие города России) сильно сократились и зачастую стали осуществляться за счет собственных средств сотрудников.

Казалось бы, многочисленные поездки за рубеж и по отечественным городам и весям должны были бы насытить ученый люд впечатлениями. Ах нет! «Охота к перемене мест» всегда была жива в нашем коллективе. Увы, я не застала тех легендарных поездок с А. И. Роговым, о которых с теплотой вспоминают представители старшего поколения. В 1970—1980-х годах мы уже ездили не на тряских грузовиках, а на туристических автобусах (иногда — на поездах). Одно время экскурсии проводились довольно часто — на майские и ноябрьские праздники, во время школьных каникул и просто в выходные дни. Случались и однодневные поездки по Москве и Подмосковью, и более продолжительные выезды в другие города. Были даже коллективные путешествия за границу. С каким нетерпением мы ждали, когда на стене появится листок с объявлением об очередной экскурсии! Куда едем в этот раз: Владимир — Сузdal — Боголюбово, Рязань — Константиново,

◀ 1940-е годы. В. И. Пичета

Волхонка, 14 ▼

▲ И. И. Удальцов

И. С. Достян и югославский про- ►
фессор В. Чубрилович

▲ Б. Д. Греков

▲ В. И. Пичета

1950 г. Слева направо:
Г. Э. Санчук, С. А. Ники-
тин, И. С. Достян, Л. Б. Ва-
лев, В. Д. Конобеев

- ▲ 1962 г. Сектор С. Б. Бернштейна. Слева направо: (1-й ряд) М. И. Ермакова, Е. И. Демина, Л. Э. Калнынь, С. Б. Бернштейн, К. И. Ходова, И. К. Бунина, (2-й ряд) Г. П. Клепикова, Р. В. Булатова, Л. С. Малаховская, И. Е. Можаева, Н. Г. Владимировская, (3-й ряд) А. А. Зализняк, В. М. Иллич-Свityч, Г. К. Венедиков, В. А. Дыбо, Л. Н. Смирнов, Г. П. Нещименко, В. Н. Топоров, Р. М. Цейтлин, Е. В. Чешко
- ▼ 1964 г. Сотрудники секторов Новой и новейшей истории. Слева направо: В. В. Марьина, В. С. Парсаданова, М. И. Копашева, Т. П. Блинова, Г. П. Мурашко, Н. Гинесина, Ю. А. Писарев, М. М. Сумарокова, М. В. Гурьева, Л. Б. Валев, В. В. Зеленин, А. И. Недорезов, Н. М. Славин

▲ Кропотkinsкая (Пречистенка) 12/2
(Музей А. С. Пушкина)

С. А. Никитин ►

▲ 1962 г. Историки Института. Слева направо: (стоят) А. А. Улунян, М. В. Каргалова, М. В. Миско; И. И. Костюшко, В. И. Фрейдзон, А. И. Виноградова, Е. П. Наумов, В. П. Грачев, (сидят) Н. И. Хитрова, И. В. Чуркина, Н. П. Данилова, К. П. Гогина, А. Х. Клеванский, И. С. Достян, Д. Ф. Поплыко

▼ 1972 г. Сектор славянского языкознания. Слева направо: (сидят) С. Б. Бершнштейн, Е. И. Демина, Э. И. Зеленина, М. И. Ермакова, (стоят) В. А. Дыбо, Л. С. Малаховская, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, И. Е. Можаева, Г. К. Венедиктов, Р. В. Булатова, В. В. Усачева

1971 г. Апрельский субботник.
Чистоту наводят В. В. Марьина
и Г. П. Мурошко

В. А. Дыбо (слева) и В. М. Иллич-
Свитыч (1960 г.)

▲ 1962 г. Участники экспедиции в Полесье во главе с Н. И. Толстым [второй справа]

◆ 1964 г. Брестская область.
Н. И. Толстой, Т. М. Судник,
С. М. Толстая

▲ 1962 г. Сотрудники сектора структурной типологии (слева направо): Т. М. Николаева, М. И. Лекомцева, Т. М. Судник, Д. М. Сегал (сидит), В. Н. Топоров, В. В. Иванов, С. М. Толстая

1979 г. Волынь. ►
Н. И. Толстой,
С. М. Толстая,
М. Н. Толстая

◀ Кропоткинская (Пречистенка), 12/2 (вход с Хрущевского переулка)

▼ 1962 г. Литературоведы Института. Слева направо: (сидят) А. П. Соловьева, Р. Ф. Доронина, Е. И. Рябова, Г. Я. Ильина, Ю. Д. Беляева, Г. С. Можарова, Д. Ф. Марков, И. А. Богданова, (стоят) Л. С. Кишкин, Ю. И. Смирнов, Н. И. Кравцов, С. В. Никольский, В. А. Хорев, И. М. Шептунов, И. К. Горский, В. И. Злыднев, М. Б. Енич, В. В. Витт, Л. Н. Будагова, Б. Ф. Стакеев

1967 г. И. М. Шептунов ►
(слева), В. И. Злыднев,
Д. Ф. Марков

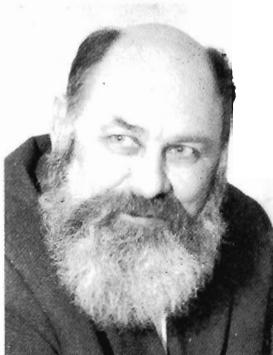
▼ 1966 г. Ученики М. Н. Тихомирова во время Первых Тихомировских чтений
(в верхнем ряду первый слева Б. Н. Флоря, четвертый слева В. А. Александров,
третий справа С. О. Шмидт, в нижнем ряду вторая слева Н. Б. Шеламанова)

▲ 1962 г. Сектор И. С. Миллера. Слева направо: {сидят} И. С. Миллер, И. С. Яшборовская, Н. П. Митина, Л. А. Обушенкова, {стоят} М. Н. Черных, Ч. Коммар, Е. В. Пилишек, З. Я. Тальвирская, В. Н. Кондратьева, Т. Ф. Федосова, О. П. Морозова, В. М. Зайцев, Т. Г. Снытко

▼ И. С. Миллер

▼ В. А. Дьяков

▼ В. Д. Королюк

▲ 1960-е годы. Сектор В. Д. Королюка. Слева направо: А. И. Виноградова, Р. П. Гришина, М. А. Бирмон, Т. Ю. Григорьянц, Н. Д. Ратнер, В. Д. Королюк, Т. А. Воздвиженская, В. К. Волков

▼ 1949 г. Пятая годовщина Отечественного фронта Болгарии. В центре Л. Б. Валев и В. И. Злыднев (слева)

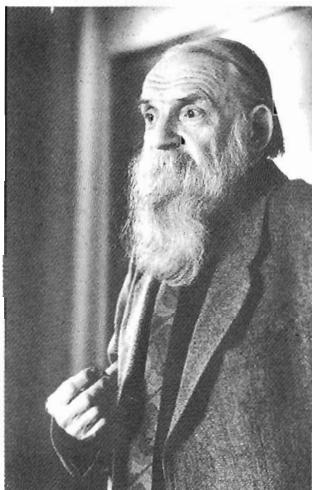
▲ 1961 г. На первомайской демонстрации. Е. Д. Воробьева, Э. И. Зеленина, Е. В. Чешко, Л. Б. Валев, Е. И. Демина

▼ Сектор Л. Б. Валева. Слева направо: {стоят} В. Д. Каракин, П. И. Резонов, Л. Б. Валев, А. Я. Манусевич, М. Н. Кузьмин, Н. Богдановская, Т. П. Морозова (Блинова), М. А. Бирман, {сидят} Г. М. Славин, Н. А. Шленова, В. С. Парсаданова, М. М. Сумарокова, Г. П. Мурашко

▲ Д. Ф. Марков

▲ Н. И. Толстой

▼ 1988 г. X Международный съезд славистов в Софии. Г. А. Богатова, Н. И. Толстой, О. Н. Трубачев

▲ В. И. Фрейдзон

▲ Т. М. Исламов

▲ В. К. Волков

▼ 2005 г. На берегу Азовского моря. Группа сотрудников Института — участников Дней славянской письменности и культуры в Ростове-на-Дону

◀ 15 октября 2001 г. Москва.
Дом учёных. Вручение В. К. Волкову
польского ордена за заслуги в развитии
российско-польских научных связей. На це-
ремонии награждения присут-
ствует Президент Российской
Федерации В. В. Путин

В. Н. Топоров ►

1960 г. Ташкент. Г. П. Кле-
пикова, В. М. Иллич-Сви-
тич (справа), Н. И. Толс-
той (крайний слева) ►

▲ Начало 1970-х годов. На экскурсиях с А. И. Роговым (в центре)

1971 г. Новогодний костюмированный бал в Трубниках

▲ Елки для детей сотрудников Института: на Кропоткинской (1958 г., верхний снимок) и в Трубниках (1971 г.)

▲ 1971 г. На новогоднем празднике выступает «цыганский» ансамбль под управлением М. Н. Кузьмина

◀ Ленинградский проспект, 7

- ▼ Новое здание Президиума РАН и академических институтов на Ленинском проспекте [д. 32-я]. Институт словяноведения расположен на 8 и 9-м этажах

▲ 1971 г. Научный десант на овощную базу

▼ 1976 г. Югославия. Туристическая группа Института славяноведения у стен монастыря Студеница

▲ 1976 г. Югославия. На переднем плане Е. П. Наумов и Т. П. Агапкина

Пушкинские места Тверской губернии, Пенза, Тамбов, Саратов, Ясная Поляна, Оптинская пустынь?.. Невозможно перечислить все маршруты, по которым мы путешествовали, все места тогда еще не распавшейся страны, где ступала нога любознательного и неутомимого славяноведа.

Каждая поездка — это масса впечатлений, сильный эмоциональный заряд, новые сведения в копилку знаний. И что особенно важно — можно было путешествовать с мужьями, женами и детьми старше 10—12 лет (которые получали прекрасную возможность познакомиться с родной страной — ее природой, историей, светской и духовной культурой, архитектурой).

Не могу не вспомнить Наташу Захарьину, которая отдавала много сил и энергии, чтобы организовать наши увлекательные и познавательные поездки. Да еще спасибо местному, который частично их оплачивал, так что за путевки приходилось платить совсем немного.

И вот маршрут определен, список экскурсионной группы составлен, деньги сданы, фотоаппараты заряжены новыми пленками, провизия на дорогу уложена в сумки. Мы собираемся в условленном месте, садимся в автобус и отправляемся в путь. У всех приподнятое радостное настроение в ожидании встречи с новым, интересным, прекрасным. Мы едем!

Каждый маршрут был по-своему привлекателен для разных людей, но были заядлые туристы, которые, как правило, составляли костяк любой группы. Помню, что однажды нам очень не повезло с гидом, и поездка оказалась испорченной. После этого в экскурсионной организации стали учитывать образовательный уровень сотрудников нашего Института и предоставлять нам вполне сносных гидов.

Описывать, что мы видели и слышали во время многочисленных экскурсий, бессмысленно — это нужно видеть и слышать. Но в каждой поездке было что-то, что делало ее запоминающейся. О некоторых курьезных, забавных случаях (хотя «забавными» они порой воспринимались лишь по возвращении домой) я и хочу рассказать.

Однажды, только мы выехали из Москвы на шоссе, кто-то из наших спросил у водителя: «А когда мы приедем на место?». «Путь измеряется расстоянием, а не временем», — философски заметил шофер. «Ну, все-таки, когда — через час, два?» —

настаивал нетерпеливый пассажир. «Мы на колесах, так что ничего нельзя точно сказать», — в голосе водителя послышалось раздражение. Не успел он произнести эти слова, как автобус встал, и следующие два часа (пока производился ремонт машины) мы гуляли по обочинам шоссе. Никакими красками невозможно передать взгляд шофера, брошенный на не в меру любознательного пассажира.

Не задалась поначалу и поездка в Болдино. Мы приехали в Горький (Нижний Новгород) вечером, когда уже темнело. Оказалось, что гостиница в центре города, на высоком берегу Волги, где мы должны были переночевать, нас не принимает — все забронированные для нас номера были отданы писателям, у которых на родине «буревестника революции» проходила какая-то конференция. Как выяснилось, другие гостиницы тоже не располагали свободными местами для целой группы. В результате нас послали куда-то на окраину города. Сложилось впечатление, что мы несколько раз объехали его, пока, наконец, в час ночи не добрались до неподдающегося описанию здания, носившего гордое название: «Филиал Дома колхозника». Мы — люди непрятательные в своих требованиях. Но все же... Ни о каких удобствах там не было и речи. Спали мы в большой комнате на железных кроватях без постельного белья, накрывшись тоненькими байковыми одеялами. Было холодно, и среди ночи стали сдвигать кровати, чтобы улечься на них поперек, по нескольку человек и согревать друг друга. Ко всем этим неудобствам добавлялись комары, пищавшие над ухом и не дававшие спать. Но на утро весь этот ночной кошмар был забыт, когда, миновав Арзамас, мы, наконец, оказались в Болдине. А на обратном пути после остановки в селе Семенове наш автобус напоминал передвижной музей хохломских изделий — все демонстрировали друг другу расписные ложки, плошки и прочую деревянную утварь.

А еще врезался в память такой эпизод. Когда мы были в городе Козельске, экскурсию по местному историко-краеведческому музею проводила милая женщина средних лет — скорее всего, школьная учительница. Она немало интересного рассказала о своем родном городе. Но уже минут через десять ее безграничный патриотизм вместо уважения стал вызывать еле сдерживаемые улыбки: после каждого упоминания флоры, фауны, прочих природных богатств, экономических достиже-

ний, исторических памятников Козельска и его окрестностей она заверяла нас, что подобное есть (или было) только в Москве (Париже, Лондоне и т. д.) «и у нас в Козельске». Эти слова рефреном звучали на протяжении всей экскурсии и так основательно внедрились в наше сознание, что на обратном пути в Москву на любую реплику гида по поводу тех мест, которые мы проезжали, вся группа дружно скандировала: «И у нас в Козельске!». И в автобусе снова и снова раздавались взрывы смеха.

Одной из самых ярких и запоминающихся была поездка в Вологду. Все произвело неизгладимое впечатление: Вологодский кремль (в Софийском соборе нет-нет да и посматривали с опаской вверх — не упадет ли нам на головы «плинфа красная», как во времена Ивана Грозного), тихие городские улочки, где стоят домики с «кружевными» наличниками, немного суровый, но прекрасный и величественный Кирилло-Белозерский монастырь и, конечно, жемчужина тех мест — Ферапонтов монастырь. По нему нас водила очень увлеченная женщина (искусствовед или художник-реставратор). Мы стояли на вершине холма, откуда открывался потрясающий вид, и наш гид вдохновенно говорила о связи этого места с космосом. К сожалению, нам тогда не удалось рассмотреть знаменитые фрески Дионисия — в то время проводилась их реставрация, но впечатление от посещения этого святого места осталось самое благоприятное.

Перед отъездом из Вологды невозможно было не зайти в фирменный магазин «Вологодское кружево» — в основном посмотреть на затейливо сплетенные салфеточки и воротнички (которые и тогда стоили недешево), но увозили мы оттуда другое изделие местных мастерниц. В столовой, где мы обедали перед возвращением в Москву, нас попросили немного задержаться. Мы уже сидели в автобусе и готовы были отправиться в путь, и вдруг в салон ворвался аромат теплого, свежеиспеченного хлеба, и каждый экскурсант получил памятный подарок — вологодский пирог с клюквой. Это было необыкновенно трогательно. В долгой дороге домой и без того аппетитные пироги показались вдвое вкусными.

В этой поездке, кажется, не было никаких приключений, если не считать причуд природы — из Москвы мы уезжали в жуткий холод (заморозки в 20-х числах июня!), а возвраща-

лись через два дня в 25-градусную жару и в своей теплой одежде выглядели на московских улицах явно не по сезону.

В весенне-летний период экскурсий было больше — погода и природа в это время располагают к путешествиям. Но и в холодный сезон наша туристическая жизнь не замирала. Из зимних поездок вспоминается экскурсия в Полтаву в дни школьных каникул (в группе было немало детей). До Полтавы доехали поездом, а там пересели в автобус, который возил нас по городу и окрестностям, связанным с именем Н. В. Гоголя. И вот после того, как мы побывали в том месте, где проходила Сорочинская ярмарка, наш автобус взял курс на Полтаву, откуда вечером отправлялся поезд в Москву. В салоне автобуса оживленно и с глубоким знанием предмета обсуждали достоинства украинского сала, закупленного в пути. Наши знатоки «саловеды» демонстрировали друг другу изрядного размера «шматы» — белоснежные и чуть желтоватые или розоватые, с прожилками и без, с чесноком и перцем. Раздражющие запахи наполняли автобус. Но никто не покушался нарушить целостность (отрезать ломтик!) ароматных кусков сала — это был главный полтавский сувенир, который следовало непременно привезти домой (в Москве такого сала не купишь!).

И вдруг наш автобус остановился. Водитель вышел из машины и некоторое время что-то обследовал снаружи. Потом открыл дверь и сообщил, что мы можем погулять, пока он будет устранять неисправность. Мы вышли без особого желания и огляделись. По обеим сторонам узкого шоссе тянулись бескрайние заснеженные поля без единого дерева или кустика. Придорожная лесополоса тоже отсутствовала, так что мероприятие под кодовым названием «девочки — направо, мальчики — налево» представлялось невыполнимым, однако высота снежного покрова оказалась достаточной для решения проблемы. Мы начали волноваться, успеем ли на поезд — запас времени был невелик. Солнце скрылось, быстро наступал темный январский вечер, а мы все гуляли — на морозе, на ветру. Салон неработающего автобуса быстро выстыдился, и там тоже не было спасения от холода. Замерзшим и голодным путешественникам ничего не оставалось делать, как покуситься на свои «неприкосновенные запасы» (т. е. «пoltавские сувениры»), которые действительно очень помогли продержаться до подмоги (нашему гиду пришлось вернуться в город на случайной попутке, чтобы найти другое транспортное средство).

Подмога явилась часа через два или позже и представляла собой небольшой местный автобус (отнюдь не туристический). Этот видавший виды труженик сельских дорог принял «на борт» всю нашу группу с вещами и остатками сала. В нем, кажется, не было «печки», но от тесноты мы скоро согрелись. И что интересно, за все время нашей вынужденной стоянки по дороге не проехал никакой транспорт, способный нас выручить (впрочем, и в московских «пробках» стоят сейчас не меньше). Так или иначе, к поезду мы все-таки успели, и потому без недовольства вспоминали наше приключение.

Кроме поездок по родной стране, как уже упоминалось, было и несколько загранвыездов. Они осуществлялись по линии Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) и иными путями. В 1977 г. группа сотрудников Института отправилась в ГДР. Программа была очень насыщенной. В наш маршрут входили Берлин, Лейпциг, Дрезден, Веймар, Эрфурт, Гота, Сан-Суси и др. И везде экскурсии, посещение музеев и памятных мест, связанных с крупными историческими событиями или именами великих деятелей немецкой культуры. Незабываемо время, проведенное в Дрезденской галерее! Но была и другая тематика в наших экскурсиях — военная: Зееловские высоты, Трептоф-парк, Потсдам, Нюрнберг, Рейхстаг. Свободное время каждый проводил, как хотел; женская часть группы не упускала возможности поближе познакомиться с немецкими магазинами, где ассортимент товаров, по сравнению с нашими магазинами тех лет, казался фантастически широким. Однако «шопинг» (этот современный термин тогда не употреблялся), надо заметить, никогда не был главной целью поездок — мы ездили, чтобы увидеть, узнать, приобщиться.

Для меня тур по ГДР оказался не очень удачным — большую часть времени я боролась с жесточайшей простудой. В один из дней — дело было в Эрфорте — я все же решила пропустить экскурсию и отлежаться в гостиничном номере. Но тут пришла Наташа Ерш (Кабакова), с которой мы много путешествий совершили вместе, и сообщила, что в городе проводится международная выставка кошек (некоторые живые экспонаты вместе со своими хозяевами жили в нашем отеле), и будет просто непростительно не посетить ее. И, презрев мою болезнь, мы, разумеется, отправились смотреть разных породистых мурок (так как у нас в стране в то время подобных выставок и в помине не было).

Помню еще один забавный эпизод из той поездки, точнее, из самого ее начала. В поезде «Москва—Берлин» наша группа заняла почти весь вагон. Ехали весело. Но вот прибыли в Брест, где помимо обычных пограничных и таможенных процедур нам предстояло поменять деньги (разрешено было обменивать до 300 руб.). Это лучше было делать коллективно (или так полагалось?), а не поодиночке. Мы собрали все наши рубли в одном купе, подсчитали — оказалось около десяти тысяч. Молодая женщина, сопровождавшая нашу группу, не решалась с такой кучей денег (учитывая, что там были и трешки, и пятерки, и десятки) идти в обменный пункт. И тогда Юрий Иванович Смирнов взялся за это дело. Он предложил гениально простой и эффективный способ скрытия денег от воров (надеюсь, что эти последние не будут читать наш сборник) — взять старую, мятую газету, сложить в нее все наши богатства, кое-как завернуть, чтобы не выглядело слишком аккуратно, погрузить в авоську и, небрежно размахивая ею, идти в обменник. Кажется, так и сделали, потому что, как уверял Юрий Иванович, никому и в голову не придет, что можно такую огромную сумму нести в авоське.

А за год до поездки в ГДР было незабываемое, просто сказочное путешествие по Сербии и Македонии, оставившее в памяти на всю жизнь яркие впечатления. Это был не обычный туристический, а специализированный маршрут — по сербским монастырям. Некоторые из них находились высоко в горах, и добраться туда было нелегко, но нам предоставили первоклассного водителя (его звали Раде), аса в своем деле, который виртуозно вел автобус по самым сложным горным дорогам. При этом в салоне постоянно звучала какая-нибудь приятная музыка, нам особенно нравились мелодии в исполнении оркестра Поля Мореа (самую любимую с чьей-то легкой руки стали называть «Перуанская лирическая»), и Раде включал эти записи чаще всего. Бывали случаи, когда мы что-то хором пели под аккомпанемент гитары М. Н. Кузьмина, или же под какую-нибудь бодрую мелодию Кузьмин и Оля Северная в проходе между рядами кресел отплясывали что-то зажигательное. И тогда Раде отпускал руль и, глядя на своих веселых пассажиров в зеркало, поднимал руки над головой и хлопал в такт музыке. И все это происходило на извилистых горных дорогах, с одной стороны ограниченных высокими

скалами, с другой — глубочайшими обрывами и бездонными пропастями, в которые страшно было заглядывать. При моей боязни высоты на всех горных участках дороги я с радостью уступала место у окна более храброй Наташе Ерш.

В какое бы время мы ни приехали в тот или иной монастырь, нас всегда радушно встречали немногочисленные монахи или монахини (как правило, молодые и внешне очень привлекательные), немедленно бросая все дела. Находя в нас благодарных слушателей, они с удовольствием рассказывали об истории данного монастыря, его святынях и реликвиях, о своем почти натуральном хозяйстве и с грустью — о том, что их ряды редеют. Один монах подарил каждому из нас на память по веточек засушенного базилика.

Во время этой поездки по нерасчлененной тогда Югославии мы посетили Белград, Ниш, Печ, монастыри Дечаны, Грачаница, Святого Наума и многие другие, побывали в местах археологических раскопок, на Косовом поле, Охридском озере. Но как всегда, не обошлось без некоторых казусов. Хочется вспомнить несколько забавных ситуаций.

Зная, что наша группа состоит из славяноведов, принимающая сторона выделила нам одного из лучших гидов. Однако эта милая женщина, как ни старалась, не могла ответить на некоторые вопросы профессионалов. К счастью для нее и для нас, в составе нашей группы был Евгений Павлович Наумов, специалист по средневековой Сербии. Именно он отвечал на сложные вопросы и делился ценностными сведениями из истории тех мест, где мы бывали. Таким образом, он, сам того не желая, потихоньку занял место гида. Она уже и не пыталась состязаться в знаниях с Наумовым и сама усердно записывала в блокнот его слова. Когда мы подъезжали к новому объекту, который должны были осмотреть, и группа выходила из автобуса, наш гид, выискивая взглядом Евгения Павловича, кричала: «Где этот мужчина, который все знает?». И Наумов начинял очередную «лекцию».

Перед экскурсией на Косово поле нам предстояло переночевать в гостинице Приштины. Но оказалось, что в городе проходит какое-то международное мероприятие и отель занят его участниками. Нам пришлось ехать в небольшой городок Урошевац, в котором преобладало албанское население. Там нас разместили в двухэтажном здании баракного типа, имено-

вавшемся «Отель класса Е». Бывают гостиницы от одной до пяти звезд, но эта вполне могла классифицироваться как минус пятизвездочная (память услужливо подсказала сравнение с филиалом Дома колхозника в городе Горьком). На первом этаже возле ресторана (только по названию) находился туалет (единственный, без половых различий, типа «очко»), где мы хотели помыть руки перед едой. К нашему огромному удивлению, водопровода там не оказалось, зато имелся в наличии старый албанец с кувшином воды и полотенцем на плече.

Нас предупредили, что после шести часов вечера женщинам одним гулять по городку не стоит, и пришлось коротать время в унылой комнате, где не было ничего, кроме двух кроватей, двух стульев, двух пар разных размеров шлепанцев с загнутыми вверх острыми носами и старого вытертого ковра на полу (скорее всего, комнаты в этой гостинице предназначались для интимных встреч). Дверь на балкон, а вернее — длинную галерею, соединявшую все номера, не закрывалась, как и входная дверь — замки там просто не были предусмотрены. Не знаю, как поступили остальные, а мы с Наташей Ерш прошли ножки стульев в ручки дверей и с этими импровизированными запорами более или менее спокойно проспали до утра.

Разительный контраст представлял отель на берегу Охридского озера. В роскошных номерах с мягкой мебелью, обитой тонкой красной кожей, и сантехникой в красных тонах мы почувствовали себя на короткое время западными «буржуями», отдыхающими на курорте (в подобном номере мне раньше не приходилось останавливаться, если не считать того случая, когда во время экскурсии в Ярославль нам с дочкой и Леной Заблудовской на троих случайно достался двухкомнатный «люкс» с черным концертным роялем посреди гостиной). Шли последние дни октября, и осень начала золотить покрытые лесом горы. Днем солнце разогревало воздух порой до +30°, а вечера и ночи были прохладными. Вода в глубоком озере остыла, и искупаться решились лишь самые отважные, остальные любовались яркой лунной дорожкой на водной глади. Озеро оказалось не только изумительно красивым, но и уникальным по своей флоре и фауне. Л. А. Обущенкова выловила в нем каких-то улиток, не встречающихся больше нигде, и хотела привезти их живыми в подарок сыну-биологу. Пока она содержала их, пардон, в биде охридского номера, все

было хорошо, но менее комфорtabельные номера последующих гостиниц (а, скорее всего, отсутствие родной воды) оказали пагубное влияние на жизнь бедных улиток.

Рестораны, в которых нас кормили во время поездки, за-служивают отдельного упоминания. Блюда предлагались в основном обычные, европейские, кроме одного случая, когда нас угостили каким-то сложным сербским мясным блюдом (к сожалению, не знаю названия) — его вывезли на большом подносе, стоявшем на сервировочном столике, оно было полито чем-то спиртосодержащим, к нему поднесли спичку, и оно вспыхнуло ярким пламенем. В темноте зала, где погасили свет, это выглядело очень эффектно. А вот вина подавали местные. Официанты, наливая вино в бокалы, неизменно задавали вопрос: «Шприц?». Это означало предложение разбавить вино водой, но мы его почти с возмущением каждый раз отвергали: чтобы русские да разбавляли вино — никогда! На самом деле, просто хотелось узнать истинный вкус югославских вин.

Забавный случай произошел в одном ресторане, где мы обедали. День был невыносимо жарким, хотелось не столько есть, сколько пить. Но минеральную воду подавали вечером, за ужином, а в обед она не полагалась. Конечно, можно было купить бутылку минералки, но лишних денег ни у кого не было (на всю поездку каждый мог поменять не больше 30 руб.). Однако терпеть жажду не было сил. Мы сидели за одним столом с А. А. Зализняком и обратились к нему, чтобы он как знакомый языков попросил официанта принести обычной водопроводной воды. Андрей Анатольевич заметно напрягся и никак не мог, наверное, из-за изнуряющей жары, облечь эту простую просьбу в подходящие слова. Официант (ему, скорее всего, не приходилось раньше обслуживать русских туристов) не понимал, чего от него хотят. И вдруг Андрею Анатольевичу пришла в голову спасительная идея, и, с надеждой глядя на официанта, он произнес: «Вода с крана». Тот, похоже, сильно удивился подобной просьбе, но через минуту на нашем столе стоял большой кувшин с сырой водой. Мы пили холодную воду и от души смеялись.

Могу вспоминать еще множество поездок, каждая из которых была интересна и неповторима. Эти путешествия, короткие и длинные, еще больше сплачивали коллектив. Но настало

время, когда из культурной жизни нашего Института ушли не только вечера, встречи с интересными людьми, «капустники», елки, но и экскурсионные поездки. Сейчас каждый, имея желание и соответствующее ему финансовое обеспечение, может отправиться в любую точку Земного шара — с познавательными целями или на отдых. И это замечательно! Но разве это может заменить наши увлекательные коллективные поездки?! Как грустно, что они остались в прошлом! Как жаль, что мы больше никуда не едем...

Кто знает, может быть, наступят другие времена, и другие поколения сотрудников Института опять будут вместе путешествовать — на самолетах или морских круизных лайнерах — на Байкал, Чукотку, Северный полюс или в экзотические страны и с улыбкой вспоминать наши рассказы о турпоездках в 50—80-х годах ушедшего XX века.

Б. Ф. Стакеев

История славянобалканская от Пичеты до наших дней (вариант пятый)

Послушайте-ка, внуки,
Что вам расскажет дед.
Мы протираем брюки
В трудах немало лет.

Народ у нас солидный:
Кто сед, кто толст, кто лыс.
Не зря когда-то, видно,
В науку подались.

Для назиданья юным
(Им предков надо знать)
Приходится свою нам
Историю писать.

Решили раз собраться
Ученые. И вот
Кричат друг другу: «Братцы!
Славянский мы народ!».

Сродни мы языками,
Одна у нас душа,
А про славян мы с вами
Не знаем ни шиша.

Молчит у нас наука
Про них немало лет.
Плохая в этом штука.
Порядка в этом нет.

Создать бы центр што ли,
Чего волынить зря?..
И выехали в поле
Тут три богатыря.

На радость всему свету,
Работая за двух,
Взялся тогда Пичета
Рожать славянский дух.

С ним богатырь Державин
Умом и веком схож,
Был в книжном деле славен
И в летописном тож.

От сотворенья века
В правители нам дан
Был достославный Греков
Российских друг крестьян.

Пришли они и стали
Княжить. Но вот изъян:
Ведь не было вначале
Ни смердов, ни дворян.

Без них кому ты вложишь
В умы науки свет?
Приказа дать не можешь.
Совсем порядка нет!

(Вглядевшись в час тот дальний,
Увидите как раз,
Что раннефеодальный
Период был у нас).

Когда ж нам дали ставок,
То – погляди-ка ты! –
Поперли из малявок
Научные киты.

И все народ здоровый:
Недаром вынес он
Матриархат Смирновой
И смуты тех времен.

И знают молодые
Из басен старииков
Про день, когда впервые
Явился Третьяков,

А в кресле том же самом,
Где грелся прежний зам,
Сел Хренов новым замом,
Чтоб дать порядок нам.

Кажись бы, все в порядке
И даже кадры есть.
Но только им, ребятки,
Буквально негде сесть.

Не выполняют планы,
Не создают труды –
И даром трут диваны
Ученые зады.

А положенье это
Большой наносит вред;
Когда простора нету,
Порядка тоже нет.

Но вышло повеленье –
И особняк нам дан.
Пошло переселенье
Великое славян.

И светлым нашим домом
Довольные весьма,
Мы стали том за томом
В печать сдавать тома.

А вскоре к нашей славе
 Указ был новый дан:
 Что мы-де в полном праве
 Давать ученый сан.

Пошли путем успеха
 Причудливо-крутым:
 Кишキン, поклонник Чеха,
 Бромлей, воспевший дым.

В занятых неустанных
 Научный рос баланс:
 Мы в зарубежных странах
 Снискали резонанс.

Пошли на нас в атаки
 Гостей приезжих тьмы:
 Болгары и поляки,
 И чехи, и словаки
 К нам паки прут и паки,
 И всем вниманья знаки
 Оказываем мы.

Мы щедро принимали
 Знакомых и друзей.
 Но здание забрали
 Под пушкинский музей.

Опять вострим мы лыжи
 И дом меняем наш:
 Колонны чуть пожиже,
 Но есть второй этаж.

Расселось наше племя –
 Приятно бросить взгляд.
 Но шеф, погладив темя,
 Уехал в Ленинград.

И в это-то мгновенье
 Прошел тревожный слух,
 Что в ближнем отделенье
 Славян не терпят дух.

Что хочет взять бесстыдно
Лингвистов наш сосед.
Нам ужастъ как обидно:
Совсем порядка нет!

Настал период смутный,
Но тут в конце концов
В наш дом вполне уютный
Вселился Удальцов.

Он близок был порядка
В теченье наших дел:
Хоть правил слишком кратко,
Но многое успел.

В методе актуальной
Узрев научный пуп,
Горчицы структуральной
В славянский капнул суп.

Поправил нам структуру
И «Дранг» соорудил,
Впустил в ансамбль культуру —
И в Прагу укатил.

Весьма заметным сдвигом
Я тот бы факт признал,
Что в дополненье к книгам
Мы начали журнал,

В котором сразу виден
Костюшкин пыл и жар:
Как шеф, журнал солиден,
Серьезен и поджар.

Прошли сквозь перемены —
Для скорби нет причин.
Сидел спокойно Хренов
И блюл старинный чин.

Но время, как известно,
С покоем на ножах –
И вот нам стало тесно
В славянских рубежах.

Кричим: «Расширить планы!
Раздвинуть регион!
Айдате на Балканы,
На Кипр, на Балатон!

Что ж, нам пошли навстречу,
И через пару дён
Явилась к нам на вече
Толпа иных племен.

Пришли Царьграда дщери,
А также сыны,
Но хаты нашей двери
Казались им бедны,

Убоги с миром связи,
Не больно пышен князь...
И скрылись восвояси
(Литаврина лилась).

Зато отраду сердца,
Утеху всей земли
В румынах и венгерцах
Мы сразу обрели.

Мы с лаской их встречаем,
Потом поим чайком,
В дирекцию сажаем,
В бюро и во местком.

А раз в дому прибытки –
Тут новый разговор:
Директор нужен прыткий,
Не меньше, чем член-корр.

Навек внесен в анналы
Величественный день,
Когда ОЛЯ совало
Во урну бюллетень.

И поняло без споров,
Что в их рядах изъян,
И надобно член-корров
Искать среди славян.

И Маркова избранье
Открыло тот этап,
Когда пошли славяне
В большой науки штаб.

(Потом на этом месте
Был маленький застой...
Но с Писаревым чести
Дождался Н. Толстой,

А Маркову научный
Повыше дали сан –
И титул этот звучный
Льстит гордости славян.)

Обширны наши планы –
И, право, не беда,
Что часом ветераны
Клянут свои года,

Тяжеловато дышат,
Фигуры не блудут,
Капустников не пишут,
В артисты не идут.

Ведь смене зная цену,
Зимой или весной
Мы закаляли смену
На базе овощной.

Зато славобалканский
Не дремлет докторант:
Литаврин и Клеванский,
Мурашко и Ольшанский,
Глядишь, и Гибианский
Представит фолиант.

Работалось бы сладко,
Дышалось бы легко
И было б до порядка
Совсем недалеко.

Но так мы обрастили
Научным багажом,
Что в доме затрещали
Этаж за этажом.

Отколь порядку взяться,
Когда грозит обвал?
Пришлось переселяться
Нам в новый ареал.

Становимся друг другу
Далекими теперь:
Одни скользят в Калугу,
Другие тянут в Тверь.

Вот так судьба играет –
И в равнодушный прах
Славянский след стирает
В пустынных Трубниках.

Мы, впрочем, ждать готовы,
Смиряя дух и плоть,
И вместе будем снова,
Коль веку даст господь.

А в будущей науке,
Наверно, будет так:
Получат наши внуки
Просторный особняк,

Где будет пишмашинок
И множителей гул,
А в кабинетах длинных
Под каждым задом стул.

Тогда не скажет новый
Историк и поэт:
«Народ у нас толковый,
А все порядка нет».

1957–1985

Сотрудники Института славяноведения, упоминаемые в сборнике¹

Агапкина Тамара Петровна (1925), филолог. В ИСл в 1954—1993: мнс, нс.

Агапкина Татьяна Алексеевна (1958), дфн (2003). В ИСл с 1984: мнс, нс, снс, внс.

Аксенова Елена Петровна (1946), кин (1984). В ИСл с 1970: снтс, мнс, нс, снс.

Белова Ольга Владиславовна (1960), кфн (1996). В ИСл с 1994: мнс.

Бернштейн Самуил Борисович (1911—1997), дфн (1946). В ИСл в 1947—1997: зав. сектором, снс, руководитель группы, внс-консультант.

Билунов Борис Николаевич (1946—1992), кин (1974). В ИСл в 1991—1992: снс.

Бирман Михаил Абрамович (1919), дин (1980). В ИСл в 1950—1991: мнс, снс, внс.

Богданов Юрий Васильевич (1932), кфн (1963). В ИСл с 1958: мнс, ученый секретарь института, зам. директора, зав. отделом, зав. научным центром, снс.

Богданова Ирина Александровна (1931), кфн (1967). В ИСл: 1957—1981: снтс, мнс, снс.

Будагова Людмила Норайровна (1932), дфн (1995). В ИСл в 1959—1966 и с 1969: мнс, снс, зав. сектором, зав. научным центром, внс.

Булак Татьяна Ганиевна (1944), филолог. В ИСл в 1974—1982: ст. лаборант.

¹ Более подробные сведения см.: Славяноведение в СССР. Библиографический словарь. Нью-Йорк, 1993; Список научных сотрудников Института славяноведения и балканистики (1947—1995) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 395—423.

Булатова Римма Владимировна (1933), кфн (1964). В ИСл в 1956—2003: мнс, снс.

Булыгина-Шейнкерман Антонина Михайловна (1912—1964), кфн (1953). В Исл в 1951—1963: мнс.

Бунина Ирина Константиновна (1918), кфн (1952). В ИСл в 1951—1973: мнс, снс.

Бэлза-Дорошук Игорь Федорович (1904—1994), д-р искусствоведения (1954). В ИСл в 1961—1989: снс, руководитель группы, снс-консультант, внс-консультант.

Валев Любомир Борисович (1915—1981), дин (1965). В ИСл в 1948—1981: мнс, снс, зав. сектором.

Валева Елена Любомировна (1952), кин (1978). В ИСл с 1978: мнс, нс, снс.

Валенцова Марина Михайловна (1964), лингвист. В ИСл в 1992—2006: ст. лаборант, мнс, нс.

Вендина Татьяна Ивановна (1946), дфн (1988). В ИСл с 1992: внс.

Венедиктов Григорий Куприянович (1929), дфн (1992). В ИСл с 1956: мнс, снс, внс.

Виноградов Владилен Николаевич (1925), дин (1966). В ИСл с 1968: снс, зам. директора, зав. отд., зав. сектором, зав. научным центром, гнс.

Виноградова Анна Ивановна (1924), кин (1952). В ИСл в 1953—1986: мнс, снс.

Виноградова Людмила Николаевна (1936), дфн (2001). В ИСл с 1967: мнс, снс, внс.

Витт Вивиана Владимировна (1927—1983), кфн (1960). В ИСл в 1954—1983: мнс, снс.

Владимирская Нина Георгиевна (1923), лингвист. В ИСл в 1954—1961: мнс.

Воздвиженская Татьяна Алексеевна (1937—2001), филолог. В ИСл в 1959—1966: снтс, мнс.

Волков Владимир Константинович (1930—2005), дин (1979), чл.-кор. (2000). В ИСл в 1956—2005: мнс, снс, зав. сектором, директор института, советник РАН.

Волокитина (Игнатьева) Татьяна Викторовна (1947), дин (1998). В ИСл с 1971: снтс, мнс, нс, снс, внс, зав. научным центром.

Волоцкая Зоя Михайловна (1930), кфн (1973). В ИСл в 1961—1989: мнс, нс.

Гаврюшина Лидия Константиновна (1956), кфн (1986). В ИСл с 1988: мнс, нс.

Гадзяцкая Валентина Антоновна. В ИСл в 1947—1958: снтс.

- Гадолина Маргарита Анатольевна (1926—1962), кфн (1952). В ИСл в 1952—1962: мns.
- Гибианский Леонид Янович (1936), историк. В ИСл с 1966: мns, сns, зав. сектором, сns.
- Гиндин Леонид Александрович (1928—1998), дфн (1975). В ИСл в 1970—1994: мns, сns, вns.
- Горский Иван Константинович (1921), дфн (1967). В ИСл в 1953—2006: мns, сns, сns-консультант, вns-консультант.
- Греков Борис Дмитриевич (1882—1953), дин (1934), акад. АН СССР (1935), акад. архитектуры (1939). В ИСл в 1947—1951: директор института (назначен в 1946).
- Греков Игорь Борисович (1921—1993), дин (1971). В ИСл в 1950—1993: мns, сns, вns, вns-консультант.
- Григорьянц Татьяна Юрьевна (1933), кин (1972). В ИСл в 1959—1962, 1968—1993: мns, нс.
- Гринберг Симха Шмулевич (1913), кин (1945). В ИСл в 1947: мns.
- Гришина Ритта Петровна (1930), дин (1978). В ИСл с 1961: мns, сns, вns, зав. сектором, зав. отделом, вns.
- Гура Александр Викторович (1950), дфн (1999). В ИСл с 1978: мns, нс, сns, вns.
- Данилова (Белякова) Нина Павловна (1920—1993), кин (1952). В ИСл в 1956—1978: мns.
- Демина Евгения Ивановна (1927), дфн (1971). В ИСл с 1954: мns, сns, вns.
- Державин Николай Севастьянович (1877—1953), акад. АН СССР (1931) и АПН РСФСР (1944). В ИСл в 1947—1953: сns, руководитель Ленинградской группы института.
- Доронина (Кюссе) Регина Фридриховна (1924), кфн (1956). В ИСл с 1953: мns, сns.
- Досталь Марина Юрьевна (1947), кин (1977). В ИСл с 1970: сntc, мns, нс, сns.
- Достяян Ирина Степановна (1920), дин (1972). В ИСл с 1948: мns, сns, вns, вns-консультант.
- Дыбо Владимир Антонович (1931), дфн (1979), чл.-кор. РАН (2000). В ИСл в 1958—1992: сntc, мns, сns, вns, руководитель группы.
- Дьяков Владимир Анатольевич (1919—1995), дин (1966). В ИСл в 1960—1995: мns, сns, учений секретарь института, зам. директора, зав. сектором, вns.
- Ермакова Дина Александровна (1931), историк. В ИСл в 1971—2005: мns.
- Ермакова Майя Ивановна (1931), кфн (1964). В ИСл с 1958: мns, сns.

- Ешич Момчило Богданович (1921), кфн (1963). В ИСл в 1954—1992: мнс, снс, внс, руководитель группы.
- Журавлев Анатолий Федорович (1949), дфн (1992). В ИСл с 1993: внс, зав. отделом.
- Заблудовская Елена Михайловна (1939), переводчик. В ИСл в 1963—1997: мнс.
- Зaborовский Лев Валентинович (1930—1998), кин (1987). В ИСл в 1962—1998: снты, мнс, нс, снс.
- Зализняк Андрей Анатольевич (1935), дфн (1965), акад. РАН (1997). В ИСл с 1960: мнс, снс, внс, гнс.
- Захарьина Наталья Сергеевна (1938—2001), историк. В ИСл в 1962—2001: снты, мнс, нс.
- Зеленин Владимир Владимирович (1920—1998), дин (1979). В ИСл в 1963—1991: мнс, снс, зав. сектором, внс, внс-консультант.
- Зеленина (Полтораднева) Эльвира Ивановна (1926), кфн (1978). В ИСл в 1949—1962, 1965—1986: снты, мнс.
- Злыднев Виталий Иванович (1919—1999), дфн (1969). В ИСл в 1950—1999: мнс, снс, зав. сектором, внс, внс-консультант.
- Злыднева Наталия Витальевна (1952), д-р искусствоведения (1999). В ИСл с 1981: мнс, нс, снс, внс, зав. отделом.
- Зуева Нина Владимировна (1926), историк. В ИСл в 1950—1987: мнс, нс.
- Иванов Вячеслав Всеволодович (1929), дфн (1978), акад. РАН (2000). В ИСл в 1961—1989: снс, зав. сектором.
- Иллич-Свityч Владислав Маркович (1934—1966), кин (1964). В ИСл в 1958—1966: мнс.
- Ильинская София Борисовна (1938), кфн (1971). В ИСл в 1969—1983: мнс.
- Илюшин Александр Анатольевич (1940), кфн (1965), дфн (1985). В ИСл в 1966—1973: нтс, мнс.
- Исламов Тофик Муслим-оглы (1927—2004), дин (1972). В ИСл в 1968—2004: снс, зав. сектором, зав. научным центром.
- Кабакова Галина Ильинична (1960), кфн (1989). В ИСл в 1989—1994: мнс.
- Кабакова (Ерш) Наталья Владимировна (1946), переводчик. В ИСл в 1966—1967 и 1970—1992: снты, мнс, нс.
- Калнынь Людмила Эдуардовна (1926), дфн (1976). В ИСл с 1952: мнс, снс, внс.
- Карасев Александр Викторович (1952), кин (1984). В ИСл с 1978: мнс, снс, научный секретарь института, зав. отделом.
- Кишкин Лев Сергеевич (1918—2000), кфн (1956), дин (1978). В ИСл в 1954—2000: мнс, снс, внс-консультант.

- Клеванский Александр Харитонович (1921—1985), дин (1967). В ИСл в 1957—1985: мнс, снс.
- Клепикова Галина Петровна (1931—2006), кфн (1961). В ИСл в 1957—2006: мнс, снс.
- Козырина Капитолина Ивановна. В ИСл в 1947—1948: мнс.
- Кондратьева Вера Николаевна (1908—1981), кин (1942). В ИСл в 1947—1973: мнс, снс.
- Королюк Владимир Дорофеевич (1921—1981), дин (1965). В ИСл в 1947—1981: мнс, снс, руководитель группы, зав. сектором.
- Косик Виктор Иванович (1944), дин (1994). В ИСл с 1982: мнс, нс, снс, внс.
- Костюшко Иван Иванович (1919), дин (1963). В ИСл с 1952: мнс, снс, зав. сектором и главный редактор журнала «Советское славяноведение», внс, внс-консультант.
- Кузнецова (Романенкова) Раиса Романовна (1920—2001), кфн (1950), дфн (1971). В ИСл в 1950—1952: мнс.
- Кузьмин Михаил Николаевич (1931), кин (1968), чл.-кор. РАО (1992). В ИСл в 1958—1970, 1976—1991: мнс, снс, зав. сектором и отделом, снс.
- Лекомцева (Бурлакова) Маргарита Ивановна (1935), кфн (1964). В ИСл в 1960—1994: мнс, снс.
- Леньшина Маргарита Ивановна (1941), историк. В ИСл с 1967: мнс, нс, зав. центром компьютерной полиграфии.
- Липатов Александр Владимирович (1937), дфн (1990). В ИСл с 1965: мнс, снс, внс.
- Маковецкая Тамара Федоровна (1944), историк. В ИСл с 1970: снц, мнс, нс.
- Манусевич Александр Яковлевич (1913—1997), дин (1965). В ИСл в 1955—1997: снс, внс-консультант.
- Марков Дмитрий Федорович (1913—1990), дфн (1954), акад. (1984). В ИСл в 1956—1990: снс, зав. сектором, директор института, советник дирекции.
- Марьина Валентина Владимировна (1927), дин (1983). В ИСл с 1955: мнс, снс, зав. сектором, внс.
- Масленникова Людмила Ивановна (1938—1998), лингвист. В ИСл в 1963—1998: мнс, нс.
- Маслов Юрий Сергеевич (1914—1990), дфн (1957). В ИСл в 1950—1960: мнс, снс.
- Матвеев Геннадий Филиппович (1943), дин (1992). В ИСл в 1971—1972: мнс.
- Мельникова Ирина Николаевна (1918), кин (1946), дин (1961), чл.-кор. АН УССР (1973). В ИСл в 1947—1959: мнс, учёный секретарь института, снс.

Миллер Алексей Ильич (1959), кин (1986), дин (2001). В ИСл в 1984—1999: мнс, снс, снс.

Миллер Илья Соломонович (1919—1978), дин (1965). В ИСл в 1947—1978: мнс, снс, зав. сектором.

Миско Михаил Васильевич (1904—1972), кин (1944). В ИСл в 1947—1964: снс.

Михайлова (Цывьян) Татьяна Владимировна (1937), дфн (1992). В ИСл с 1964: мнс, снс, внс.

Можаева Инесса Евгеньевна (1925—1996), кин (1954). В ИСл в 1951—1989: мнс, снс.

Можарова Галина Сергеевна (1905), литературно-издательский работник. В ИСл в 1949—1963: мнс.

Молошная Татьяна Николаевна (1932), дфн (1997). В ИСл с 1960: мнс, снс, внс.

Морозова Ольга Павловна (1927), кин (1972). В ИСл в 1952—1991: мнс, снс.

Мочалова Виктория Валентиновна (1945), кфн (1975). В ИСл с 1973: мнс, снс, зав. научным центром.

Мурашко Галина Павловна (1932), дин (1980). В ИСл с 1959: мнс, снс, внс, зав. научным центром, внс.

Наумов Евгений Павлович (1932—1990), дин (1978). В ИСл в 1958—1990: мнс, снс, внс.

Невская (Силюянова) Лидия Георгиевна (1938), кфн (1974). В ИСл в 1966—2002: снс, мнс, нс, снс.

Недорезов Александр Иванович (1919—2001), дин (1963). В Исл в 1952—1955, 1962—1989: снс, зав. сектором, зам. директора института, внс-консультант.

Нещименко Галина Парфеньевна (1933), дфн (1978). В ИСл с 1959: мнс, снс, внс.

Никитин Сергей Александрович (1901—1979), дин (1947). В ИСл в 1947—1979: зав. сектором, зам. директора института, снс-консультант.

Никифоров Константин Владимирович (1956), дин (2001). В ИСл в 1985—1992 и с 1999: нс, снс, внс, директор института.

Николаев Сергей Львович (1954), дфн (1993). В ИСл с 1986: мнс, нс, снс, внс.

Николаева Татьяна Михайловна (1933), дфн (1975), чл.-кор. РАН (2000). В ИСл с 1960: мнс, снс, внс, зав. сектором, зав. отделом.

Никольский Сергей Васильевич (1922), дфн (1971). В ИСл с 1948: мнс, снс, зав. сектором, внс, гнс.

Никулина Майя Владимировна (1933), кин (1985). В ИСл в 1966—1991: мнс, нс.

- Носкова Альбина Федоровна (1936), дин (1986). В ИСл с 1964: мнс, снс, вns.
- Обнорский Сергей Петрович (1888—1962), акад. (1939). В ИСл в 1947: зам. директора института.
- Обушенкова Лариса Акимовна (1930—1997), кин (1964). В ИСл в 1957—1992: мнс, снс.
- Орехов Александр Михайлович (1933), кин (1971). В ИСл в 1958—1993, с 2000: снтс, мнс, снс.
- Осипова Нюрия Семиулловна (1953), кфн (1989). В ИСл с 1970: снтс, мнс, нс.
- Писарев Юрий Алексеевич (1916—1993), дин (1962), акад. РАН (1992). В ИСл в 1968—1993: зав. сектором, гнс, советник дирекции.
- Пичета Владимир Иванович (1878—1947), д-р рус. истории (1918), акад. (1946). В ИСл в 1947: зам. директора института.
- Плотникова Анна Аркадьевна (1959), дфн (2005). В ИСл с 1991: мнс, нс, снс, вns.
- Поплыко Динаида Федоровна (1932), кин (1974). В ИСл в 1959—1987: мнс, снс.
- Попова Татьяна Вениаминовна (1929), дфн (1978). В ИСл в 1957—1991: мнс, снс, вns.
- Прасолов Сергей Иванович (1918—1984), кин (1954). В ИСл в 1950—1960, 1962—1966, 1979—1984: мнс, снс.
- Ратнер Надежда Давыдовна (1916—1995), кин (1951). В ИСл в 1961—1980: мнс, снс.
- Ревзин Исаак Иосифович (1923—1974), дфн (1964). В ИСл в 1961—1974: снс.
- Ритчик Юрий Иванович (1939), историк культуры. В ИСл с 1962: снтс, мнс, нс, зав. научным центром, снс.
- Рогов Александр Иванович (1935—1996), кин (1964). В ИСл в 1960—1996: мнс, снс, вns, главный редактор журнала «Славяноведение».
- Романенко Сергей Александрович (1956), кин (1986). В ИСл в 1983—1999: мнс, нс, снс.
- Руколь Бася Менделевна (1917—2000), кин (1943). В ИСл в 1947—1949: мнс.
- Рябова Евгения Ивановна (1925—1976), кфн (1956). В ИСл в 1954—1976: мнс, снс.
- Санчук Генрих Эдуардович (1917—1996), дин (1984). В ИСл в 1947—1986: мнс, снс.
- Свирида Инесса Ильинична (1937), канд. искусствоведения (1966), дин (1985). В ИСл с 1964: мнс, снс, вns.
- Северная Ольга Александровна (1936), историк культуры. В ИСл в 1971—1992: мнс.

Сегал Дмитрий Михайлович (1938), лингвист. В ИСл в 1960—1972: мнс.

Седакова Ирина Александровна (1955), кфн (1984). В ИСл с 1991: нс, снс.

Смирнов Лев Никандрович (1928—2002), дфн (1972). В ИСл в 1955—2002: мнс, снс, зав. сектором, внс, зав. научным центром.

Смирнов Юрий Иванович (1935), кфн (1971). В ИСл в 1960—1990: снтс, мнс, снс.

Смирнова Валентина Адриановна (1902—1965), кин (1947). В ИСл в 1948—1952: мнс, зам. директора института.

Соловьевева Анна Петровна (1923), кфн (1951). В ИСл в 1951—1988: мнс, снс.

Софронова (Козырева) Людмила Александровна (1941), дфн (1983). В ИСл с 1962: снтс, мнс, снс, внс, зав. сектором, зав. отделом, внс.

Стахеев Борис Федорович (1924—1993), кфн (1959). В ИСл в 1954—1993: мнс, снс.

Струкова Ксения Леонидовна (1922—1984), кин (1952). В ИСл в 1955—1981: мнс, снс.

Судник Тамара Михайловна (1939), кфн (1971). В ИСл с 1966—1997: нтс, мнс, снс.

Терновская Ольга Алексеевна (1948), кфн (1977). В ИСл в 1978—1991: мнс, нс.

Титова Людмила Николаевна (1934—2004), дфн (1995). В ИСл в 1964—2004: мнс, снс, внс.

Тихомиров Михаил Николаевич (1893—1965), дин (1939), акад. (1959). В ИСл в 1957—1965: снс.

Толстая Марфа Никитична (1965), лингвист. В ИСл с 1994: мнс, нс.

Толстая (Шур) Светлана Михайловна (1938), дфн (1993). В ИСл с 1961: снтс, мнс, снс, руководитель группы, зав. отделом.

Толстой Никита Ильич (1923—1996), дфи (1972), акад. (1987). В ИСл в 1954—1996: мнс, снс, руководитель группы, зав. сектором, зав. отделом, гнс.

Топоров Владимир Николаевич (1928—2005), дфн (1988), акад. (1990). В ИСл в 1954—2005: мнс, снс, зав. сектором, внс, гнс.

Третьяков Петр Николаевич (1909—1976), дин (1945), чл.-кор. АН СССР (1958). В ИСл в 1951—1959: директор института.

Трубачев Олег Николаевич (1930—2002), кфн (1957), дфн (1965), акад. (1992). В ИСл в 1956—1961: мнс.

- Турилов Анатолий Аркадьевич (1951), кин (1980). В Археографической комиссии в 1979—1989: мис, ис, сис. В ИСл с 1989: сис.
- Турок-Попов Владимир Михайлович (1904—1981), дин (1957). В ИСл в 1961—1987: сис, сис-консультант.
- Удальцов Иван Иванович (1918—1995), дин (1984). В ИСл в 1947—1950, 1959—1962, 1979—1988: мис, директор института, сис, вис.
- Удальцова Зинаида Владимировна (1918—1987), кин (1945), дин (1960), чл.-кор. АН СССР (1976). В ИСл в 1947—1949 и 1968—1970: мис, сис, зав. сектором.
- Удунян Акоп Арутюнович (1924—2003), кин (1969). В ИСл в 1957—2003: снис, мис, сис.
- Успенский Федор Борисович (1966), дфн (2005). В ИСл с 1999: мис, ис, сис, вис.
- Фалькович Светлана Михайловна (1932), дин (1977). В ИСл с 1962: мис, сис, вис.
- Флоря Борис Николаевич (1937), дин (1980), чл.-кор. РАН (2000). В ИСл с 1965: мис, сис, вис, гис, зав. отделом.
- Фрейдзон Владимир Израилевич (1922—2004), дин (1971). В ИСл в 1956—2004: мис, сис, вис, вис-консультант.
- Фридман Михаил Владимирович (1922—2006), дфн (1990). В ИСл в 1974—2006: мис, сис, вис, вис-консультант.
- Хелимский Евгений Арнольдович (1950), дфн (1988). В ИСл в 1979—1992: мис, сис, вис, вис-консультант.
- Хитрова Нина Ивановна (1925), дин (1984). В ИСл в 1955—1975: мис.
- Ходова Капитолина Ивановна (1918—2005), дфн (1972). В ИСл в 1951—1986: мис, сис, сис-консультант.
- Хорев Виктор Александрович (1932), дфн (1978). В ИСл с 1957: мис, сис, вис, зам. директора института, зав. отд.
- Хренов Иван Александрович (1906—1975), дин (1966). В ИСл в 1953—1975: зам. директора института, директор, сис.
- Цейтлин Раля Михайловна (1920—2001), дфн (1973). В ИСл в 1955—2001: мис, сис, вис, вис-консультант.
- Целовальникова Анна Константиновна (1902—1964), историк. В ИСл в 1947—1948: мис.
- Цивьян Т. В. — см. Михайлова Т. В.
- Цыбенко Ольга Васильевна (1954), филолог. В ИСл с 1991: ст. лаборант, мис, ис.
- Чеканова Галина Петровна (1908), кин (1950). В ИСл в 1950—1964: сис, мис.
- Чешко Елена Владимировна (1916), дфн (1970). В ИСл в 1947—1986: мис, сис, сис-консультант.

Чуркина Искра Васильевна (1931), дин (1980). В ИСл с 1958: мнс, снс, внс, зав. сектором, внс.

Шатохина Екатерина Мелентьевна (1924—2003), историк. В ИСл в 1957—1962, 1966—1989: мнс, нс.

Шаумян Себастиан Константинович (1916—2007), кфн (1950). В ИСл в 1954—1960: мнс, снс.

Шептунов Игорь Михайлович (1918—1978), кфн (1958). В ИСл в 1951—1978: мнс, референт Н. С. Державина, ученый секретарь института, зам. директора, зав. сектором, снс.

Шерлаимова Светлана Александровна (1927), дфн (1973). В ИСл с 1954: мнс, снс, зав. сектором, внс, зав. научным центром.

Шкундин Григорий Давидович (1960), кин (1998). В ИСл в 1992—2002: мнс, нс.

Шмидт Сигурд Оттович (1922), дин (1964), акад. РАО (1992). В Археографической комиссии с 1968: председатель комиссии. В ИСл с 2001: советник РАН, гнс.

Принятые сокращения: **акад.** — академик, **внс** — ведущий научный сотрудник, **гнс** — главный научный сотрудник, **дин** — доктор исторических наук, **дфи** — доктор филологических наук, **ИСл** — Институт славяноведения, **кин** — кандидат исторических наук, **кфн** — кандидат филологических наук, **мнс** — младший научный сотрудник, **нс** — научный сотрудник, **нтс** — научно-технический сотрудник, **снс** — старший научный сотрудник, **снтс** — старший научно-технический сотрудник, **чл.-кор.** — член-корреспондент.

Содержание

Предисловие (<i>Е. П. Аксенова</i>)	3
О работе и не только	
Своими воспоминаниями делятся:	
<i>М. А. Бирман.</i> О В. И. Пичете и «пичетнике» (к истории создания Института славяноведения)	9
<i>И. С. Достян.</i> У истоков.....	27
<i>И. И. Костюшко.</i> В аспирантуре Института славяноведения (1949—1951 гг.).....	35
<i>Л. Э. Калнынь.</i> Заметки о секторе славянского языкознания в 1950—1960-е годы	42
<i>В. В. Марьина.</i> Мои первые годы в Институте.....	46
<i>И. В. Чуркина.</i> На Кропоткинской	53
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Памятные эпизоды разных лет.....	58
<i>Р. В. Булатова.</i> Большая лингвистика в нашем Институте	72
<i>Т. Н. Молошная.</i> Кетская экспедиция	82
<i>С. М. Толстая.</i> Полесские экспедиции.....	89
<i>Л. Н. Будагова.</i> Ах, Институт мой, Институт.....	100
<i>В. Н. Виноградов.</i> Былое без дум.....	114
<i>Р. П. Гришина.</i> Кое-что о времени и о себе.....	117
<i>С. О. Шмидт.</i> Слова признательности	125
С уважением и любовью (штрихи к портретам)	
Тех, кого уже нет с нами, вспоминают:	
<i>Г. П. Мурашко.</i> Иван Александрович Хренов	133

<i>M. Ю. Досталь.</i> Из воспоминаний об И. С. Миллере и В. А. Дьякове	137
<i>M. А. Бирман.</i> В. Д. Королюк. Эскиз к портрету	141
<i>A. Ф. Носкова.</i> В. М. Турок-Попов, каким я его помню	144
<i>T. В. Волокитина.</i> Мой учитель Любомир Борисович Валев	150
<i>Ю. В. Богданов.</i> О Д. Ф. Маркове	160
<i>Ю. И. Ритчик.</i> Игорь Федорович Бэлза	163
<i>O. Н. Трубачев.</i> Из воспоминаний о Н. И. Толстом	171
<i>P. В. Булатова, P. Ф. Доронина.</i> Инесса Евгеньевна Можаева	182
<i>C. A. Романенко.</i> Владимир Израилевич Фрейдзон и Тофик Муслимович Исламов	185
<i>И. В. Волкова.</i> Владимир Константинович Волков: человек и ученый	193
<i>G. П. Мурашко, A. Ф. Носкова.</i> В. К. Волков в нашей памяти	199
<i>C. M. Толстая.</i> Из воспоминаний о Владимире Николаевиче Топорове	203
<i>A. A. Плотникова.</i> О Галине Петровне Клепиковой	213
Не наукой единой (как мы отдыхали)	
Рассказывают:	
<i>C. A. Шерлаимова.</i> ...А еще были «капустники»	223
<i>C. M. Фалькович.</i> «Соль в капусте» (о традициях культурной жизни)	235
<i>E. П. Аксенова.</i> Мы едем, едем, едем...	248
Приложение	
<i>B. Ф. Стажеев.</i> История славянобалканская от Пичеты до наших дней	259
Сотрудники Института славяноведения, упоминаемые в сборнике	268

Научное издание

КАК ЭТО БЫЛО...

Воспоминания сотрудников
Института славяноведения

На обложке:
Евг. Куманьков. Осенний вечер. 1971
(Москва, Трубниковский, 30-а)

Книга подготовлена к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Иллюстрации М. И. Леньшиной

Подписано в печать 05.06.2007. Печ. л. 19,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 0000. Цена договорная.

Kalk Seite ohne
Gitter

